

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

2020 Том 22 № 2

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Научный журнал
Издается с 1999 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61179 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Почта Ю.М., доктор философских наук,
профессор кафедры сравнительной политологии
Российского университета дружбы народов,
Москва, Российская Федерация
E-mail: pochta-yum@rudn.ru

Ответственный секретарь

Казаринова Д.Б., кандидат политических наук,
доцент кафедры сравнительной политологии
Российского университета дружбы народов,
Москва, Российская Федерация
E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Грачев М.Н. — доктор политических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии
Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Российская Федерация

Члены редакционной коллегии

Иванов В.Г. — доктор политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Панкратов С.А. — доктор политических наук, профессор и заведующий кафедрой международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета, Волгоград, Российская Федерация

Мчедлова М.М. — доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Карадже Т.В. — доктор философских наук, профессор и заведующая кафедрой политологии и социологии Московского педагогического государственного университета, Москва, Российская Федерация

Попова О.В. — доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Коваленко В.И. — доктор философских наук, профессор и заведующий кафедрой российской политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Капустин Б.Г. — доктор философских наук, профессор Йельского университета, Нью-Хейвен, США

Войтацки К.А. — доктор политических наук, профессор и заведующий кафедрой права и европейских институтов факультета политических наук и международных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша

Витковска М. — доктор политических наук, профессор, научный сотрудник факультета политических наук и международных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша

Дуткевич П. — доктор политических наук, профессор, директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтонском университете, Оттава, Канада

Францке Й. — доктор политических наук, профессор, заместитель декана факультета экономических и социальных наук Потсдамского университета, Потсдам, ФРГ

Пачеко Амарал К. — доктор политических наук, профессор Университета Азорских островов, Понта-Делгада, Португалия

Када Н. — доктор политических наук, профессор Университета Гренобль Альпы, Гренобль, Франция

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Языки: русский, английский.

Индексация: РИНЦ, ВАК, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions, ResearchBib, Lens, Microsoft Academic, Research4Life

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 20827.

Цели и тематика

Журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология* (*Вестник РУДН. Серия: Политология*) — периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 1999 г. С момента своего создания журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих и старейших политологических журналов России.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам политической науки. «Вестник РУДН. Серия: Политология» ставит своей задачей сопряжение западной и незападной политической теории, что лежит в основе исследовательских направлений научной школы РУДН. Помимо исследований, выполненных с использованием методологии традиционного для политической науки институционального анализа, редакция приветствует использование методологии цивилизационного и ценностного подходов к изучению политической реальности, а также кросс-региональных сравнительных исследований.

Традиционной проблематикой журнала являются: политические процессы в России, социокультурные факторы политики, диалог цивилизаций в координатах сравнения ценностных систем и политических культур, институциональных особенностей и мировоззренческих ориентиров. Редакция приветствует исследования социально-политических процессов и явлений в соотношении традиционного и современного на основе инновационного характера теории и методологического разнообразия.

Цель журнала — способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами. Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политологии. Целевой аудиторией журнала являются специалисты-политологи, а также аспиранты и докторанты, обучающиеся по направлениям «Политология» и «Международные отношения».

В своей деятельности редакционная коллегия руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/political-science>.

Электронный адрес: politj@rudn.ru.

Литературный редактор: *И.Л. Панкратова*

Компьютерная верстка: *Ю.Н. Ефремова*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2

Тел.: (495) 936-85-28;

e-mail: politj@rudn.ru

Подписано в печать 01.04.2020. Выход в свет 08.05.2020. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 14. Тираж 500 экз. Заказ № 452. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE

2020 VOLUME 22 No. 2

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Founded in 1999

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

CHIEF EDITOR

Yury Pochta, Doctor of Philosophy,
Full Professor of the Department of Comparative
Politics, Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation
E-mail: pochta-yum@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Daria Kazarinova, PhD in Political Sciences,
Associate Professor of the Department
of Comparative Politics, Peoples' Friendship
University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russian Federation
E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Mikhail Grachev — Doctor of Political Sciences, Full Professor of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

ASSOCIATE EDITORS

Vladimir Ivanov — Doctor of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Sergey Pankratov — Doctor of Political Sciences, Full Professor and Head of the Department of International Relations, Political Science and Regional Studies, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Maria Mchedlova — Doctor of Political Sciences, Full Professor and Head of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Tatiana Karadje — Doctor of Philosophy, Full Professor and Head of the Department of Political Science and Sociology, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

Olga Popova — Doctor of Political Sciences, Full Professor and Head of the Department of Political Institutions and Applied Political Science, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Valery Kovalenko — Doctor of Philosophy, Full Professor and Head of the Department of Russian Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Boris Kapustin — Doctor of Philosophy, Professor of Yale University, New Haven, The United States of America

Konstanty Wojtaszczyk — Doctor of Political Sciences, Professor and Head of the Department of European Law and Institutions, Faculty of Political Sciences and International Studies, University of Warsaw, Warsaw, Poland

Marta Witkowska — Doctor of Political Sciences, Professor at the Faculty of Political Sciences and International Studies of the University of Warsaw, Warsaw, Poland

Piotr Dutkiewicz — Doctor of Political Sciences, Full Professor, Director of the Institute of European, Russian and Eurasian Studies, Carleton University, Ottawa, Canada

Johan Franzke — Doctor of Political Sciences, Full Professor and Vice Dean of the Faculty of Economic and Social Sciences, Potsdam University, Potsdam, Germany

Carlos Pacheko Amaral — Doctor of Political Sciences, Full Professor, University of the Azores, Ponta-Delgada, Portugal

Nicolas Kada — Doctor of Political Sciences, Full Professor, Université Grenoble Alpes, Grenoble, France

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

Publication frequency: quarterly

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Languages: Russian, English

Indexation: Russian Science Citation Index (elibrary.ru), Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, East View, DOAJ, Dimensions

Aims and Scope

RUDN Journal of Political Science is a peer-reviewed international academic journal that publishes research in political science. The journal is international with regard to its editorial board members, contributing authors and publication topics. The journal has been published since 1999. Ever since its first issue, the journal has been complying with the highest scientific and ethical standards and is one of the leading and oldest contemporary political science journals in Russia.

The aim of the journal is to promote broad academic exchange and cooperation between Russian and international political scientists. The journal publishes original results of fundamental and applied research on the topical issues of political science. The RUDN Journal of Political Science makes a focus on the conjunction of the European, American and non-Western political theory which the RUDN research school is based on. The RUDN Journal is fully committed to publishing a high quality research papers, based on plurality of methodological and theoretical approaches. The journal is interdisciplinary with a focus on the social sciences, policy studies, law, and international affairs. The goals of the journal are to provide an accessible forum for research and to promote high standards of scholarship.

The journal covers such sub-areas as Russian and international politics, sociocultural factors of politics, the dialogue of civilizations in terms of values and political cultures' comparison, institutional features and cultural outlooks. The journal welcomes research articles and reviews devoted to various problems of political science. The target audience of the journal are Russian and foreign specialists, political scientists and post-graduate students in the fields of political science and international relations.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/political-science>.

E-mail: politj@rudn.ru.

Review editor *I.L. Pankratova*
Computer design *Yu.N. Efremova*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze St, 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board
RUDN Journal of Political Science:
Miklukho-Maklaya St, 10a, Moscow, Russia, 117198
Ph. 936-85-28, fax 936-85-22;
e-mail: politj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya St, 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41;
e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛОБАЛЬНОЕ ДИСКУРСИВНОЕ ПРОТИВОБОРСТВО

- Дуткевич П.** Сила гегемона: роль дискурса 167
- Казаринова Д.Б.** Ревизионизм и неоревизионизм в российской внешней политике. Размышляя над книгой Sakwa R. Russia's Futures. Polity Press, 2019 179
- Подшибякина Т.А.** «Золотой щит» Китая: политика управления мнемоническими интернет-практиками 194

МЯГКАЯ СИЛА И ОБРАЗ РОССИИ

- Коньков А.Е.** Мягкая сила для России: от восприятия к навыкам латентного управления 205
- Савельева М.А.** Образ России в СМИ стран ЕАЭС: медиаметрический анализ 222
- Djokic A.** The Perspectives of Russia's Soft Power in the Western Balkans Region (**Джокич А.** Перспективы мягкой силы России в регионе Западных Балкан) 231

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ И ВОЙНЫ ПАМЯТИ

- Кузнецов И.И.** Великая Отечественная война в школьном курсе литературы: особенности политической социализации школьников 245

БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ

- Надточей Ю.И., Малфет М.** Политические проблемы сотрудничества России и ЕС в борьбе с международным терроризмом на уровне полиции и спецслужб 262
- Садеги Э. Мир Мохаммад.** Ирано-российское сотрудничество в сферах обороны и безопасности 276

ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

- Антюхова Е.А.** Ценности успешной личности: постмодерн образования в постиндустриальном обществе 290
- Баттистелла Д.** Международные образовательные программы как инструмент мягкой силы и выстраивания диалога между государствами. Интервью с Дарио Баттистелла, директором по исследованиям Университета Сьянс По Бордо (Франция) 305
- De Martino M.** Promotion of Political Values through International Programs of Academic Mobility (**Де Мартино М.** Продвижение политических ценностей посредством международных программ академической мобильности) 312

CONTENTS

GLOBAL DISCURSIVE CONFRONTATION

- Dutkiewicz P.** The Power of Hegemon: the Role of Discourse 167
- Kazarinova D.B.** Revisionism and Neo-Revisionism in Russian Foreign Policy: Reflecting on the Book by Sakwa R. Russia's Futures. Polity Press, 2019 179
- Podshibyakina T.A.** China's "Gold Shield": Monemonic Internet Practice Management Policy 194

SOFT POWER AND RUSSIA'S IMAGE

- Konkov A.E.** Soft Power for Russia: from Adoption to Latent Governance Skills 205
- Savelyeva M.A.** The Image of Russia in the Media of the EAEU Countries: the Mediametric Analysis 222
- Djokic A.** The Perspectives of Russia's Soft Power in the Western Balkans Region 231

THE MEMORY OF WAR AND MEMORY WARS

- Kuznetsov I.I.** Great Patriotic War in School Literature: Features of Political Socialization of Students 245

COUNTER-TERRORISM

- Nadtochey Yu.I., Malfait M.** Political Issues of Cooperation on Global Terrorism between the EU and Russia's Police and Special Agencies 262
- Sadegi E. Mir Mohammad.** Iran–Russia Defense and Security Cooperation 276

EDUCATION POLICY

- Antyukhova E.A.** Values of a Successful Person: a Postmodern Education in a Post-Industrial Society 290
- Battistella D.** International Educational Programs as an Instrument of Soft Power and Building Dialogue between States. Interview with Dario Battistella, Director for Research of Sciences Po Bordeaux (France) 305
- De Martino M.** Promotion of Political Values through International Programs of Academic Mobility 312

ГЛОБАЛЬНОЕ ДИСКУРСИВНОЕ ПРОТИВОБОРСТВО

GLOBAL DISCURSIVE CONFRONTATION

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-167-178

Научная статья / Research article

Сила гегемона: роль дискурса

Пиотр Дуткевич

Карлтонский университет
С679 Леб, Оттава, Канада
piotr.dutkiewicz@carleton.ca

The Power of Hegemon: the Role of Discourse

Piotr Dutkiewicz

Carleton University
С679 Loeb Building, Ottawa, Canada
piotr.dutkiewicz@carleton.ca

Аннотация. В статье исследуется один из центральных вопросов современного международного дискурса: как поддерживается мировой порядок, как он меняется, переосмысливается или трансформируется в глобальный беспорядок и конкуренцию между великими и малыми державами? Традиционная оптика, используемая для рассмотрения этих вопросов, – это «гегемония» или «господство». В статье обсуждается, как концептуализируется гегемония, какие ресурсы мобилизуются (материальные, дискурсивные, институциональные и перформативные) для поддержания гегемонии и как выглядит нынешняя шахматная доска геополитики с точки зрения роста и заката держав. Используя метафору сошедшего с рельсов поезда, мы, тем не менее, предлагаем и оптимистичный вариант развития событий. Во-первых, мы движемся от однополярного к полицентричному миру. Во-вторых, новый мир будет менее разделенным, поскольку будет основан на макрорегиональных договоренностях. В-третьих, межрегиональные договоренности будут более цивилизованными и, следовательно, менее подверженными конфликтам. Наконец, в целях выживания они скорее будут склонны добровольно поддерживать тесные связи с другими макрорегионами, делая систему более стабильной, чем сегодня.

Ключевые слова: мировой порядок, глобальный беспорядок, гегемония, дискурс, политическая онтология, полицентричность, негосударственный акторы гегемонии

© Дуткевич П., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи: Поступила в редакцию 02.02.2020. Принята к публикации 12.02.2020.

Для цитирования: Дуткевич П. Сила гегемона: роль дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 2. С. 167–178. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-167-178

Благодарности: Исследование проведено при поддержке проекта РУДН 5-100.

Abstract. This paper explores one of the central issues of current international discourse : how is world order sustained and maintained, is it shifting and changing, is it being reinvented and reimagined, or are we on the cusp of global disorder and competition among great and small powers? The conventional lens used to examine these questions is that of ‘hegemony’ or ‘dominance.’ This paper discusses how hegemony is conceptualized, what kinds of resources are mobilized (material, discursive, institutional, and performative) in maintaining hegemony, and what the current chessboard of geopolitics looks like in terms of rising and falling powers. Despite a chaotic picture of the train derailed there is also an optimistic end of that story. First we are moving from a unipolar to the polycentric world. Secondly that new world will be less dramatically divided as it will be based on macro-regional arrangements. Thirdly multi-regional arrangements will be closer civilizationally and thus less prone to conflicts. Finally – in order to survive – most probably they will voluntarily keep close ties with other macro-regiond making the system more stable that today.

Keywords: world order, global disorder, hegemony, discourse, political ontology, polycentricity, non-state actors of hegemony

Article history: Submitted on 02.02.2020. Accepted on 12.02.2020.

For citation: Dutkiewicz P. The Power of Hegemon: the Role of Discourse. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (2): 167–178. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-167-178

Acknowledgments: The article has been prepared with the support of the «RUDN University Program 5-100».

Конец знакомого мирового порядка, или Поезд, сошедший с рельсов

Поезд устоявшегося мирового порядка сошел с рельсов, и его машинисты – транснациональные элиты – в панике. Поезда в этом контексте – это политические акторы глобальной политики различного типа: это и национальные государства, и международные организации, и неправительственные организации, сетевое общество и мировая экономика в целом. Их объединяет то, что все они потеряли управляемость, а лица, ответственные за принятие решений, действуют *ad hoc*, иррационально и непредсказуемо. Такую политику, как, например, политика президента США Д. Трампа в отношении Китая, было невозможно представить еще два года назад. Все изменяется, и привычные политические формы трансформируются настолько, что от них остается одно название. Означающее и означаемое расходятся все дальше, рождая новую политическую онтологию [1]. Нынешние национальные государства только напоминают по форме государство, которое мы знали, но где

их суверенитет? Какое место занимает гражданин? Власть? Где политика как проблема выбора того, что должно быть сделано? Все это на наших глазах уходит. Ключевая проблема западных стран в том, что в ходе глобализации они утратили монополию на перераспределение ресурсов в пользу внешних сил. И весь мировой порядок, построенный на принципе национальной государственности, перестал функционировать.

В нашей железнодорожной метафоре под поездами мы понимаем государства и международные институты и практики, а под рельсами – развитие. Причем в нашем понимании развитие – это движение в сторону устойчивого и, возможно, более справедливого распределения труда и экономического и социального блага. Но такое понимание развития лишь одно из многих возможных. Для неolibералов развитие – это воля рынка, который определяет все. В их понимании свободный рынок сам отрегулирует все общественные отношения и все социальные проблемы, им же порождаемые. Однако то, что работало в рамках национальных государств, не срабатывает в глобальном масштабе. Неolibеральный подход сталкивается с ограничениями, ведь глобальный рынок не решает глобальных проблем – проблем экологии, бедности, эпидемий. А глобальное гражданское общество, на бурное развитие которого сильно рассчитывали в начале 2000-х [2], не имеет для этого никаких сопоставимых ресурсов.

Наш поезд национального государства и мировой экономики разделен на три класса. Первый класс – это люди, которые уверены, что могут справиться с любой задачей. Эти пассажиры настолько богаты, что этим восьми человекам принадлежат 2/3 мирового богатства, согласно отчету Oxfam 2018 г. А в 2019-м этих пассажиров стало не восемь, а семь, и им принадлежит уже 3/4 мирового богатства. Некоторые из них зарабатывают 60–70 млн долл. в минуту.

Второй класс – это то, что мы пока еще привычно называем средним классом. К нему принадлежат и люди, а в глобальном масштабе и целые государства, относящиеся к развитому миру, которые стремятся продолжать следовать привычному стилю жизни, и многим это удастся. Это около 10–15% мирового населения. Их положение пока довольно стабильно, но они испытывают осязаемое беспокойство от понимания, что для того чтобы жить привычным образом и оставаться во втором классе, они вынуждены работать гораздо больше. За последние 20 лет американский средний класс потерял 1/3 реального дохода.

Третий класс – это все остальные, те, кто живет на грани выживания, включая бедные и беднейшие слои. Они составляют около 2/3 населения земного шара.

Общеизвестен негативный эффект глобализации: она сделала богатых богаче, а бедных беднее. Однако несмотря на то, что после глобального кризиса 2008 года темпы глобализации снизились до состояния, которое позволяет говорить о деглобализации или, по крайней мере, о спаде глобализаци-

онной волны, с 2014 года расслоение идет еще более быстрыми темпами, и многие «пассажиры» переходят в третий класс, где царит отчаяние и политике уже нет места.

В первом классе есть пространство для политики. Пассажиры встречаются и периодически пытаются договориться о траектории поезда, о будущем этого мира. Они ездят на этом поезде в Давос, Нью-Йорк, Шанхай и Москву. Но пассажиры третьего класса оказываются вообще вне этих дискуссий. Расслоение и эксклюзия правят бал. Двери между первым, вторым и третьим классом, конечно, есть, но они почти не открываются.

В третьем классе рождаются стихийные события, которые ничего общего не имеют с политикой. Там не планируют на отдаленную и среднесрочную перспективу, не думают о частных и коллективных интересах и стратегиях их достижения, там думают только о сегодняшнем и, максимум, завтрашнем дне. Отсутствие политики выливается в стихию, в бунт, в «желтые жилеты» и протесты, которые сложно предсказать. Бунт их децентрализован и фактически не управляем. Они просто бросают булыжники в кондуктора, который не пропускает их во второй класс.

Пока этот поезд шел по рельсам социально-экономического развития, он имел хоть какую-то устойчивость и управляемость. Инерция движения придавала всем общий вектор. Была политика, пассажиры первого и второго классов предпринимали определенные усилия, чтобы пассажиры третьего не бунтовали. Сейчас это закончилось, и все нынешние социально-политические процессы укладываются в логику социального эгоизма.

Почему это произошло? Проблема управления приходит на ум прежде всего. Пассажиры первого класса думали, что проблемы с управляемостью связаны с некомпетентностью управляющих – политических лидеров, которые нуждаются в дополнительной интеллектуальной и экспертной поддержке. Для этого была создана группа Т20 – двадцатка самых влиятельных мозговых центров, которые дают советы всем, кто этого хочет и не хочет: G7, G20, участникам Давосского форума, Международному валютному фонду, правительствам национальных государств, в том числе и России. Т20 или Think 20 – сеть исследовательских и интеллектуальных центров политических консультаций при G20, куда из российских и пророссийски ориентированных центров входят ВШЭ, Сколково, Валдайский клуб, DOC Research Institute.

Их цель – стимулировать инновации в политике, чтобы помочь лидерам G20 решать насущные глобальные проблемы и стремиться к устойчивому, инклюзивному и жизнеспособному обществу. Приоритетные темы стратегии 2030 – Цели устойчивого развития, принятые Т20 в 2019 году, направлены на создание общества, «которое никого не оставляет позади»: это международная финансовая архитектура для поддержания стабильности и развития/криптоактивов и финансовых технологий; изменение климата и окружающая среда; экономические следствия инвестиций в инфраструктуру и их финансирование; сотрудничество с Африкой; социальная сплоченность, глобальное управление и будущее политики; будущее рынка труда и образо-

вания в цифровую эпоху; торговля, инвестиции и глобализация; старение населения и его экономические последствия плюс проблемы иммиграции.

Несмотря на то что эта внушительная сеть интеллектуальных центров – всего в нее входит более 360 институций – активно работает с 2012 года, их советы пока никому не помогли. Эти стратегии верны и справедливы только в определенном контексте, в первую очередь контексте национального государства и неолиберальной глобализации, вне его они не работают. Таким образом, проблема управляемости – это не проблема лидерства.

В конце первой декады XXI века были определенные надежды на то, что лидеры мирового политического процесса после глобального кризиса очнутся и пересмотрят свои подходы. Это произошло в результате мирового кризиса 1929 года, когда «Новый курс» Рузвельта (New Deal) восстановил государственное регулирование экономики, а также после 1968 года, когда тетчеризм и рейганизм существенно скорректировали экономическую и социальную политику, проводимую в англосаксонском мире. После же кризиса 2008 г. никто не очнулся. Неолиберальная глобализация продолжила свое приостановившееся было бурное развитие. Выводы не были сделаны, мы как будто ничему не научились. В результате глобализация завела мир в гущу противоречий: универсализация vs идентичность, богатство vs бедность, государство vs рынок, власть vs политика [3], создав патовую ситуацию. Это системные противоречия, которые нельзя решить, не выходя за рамки системы.

Противоречия в нашем поезде повсеместны: между первым и третьим классом, между пассажирами первого класса и машинистом. Ведь реально власть оказалась в руках пассажиров первого класса, а не у машиниста, который, тем не менее, находится у руля. Разрыв между властью и политикой произошел очень заметно, как писал З. Бауман [4, 5].

Одна из главных проблем – противоречие между глобализацией и идентичностью – важна еще и в том смысле, что политика идентичности ведет к отчуждению от мировой системы. Она буквально разрывает вагоны второго и третьего класса. Они расходятся по своим этническим и религиозным купе и не могут договориться об общих целях и действиях по защите общих интересов. Лидер уже не может их мобилизовать ни для каких политических целей, в том числе для того, чтобы вернуть поезд на рельсы. Повторимся, что указанные противоречия объективны фундаментально не разрешимы в рамках существующей системы без более радикальных мер.

Отдельной и важной проблемой является легитимация власти. До сих пор власть легитимизировалась через определенные позитивную социально-экономическую динамику. Сейчас легитимность в первую очередь основывается на страхе как онтологическом ядре политики [6]. Легитимность мирового порядка также меняется. Раньше она основывалась на демократической политике. Сейчас она оказалась не нужна. Мы теряем смысл политики: не за что бороться кроме своих мелких, частных интересов, соответственно, нет основы для политической консолидации, агрегации интересов.

В связи с этим встает проблема политической гражданственности. Гражданин как человек, принадлежащий к постоянному населению данного

государства, пользующийся его защитой и наделенный совокупностью политических и иных прав и обязанностей, уже ушел в прошлое. Одним из главных факторов размывания гражданственности в современном мире стали масштабные миграционные процессы. По словам И. Крастева, «демократия объявила открытую войну либерализму», что выражается в «демонизации политической оппозиции, дискриминации меньшинств и подрыву системы сдержек и противовесов» [7]. Демократия обернулась популизмом. Таким образом, вероятно, демократия становится не только не нужна, но даже вредна для преодоления этого состояния мировой политики, близкой к хаосу.

У политических лидеров возникает вопрос, куда двигаться дальше в отсутствие «рельсов» – определенности целей, принципов и процедур. Очевидно, что на глобальном уровне формирование легитимного мирового порядка на парадигмально новых основаниях (а мы настаиваем, необходим радикальный выход за рамки сложившейся системы) сейчас невозможно. Не случайно мы видим массу работ о конце мирового порядка, авторы задаются вопросом о контурах нового, однако представление о нем может быть только в терминах неопределенности [8], текучести [9], гибкости.

Но преодоление глобальной неопределенности возможно в макрорегиональном формате через становление нового типа гегемоний. Гегемония – это ситуация, в которой концентрированные материальные ресурсы консолидируются сильным лидером. Как подчеркивает А. Малащенко, «реальным плюсом, а не просто “игроком” на международном поле может быть только субъект высокой степени консолидации» [10]. В ситуации гегемонии и лидер, и его политический и экономический курс принимаются большинством населения, а это требует большого идеологического компонента.

В книге «Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics» [11] мы рассматриваем ситуацию, когда будет предпринята попытка создания порядка в беспорядке. Здесь я делюсь еще несколькими идеями о борьбе за региональную и глобальную гегемонию, часть из них уже высказывалась нами ранее [12]. Нынешняя борьба за гегемонию – или, точнее, гегемонии, поскольку они расположены в различных экономических, политических и социальных сферах, – это не только очевидный факт; это императив для ключевых региональных и глобальных государственных и негосударственных субъектов, чтобы не только выжить в условиях жесткой конкуренции, но и для поддержания существующих иерархий, неравенств и структур. Обеспечение гегемонии является накопленным результатом всех многочисленных и взаимосвязанных процессов, описанных выше.

Гегемонию можно определить как узаконенное господство существующей власти в определенном ареале, выходящем за границы национального государства. Гегемония функционирует, когда верховная власть управляет обществом иерархически структурированными и легитимными способами. Она обычно охватывает как материальные активы (капитал, военную мощь, пресную воду и энергию), так и нематериальные ресурсы (такие как правила, идеи, формальные и, что важно, неформальные нормы), лидерство в установлении и осуществлении этих правил и, наконец, легитимизацию

мышления, которое убеждает людей в том, что доминирующая власть правит в их интересах.

В связи с этим необходимо, во-первых, дать краткое представление о современном дискурсе гегемонии, ее природе, компонентах, эволюции и акторах, как государственных, так и негосударственных; во-вторых, рассказать о новых стратегиях гегемонии, в том числе о всем спектре материальных и идеологических ресурсов, включая использование больших данных, искусственного интеллекта, идей, знаний и финансов.

Таким образом, гегемония сочетает в себе:

- а) сосредоточенный контроль над материальными ресурсами;
- б) лидерство в установлении социальных норм;
- в) менталитет, формирующий представление о том, что доминирующая власть правит в интересах большинства [13] – контроль над доминирующим дискурсом.

Спектр методологических подходов к концепту гегемонии

Профессор Гетенбургского университета Ян А. Шолте метко подчеркнул, что существует множество подходов к изучению гегемонии [14, 15]. Государственнический подход фокусируется целиком на государстве и его действиях; неолиберальная ориентация ученых заставляет их уделять внимание отношениям капитала и государства, институтам и правилам игры. Грамшианский подход показывает гегемонию как процесс легитимации роли капитала, в этом случае фокус внимания сосредоточивается на отношениях между капиталом и обществом. Постколониальный подход подчеркивает роль империи в легитимации социальных и экономических иерархий, в этом случае внимание уделяется проблемам экономического и политического подчинения одного региона другому. Постмодернистские подходы фокусируются на знаниях и идеях; для постструктуралистов главный фокус проблемы – это дискурс, слова, которые меняют свое значение. Наше исследование охватывает большинство этих подходов.

В постструктуралистских теориях гегемония в мировой политике находится в рамках господствующей структуры знания (по-разному называемой «дискурсом» или «эпистемой»). В этой концепции верховная власть в мировом обществе принадлежит определенному языку и сознанию. Постструктуралисты часто отождествляют просвещенческую рациональность с гегемонистским режимом познания современности, порожденным наукой, образованием, массовыми коммуникациями и т.д. Существуют разные стратегии подчинения, материальные и нематериальные, используя которые можно добиться гегемонии.

Традиционно мы предлагаем два видения развития событий: оптимистический и пессимистический. С точки зрения оптимистов, система региональных гегемоний создаст плюралистический мир, в котором Китай совместно с Россией или без нее станет одним из таких гегемонов, другими гегемонами станут Латинская Америка, США и их «клиенты», потенциально ЕС. Однако

в последнем случае возникает вопрос об их потенциале консолидации. Все эти гегемонии будут иметь тенденцию закрываться, замыкаться на себя.

Идея конвергенции (*catching up process*) в экономике (также иногда называемая эффектом нагнывания) подразумевает, что в результате этих процессов доходы на душу населения в более бедных странах будут расти быстрее, чем в богатых. В результате все экономики должны в конечном итоге сблизиться по уровню доходов на душу населения. С точки зрения оптимистов, среди которых социологи И. Валлерстайн и Б. Сильвер, такая конвергенция будет ускоряться в рамках гегемоний [16]. Это может способствовать достижению мирового равенства в доходах.

С пессимистической точки зрения, во-первых, экономическая конвергенция не достигнет этих целей, а во-вторых, региональные гегемоны начнут сражаться за глобальную гегемонию. В этом случае вопрос будет идти о том, как с помощью гегемонии удержать мировое неравенство. В однополярном мире гегемония служила для легитимации мирового неравенства. В биполярном, по сути, тоже: мир был разделен на первый, второй и третий, как вагоны поезда из нашей метафоры.

Сейчас в мировой политике настоящая сила состоит даже не в обладании ресурсами, а в потенциале нанесения возможного вреда – это так называемая «торговля угрозами». Среди этих угроз и колоссальное неравенство, которое может в любой момент обернуться стихийным бунтом. В связи с этим лидеры находятся в сложнейшей ситуации необходимости единовременного следования взаимно противоречивым стратегиям при отсутствии политической воли для совместного решения проблем.

Однако самая большая проблема – у нас больше нет «рельсов», то есть нет идей. Безусловно, на пороге новой эпохи, которую связывают с индустриальной революцией 4.0., требуется радикально подойти к смене образа жизни, кардинально менять экономику. Но радикальные предложения, рационально обусловленные и антисистемные, лидерами не принимаются из страха, что они не будут восприняты обществами. Вместе с тем они необходимы.

Конкуренция дискурсов

Четырехсоставная типология, разработанная Яном А. Шолте, включающая материальные, дискурсивные, институциональные и перформативные методы, может быть полезна для анализа оснований гегемонии.

Гегемония подразумевает добровольное подчинение сателлитов, так как это придает устойчивость всей системе и несет определенные бонусы всем участникам, удерживая ситуацию от полного хаоса. Но она требует материальных и символических / дискурсивных ресурсов, определяя что плохо и что хорошо. Сегодня мы, подразумевая в данном случае отдельных индивидов и целые общества и даже цивилизации, существуем в собственных «информационных пузырях» или «пузырях фильтров», выражаясь в терминах И. Парайзера. С точки зрения CNN, Euronews, BBC, TV5 Monde мир выглядит одним образом, а каналы Al Arabia и Al Jazeera показывают его совер-

шенно иным. Дискурс задается очень четко и строго фиксируется с помощью новейших информационных технологий.

С помощью дискурсивных практик гегемония обеспечивает законное господство в мировой политике посредством использования языка и смысла. Добровольное подчинение достигается с помощью семантических означающих (например, «сообщество», «демократия» и «справедливость»), которые конструируют высшую силу добра. Точно так же нарративы (например, «прозрачность», «развитие» и «безопасность») выстраивают позитивные сюжетные линии для легитимации структуры господства, формируют дискурс исторической памяти. Таким образом, гегемонистские дискурсы конструируют сознание («режимы истины»), в моральную правоту которого искренне (что очень важно) верят как сами гегемоны, так и их сателлиты. С этой точки зрения, как пишет Е. Чебанкова, «гегемония достигается главным образом через способность определенной цивилизации вызывать позитивный отклик на свои основные ценности в остальном мире, становиться метафизическим вдохновением, примером для подражания и соперником для зависти» [17]. В терминах И. Фихте это способность производить и продвигать определенную культуру (культуру, идеологию и метафизическую среду), которая могла бы претендовать на дискурсивную гегемонию и производить конкретное знание, удовлетворяющее общественное любопытство, невежество и сомнение» [13].

Чтобы как-то преодолеть неопределенность и ресентимент, связанный с растущим неравенством, и неуверенность, связанную с грядущими социально-экономическими переменами, политические лидеры и первый класс внедряют нам миф, что технологии решают все, что индустрия 4.0 и искусственный интеллект могут каким-то образом решить глобальные проблемы человечества. Однако без идеи, в какую сторону движется человечество, никакие инструментальные решения не будут эффективны. Искусственный интеллект лишь инструмент, который может нам помочь, лишь когда у нас будет определенная цель, ресурсы и политическая воля.

Мощнейшие негосударственные акторы гегемонии (non-state hegemonic actors) – старые и новые медиа. Как и транснациональные корпорации, они не могут опираться на государства и приходят к идеям собственной гегемонии. Они рождают никому не подконтрольную ситуацию тотальной транспарентности, аналогичной системе социального кредита в Китае, по сути – это грани одного и того же процесса утраты права человека на частную жизнь, вообще приватности, а на этом понятии построено многое в политике в привычном нам понимании.

Заключение

Мировой порядок стремительно меняется. На место одного, двух или нескольких «полюсов» приходят макрорегиональные объединения транснационального характера – гегемонии, обладающие материальными, дискур-

сивными, институциональными и перформативными методами господства. Сейчас система гегемоний только складывается на фоне продолжающейся разрушаться старой системы мировой политики. Это создает впечатление хаоса, непредсказуемости и полной потери управляемости.

Несмотря на хаотичную картину сошедшего с рельсов поезда, есть и оптимистичный конец этой истории. Во-первых, мы движемся от однополярного к полицентричному миру. Во-вторых, новый мир будет менее резко разделен, поскольку он будет основан на макрорегиональных договоренностях. В-третьих, межрегиональные договоренности будут более цивилизованными и, следовательно, менее подверженными конфликтам. Наконец, чтобы выжить, они, скорее всего, добровольно будут поддерживать тесные связи с другими макрорегионами, делая систему более стабильной, чем сегодня.

Библиографический список

- [1] Мчедлова М.М. Новая гносеология для новой онтологии: изменения концептуальных моделей политического // *Философия политики и права: ежегодник научных работ*. Вып. 5. Политика и политическое / под общ. ред. проф. Е.Н. Мошелкова и проф. О.Ю. Бойцовой; науч. ред. А.В. Никандров и К.И. Кийченко. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. С. 34–50.
- [2] Казаринова Д.Б. Роль международных организаций в формировании глобального гражданского общества // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2010. № 4. С. 116–132.
- [3] Dutkiewicz P., Hovhannisyann A. Contradictions of the world system in the nearest future. An interview with Piotr Dutkiewicz, Professor of Political Science at Carleton University (Ottawa, Canada) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2018. Т. 20. № 2. С. 139–147.
- [4] Bauman Z. *Liquid times: living in an age of uncertainty*. 1st ed. Cambridge: Polity, 2006.
- [5] Bauman Z. *44 Letters from the Liquid Modern World*. 1st ed. Cambridge: Polity, 2010.
- [6] Дуткевич П., Казаринова Д.Б. Страх как политика // *Полис. Политические исследования*. 2017. № 4. С. 8–21.
- [7] Кратев И. Антилиберальная революция в Восточной Европе // *Россия в глобальной политике*. 25 апреля, 2018. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Antiliberalnaya-revoluciya-v-Vostochnoi-Evrope-19535>. Дата обращения: 15.02.2020.
- [8] Haass R. How a world order ends and what comes in its wake // *Foreign Affairs*. Январь/февраль, 2019. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-12-11/how-world-order-ends>. Дата обращения: 16.02.2020.
- [9] Bauman Z. *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity, 2000.
- [10] Малащенко А. Состоится ли порядок в мире? // *DOC Research Institute*. 2018. 14 ноября. Режим доступа: <https://doc-research.org/ru/2018/11/состоится-ли-порядок-в-мире>. Дата обращения: 16.02.2020.
- [11] Dutkiewicz P., Scholte J.A., Casier T. *Hegemony and world order: reimagining power in global politics*. London: Routledge. Forthcoming 2021.
- [12] Dutkiewicz P. (Re)inventing hegemonies // *DOC Research Institute*. 2018. 7 ноября. URL: <https://doc-research.org/aug19/2018/11/reinventing-hegemonies>. Дата обращения: 14.02.2020.
- [13] Dutkiewicz P. Chaos, fear, and hegemony: Equality and efficiency in the international order // *DOC Research Institute*. 31 июля, 2019. URL: <https://doc-research.org/aug19/2019/07/equality-efficiency-international-order>. Дата обращения: 19.02.2020.

- [14] Scholte J.A. Reinventing global democracy // *European Journal of International Relations*. 2014. Vol. 20. N 1. P. 3–28.
- [15] Scholte J.A. Hegemony and its practices in world politics // DOC Research Institute. 2018. 24 сентября. URL: <http://doc-research.org/aug19/aug19/2018/09/hegemony-practices-world-politics>. Дата обращения: 18.02.2020.
- [16] Silver B.J. Cycles of hegemony and labor unrest in the contemporary world system // Bornschieer V., ed. *Conflicts and new departures in world society*. London: Routledge, 2018. P. 339–359.
- [17] Chebankova E. Western liberalism and Russian left conservatism in search of international hegemony // ECNU/DOC Conference; April, 2019; Shanghai. (Unpublished).

References

- [1] Mchedlova M.M. New epistemology for a new ontology: changes in the conceptual models of the political. In: Moshchelkova E.N., Boitsova O.Yu., Nikandrov A.V., Kiychenko K.I., (eds). *Philosophy of Politics and Law: Yearbook of scientific works. Vol. 5. Politics and political*. Moscow: Center for Strategic Market Studies; 2014: 34–50. (In Russ.).
- [2] Kazarinova D.B. The role of international organizations in the global civil society shaping. *RUDN Journal of Political Science*. 2010; 4: 116–132. (In Russ.).
- [3] Dutkiewicz P., Hovhannisyann A. Contradictions of the world system in the nearest future. An interview with Piotr Dutkiewicz, Professor of Political Science at Carleton University (Ottawa, Canada). *RUDN Journal of Political Science*. 2018; 20 (2): 139–147. doi: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-139-147
- [4] Bauman Z. *Liquid times: living in an age of uncertainty*. 1st ed. Cambridge: Polity; 2006.
- [5] Bauman Z. *44 Letters from the Liquid Modern World*. 1st ed. Cambridge: Polity; 2010.
- [6] Dutkiewicz P., Kazarinova D.B. Fear as politics. *Polis. Political Studies*. 2017; 4: 8–21. (In Russ.). doi: 10.17976/jpps/2017.04.02
- [7] Krastev I. Anti-liberal revolution in Eastern Europe. *Russia in global affairs*. 2018; Apr. 25. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Antiliberalnaya-revoljuciya-v-Vostochnoi-Evrope-19535>. (In Russ.). Accessed: 15.02.2020.
- [8] Haass R. How a world order ends and what comes in its wake. *Foreign Affairs*. 2019; Jan./Feb. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-12-11/how-world-order-ends>. Accessed: 16.02.2020.
- [9] Bauman Z. *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity; 2000.
- [10] Malashenko A. *Will there be order in the world?* DOC Research Institute. 2018. Nov. 14. URL: <https://doc-research.org/ru/2018/11/состоится-ли-порядок-в-мире>. (In Russ.). Accessed: 16.02.2020.
- [11] Dutkiewicz P., Scholte J.A., Casier T. *Hegemony and world order: reimagining power in global politics*. London: Routledge. Forthcoming 2021.
- [12] Dutkiewicz P. *(Re)inventing hegemonies*. DOC Research Institute. 2018 Nov. 7. URL: <https://doc-research.org/aug19/2018/11/reinventing-hegemonies>. Accessed: 14.02.2020.
- [13] Dutkiewicz P. *Chaos, fear, and hegemony: Equality and efficiency in the international order*. DOC Research Institute. 2019 Jul. 31. URL: <https://doc-research.org/aug19/2019/07/equality-efficiency-international-order>. Accessed: 19.02.2020.
- [14] Scholte J.A. Reinventing global democracy. *European Journal of International Relations*. 2014; 20 (1): 3–28.
- [15] Scholte J.A. *Hegemony and its practices in world politics*. DOC Research Institute. 2018; Sept. 24. URL: <http://doc-research.org/aug19/aug19/2018/09/hegemony-practices-world-politics>. Accessed: 18.02.2020.

- [16] Silver B.J. Cycles of hegemony and labor unrest in the contemporary world system. In: Bornschieer V., ed. *Conflicts and new departures in world society*. London: Routledge, 2018: 339–359.
- [17] Chebankova E. *Western liberalism and Russian left conservatism in search of international hegemony*. ECNU/DOC Conference; April, 2019; Shanghai. (Unpublished).

Информация об авторе:

Дуткевич Пиотр – доктор политических наук, профессор, директор Центра государственного управления и общественной политики, Карлтонский университет (Канада) (ORCID ID: 0000-0001-9749-9116) (e-mail: piotr.dutkiewicz@carleton.ca).

Information about the author:

Piotr Dutkiewicz – PhD in Political Science, Professor of Political Science and Director, Centre for Governance and Public Management, Carleton University (Canada) (ORCID ID: 0000-0001-9749-9116) (e-mail: piotr.dutkiewicz@carleton.ca).

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-179-193

Рецензия на книгу / Book review

**Ревизионизм и неоревизионизм в российской
внешней политике.
Размышляя над книгой Sakwa R. Russia's Futures.
Polity Press, 2019**

Д.Б. Казаринова

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
kazarinova-db@rudn.ru

**Revisionism and Neo-Revisionism
in Russian Foreign Policy:
Reflecting on the Book by Sakwa R. Russia's Futures.
Polity Press, 2019**

D.B. Kazarinova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
kazarinova-db@rudn.ru

Аннотация. Изучая последнюю по времени книгу британского специалиста по российской политике Ричарда Саквы, его концептуальные идеи о ключевых характеристиках, противоречиях и вызовах (между «стабилитарией» и «секьюрократией», незавершенностью модернизации и неомодернизацией, буквой и духом российского конституционализма) современной России, мы делаем обзор его рассуждений о многообразии интерпретации понятия «нормальности» в отношении России, выступающих как противовес западным подходам. Противоречия Новой холодной войны (термин Р. Саквы) вырастают в столкновение эпистемологий, нарративов, дискурсов, ценностей, инструментом в котором становится фрейминг и обвинение в ревизионизме. Мы подчеркиваем принципиальную разность подходов к определению понятий ревизионизм и неоревизионизм, прослеживаем диалектику этих понятий от неомарксистского понимания к геополитическому в трудах отечественных и зарубежных авторов, обобщаем имеющиеся определения, в том числе понимание неоревизионизма как неотъемлемого атрибута emerging power. Ревизия истории, в первую очередь памяти о войне, выступает мощнейшим пропагандистским инструментом столкновения нарративов. В условиях развития «дилеммы мнемотической безопасности» (термин Д. Ефременко), смены нарратива холокоста на нарратив «войны двух тоталитаризмов» в Европе России следует принять ряд принципов работы в сфере исторической памяти о Второй мировой

© Казаринова Д.Б., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

войне, в том числе с учетом новых трактовок роли Китая в победе над фашизмом, на что указывают ведущие российские политологи и международники.

Ключевые слова: ревизионизм, неоревизионизм, нарратив, стабилочратия, секьюрократия, неомодернизация, конституционализм, Ричард Саква, будущее России, концепция нормальности, политика памяти

История статьи: Поступила в редакцию 11.01.2020. Принята к публикации 15.02.2020.

Для цитирования: Казаринова Д.Б. Ревизионизм и неоревизионизм в российской внешней политике. Размышляя над книгой Sakwa R. *Russia's Futures*. Polity Press, 2019 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 2. С. 179–193. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-179-193

Благодарности: Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 19-011-00825 «Ценностно-политические контексты образовательной миграции».

Abstract. This article analyzes the latest book by the British expert on Russian politics R. Sakwa, his key conceptual ideas, key characteristics, contradictions and challenges (between the “stabilocracy” and “securocracy”, incompleteness of modernization and neo-modernization, the letter and spirit of Russian constitutionalism) of modern Russia. We analyze his arguments about the variety of interpretations of the concept of “normality” in relation to Russia as opposed to Western approaches. The contradictions of the New cold war grow into a clash of epistemologies / narratives / discourses / values, in which framing and the accusation of revisionism becomes a tool. We emphasize the fundamental difference in approaches to defining concepts of revisionism and neo-revisionism, trace the dialectic of these concepts from a neo-Marxist understanding to a geopolitical one, generalize the existing definitions, including the understanding of neo-revisionism as an integral attribute of emerging power, which R. Sakwa also adheres to. The revision of history, especially the memory of war, is a powerful propaganda tool for the clash of narratives. In context of development of the “mnemonic security dilemma” (D. Efremenko), the change of the Holocaust narrative to the narrative of the “war of two totalitarianisms” in Europe, Russia should adopt a number of principles for working in the field of historical memory of the Second World War, including new interpretations for the role of China in the victory over fascism.

Keywords: revisionism, neo-revisionism, clash of narratives, stabilocracy, securocracy, neo-modernization, constitutionalism, Richard Sakwa, *Russia's Futures*, concept of normality, memory politic

Article history: Submitted on 11.01.2020. Accepted on 15.02.2020.

For citation: Kazarinova D.B. Revisionism and Neo-Revisionism in Russian Foreign Policy: Reflecting on the Book by Sakwa R. *Russia's Futures*. Polity Press, 2019. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (2): 179–193. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-179-193

Acknowledgments: The research was supported by the Russian Foundation for Humanities, project No. 19-011-00825 “Value-political contexts of educational migration”.

Введение. О книге

В 2019 году вышла книга британского политолога Р. Саквы «*Russia's Futures*». В этой книге известный профессор Кентского университета, посвятивший много лет налаживанию британо-российского академического диа-

лога, предлагает обсуждение проблем развития современной России, помещая их в исторический контекст и очерчивая фундаментальные проблемы, стоящие в настоящее время перед нашей страной. Во многом это обобщающая книга многолетних исследований ведущего британского специалиста по российской политике и плод его размышлений о судьбах нашей страны. Опубликованные на английском языке рецензии об этой книге подчеркивают ее умеренный, взвешенный, центристский взгляд на вещи¹ и удачный пример того, как можно избежать предвзятости, стереотипизации и упрощения², говоря о современной России.

По мнению ученого, посткоммунистическая Россия столкнулась с уникальным набором проблем, включая восстановление экономики, формирование новой политической системы, переосмысление оснований национального единства и места России в мире. По итогам трех десятилетий эти проблемы остаются до конца не решенными. Р. Саква утверждает: неудача в деле создания международной системы, где трансформация России стала бы частью нового мирового порядка, сделала поиски выхода из этих проблем еще более трудными. Как пишет Р. Саква, «хотя Россия и является одним из старейших государств Европы, в своем современном облике она является одним из самых молодых. У России многоликое прошлое, и, учитывая ее размеры, центральное положение (centrality) и многообразие и сложность (complexity), у нее также есть много вариантов будущего» [1].

Сложившуюся в России политическую систему Р. Саква описывает в терминах «стабилотократии» (stabilocracy), ставящей преимущественной целью развития социально-экономический мир и открытость политических возможностей [1, с. 9]. Однако он предупреждает о возможности сваливания «стабилотократии» в «секьюрократию» (securocracy), серьезного ограничения экономических и политических свобод во имя (и силами работников органов) безопасности. Диагноз политолога в отношении России в общем довольно очевиден: «гибридность в политической системе как сочетание демократических и авторитарных импульсов и управленческих практик и синтез государственного дирижизма и рыночной конкуренции в экономике» [1, с. 9]. По мнению автора, Россия не завершила процесс модернизации. Ее развитие лежало в русле того, что называется «неомодернизацией» – принятие неких принципов глобального экономического порядка и политической инклюзии, но далеко не вестернизации [1, с. 10].

В связи с актуальными процессами конституционной реформы огромный интерес представляют размышления Р. Саквы о конституционализме в Рос-

¹ Robinson P. Book Review Russia's Futures. URL: <https://irrussianality.wordpress.com/2019/04/05/book-review-russias-futures/> (accessed: 01.02.2020).

² Hale H. Editorial review. URL: <https://www.amazon.com/Russias-Futures-Richard-Sakwa/dp/150952424X> (accessed: 01.02.2020).

сии. С его точки зрения, «дух конституционализма», под которым понимается не только «технический аппарат норм, институциональных правил и процедур, а целый комплекс демократической политики, включающий подотчетность власти, верховенство закона, конкурентный принцип формирования исполнительной власти, гражданские права и права человека», в России не очень развит [1, с. 10]. Сегодня центральная проблема российской политики и гражданского общества – «переход от номинального к реальному конституционализму, имеющему сильные коннотации с понятием социальной справедливости» [1, с. 11]. Р. Саква видит в этом главную цель «путинизма как финального этапа русской революции» [1, с. 11], которая началась задолго до 1905-1917 годов и до сей поры не завершилась. И завершиться она должна переходом к реальному конституционализму, по мнению автора книги. На деле же мы видим углубляющийся зазор между буквой и духом российского конституционализма, между новыми конституционными нормами, предполагающими децентрализацию властных полномочий, и неочевидными процедурами их формирования после января 2020 года.

Структура книги следует логике описания сфер общественной жизни: главы «Понимая Россию», «Власть и идеи», «Экономика и развитие», «Государство, люди и будущее», «Делая Россию вновь великой», «Будущее России» последовательно описывают отношения государства, рынка, гражданского общества в экономической, политической, социокультурной и духовной сферах. Мы не будем подробно останавливаться на анализе содержания глав этой книги, российскому читателю нет необходимости напоминать историю нашего недавнего прошлого, основные вехи социально-экономического и политического развития страны, медийную повестку и состояние умов.

Выводы книги озаглавлены «Россия принимает и бросает новые вызовы». Р. Саква называет основные вызовы, стоящие перед нашей страной:

1) «полукорпоративистская модель национального развития не дает развиваться креативному потенциалу, необходимому в постиндустриальную эпоху» [1, с. 208],

2) «посткоммунистическая бифуркация между конституционным государством и административным режимом управления» [1, с. 210],

3) потенциальный элитный раскол [1, с. 211].

Здесь же автор освещает тему России как «нормальной страны». «Нормальность» России предстает как составной элемент властного дискурса и как критерий ее поведения на международной арене. Р. Саква предлагает разделять понятия нормальности (*normalcy*) (*normality*) и нормализации [2]. В дискурсе о России как «нормальной стране» он предлагает отличать нормальность (*normality*) как соответствие норме (в данном случае – стандартам Западного мира) от нормальности (*normalcy*) как принципиального отказа от революционности, турбулентности, радикальной трансформации. Нормаль-

ность здесь понимается как стабильность повседневной жизни. А переход от нестабильного, турбулентного, травмирующего состояния к стабильности называется в данном случае нормализацией.

Дескрипция России через категорию нормальности разворачивается как: 1) адекватность ответов политической системы стоящим перед ней вызовам, 2) соответствие поведения страны ожиданиям, сообразуясь со стадией ее развития, 3) следование национальным интересам и 4) стремление избежать центробежных тенденций [1, с. 212]. Таким образом, заключает Р. Саква, нормальность России носит специфический характер, укладывающийся в концепцию «неомодернизации»: это не следование международно-принятой норме, а адекватность времени, месту и обстоятельствам.

Столь разное понимание нормы порождает **конфликт эпистемологий**³. По мнению Р. Саквы, в 2014 году началась Вторая Холодная война. Он настаивает именно на этом термине, сравнивая ситуацию с Первой и Второй мировыми войнами. Первая мировая война и Первая Холодная война не разрешили никакие противоречия и не сняли никакие вопросы, что неизбежно привело ко Второй мировой войне и Второй Холодной. В конфликтное противоречие вошли две разные эпистемологии, две логики: монологическая логика расширения и диалогическая логика обоюдной внутренней трансформации и социального развития. Диалогическая логика имплицитно содержит требование трансформации и внутренних изменений, к которым Запад был не готов, так как ощущал себя на вершине исторического развития – в «конце истории».

Большая Европа, как проект в рамках диалогической логики, укладывается в концепцию множественности модернов. И в глобальном контексте требования трансформации исторического Запада означали бы переход к концепции Большого Запада.

Но победила логика расширения. Неолиберализация означала де-факто радикализацию ранее существующего состояния, что предопределило 25-летнюю стагнацию в мировой политике и даже «смерть политики».

В связи с этим Р. Саква обозначает ряд концептуальных разногласий по главным проблемам мировой политики. Так, по вопросу о глобальной демократизации, часто понимаемой двояко: как увеличение в мире числа стран с демократическим режимом и как распространение демократических норм на отношения между странами, сложились различные идейные и идеологические подходы:

1) демократический интернационализм, в котором демократизация понимается как распространяющаяся вширь демократическая внутренняя политика. В этом случае тезис о конце идеологий или об идеологическом плюрализ-

³ Автор здесь обращается к идеям Р. Саквы, изложенным в ходе лекции «Russia, Revisionism and Stasis» в МГУ им. М.В. Ломоносова 19.02.2019.

ме неверен. Доминирующая идеология западного общества – демократизация. Однако идея о демократическом мире оказалась несостоятельной, что породило коллапс большой интеллектуальной традиции, разочарование и упадок настроений в широких либеральных кругах. Демократический интернационализм выступает как европейская континентальная идея;

2) консервативный интернационализм, которого придерживались ученые Британской школы международных отношений. Этой школе близка идея международного общества и принцип сохранения суверенитета. Это был подход Великобритании и США;

3) трампизм как новое издание экономического национализма, замешанного на антиглобализме и национал-популизме. Его популярность Р. Саква объясняет предшествовавшим идейно-политический застою. В результате парадоксальным образом Д. Трамп и ультраправые возвращают мир к диалогической политике;

4) неолиберализм со стремлением решать проблемы социально-экономического и политического развития по форме «больше рынка» со своей экономической логикой рационального выбора не в состоянии ответить на многие вопросы современного мира. Его бурное развитие, а затем кризис породили, в терминах Р. Саквы, Вторую холодную войну, которая призвана разрешить противоречия, порожденные глобализацией. Соответственно, эта Вторая, или Новая, Холодная война происходит не между Западом и Россией, а между Западом и не-Западом.

Восстановив логику рассуждений Р. Саквы, обратимся к конкретному воплощению столкновения эпистемологий, нарративов, дискурсов, ценностей, которые манифестируют Новую холодную войну. В них ключевым инструментом выступают понятия, заимствованные из коммуникативистики и *media studies* – фрейминг и навязывание повестки. Фрейминг – установление рамок и создание понятий и формулировок, которые передают мышление конфликтующих сторон⁴. Рамочный анализ в *media studies* является своеобразным типом нарративного и контент-анализа. По определению Р. Энтмана, глагол-термин «to frame» в этом контексте означает «выбирать определенные аспекты реальности и делать их более заметными в коммуникативном тексте, популяризируя таким образом определенную трактовку проблемы, интерпретацию ее причин, моральную оценку и возможное ее решение» [3].

Фрейминг отличают от навязывания повестки (*agenda setting*), которая предусматривает, что СМИ освещают одни и игнорируют другие события,

⁴ Кошкин П. Российский ревизионизм или «восстановление справедливости»? 26.07.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyskiy-revizionizm-ili-vostranovlenie-spravedlivosti/?fbclid=IwAR3Pa3wbk6936YoJGBIecqYKpW3Vi1VXpUOehdpc15Lh303tnZUuMsIcfWU> (дата обращения: 05.02.2020).

тогда как фрейминг подразумевает, что СМИ, освещая определенное событие, игнорируют некоторые его стороны, в то же самое время подчеркивая другие. Фрейминг и agenda setting широко используются всеми сторонниками дискурсивного противостояния, СМИ создают мало пересекающиеся картины мира. Составной частью фрейминга и навязывания повестки в отношении России со стороны ведущих западных СМИ является обвинение России в ревизионизме – стремлении подорвать мировой порядок и нарушить сложившиеся геополитические расклады и практики международных отношений.

Ревизионизм и неоревизионизм

Понятие ревизионизма пользуется сегодня большой популярностью при обсуждении мировой политики, однако содержание этого понятия воспринимается скорее интуитивно, чем рационально обосновывается. Существуют разные трактовки ревизионизма, и здесь концепция Р. Саквы полезна тем, что дает возможность их примирения.

Как сформулировал главный редактор журнала «Россия в глобальной политике» Ф.А. Лукьянов, анализируя итоги Мюнхенской конференции по безопасности 2020 «Глобальный беспорядок: есть ли шансы для новой повестки дня?», «проблема этого и многих других мероприятий в том, что в привычных сугубо западных категориях обсуждать мировые дела уже бессмысленно. Получается странная игра, в которую кто-то играет искренне (потому что иными категориями не мыслит), а кто-то потому, что считает нужным подстраиваться. Те, кто подстраиваться не хочет, а это из реальных участников Россия и Китай, звучат на таком фоне угрожающе, что бы их представители ни говорили»⁵, в любом случае они воспринимаются как «ревизионисты-автократы». То есть ревизионизм понимается в самом широком контексте как следование иному дискурсу. Инаковость этого дискурса России по отношению к западному закреплена в программных политических документах.

Проблема столкновения дискурсов получила освещение в официальном документе – Концепции внешней политики России 2016 г. в части II «Современный мир и внешняя политика Российской Федерации»: «Обостряются противоречия, связанные с неравномерностью мирового развития, углублением разрыва между уровнем благосостояния государств, усилением борьбы за ресурсы, доступ к рынкам сбыта, контроль над транспортными артериями. Конкуренция не только охватывает человеческий, научный и технологи-

⁵ Пост на странице журнала «Россия в глобальной политике» в Facebook. URL: <https://www.facebook.com/205789189467251/posts/2750073135038831?sfns=mo> (дата обращения: 17.02.2020).

ческий потенциалы, но и все больше приобретает цивилизационный характер, форму соперничества ценностных ориентиров. В этих условиях попытки навязывания другим государствам собственной шкалы ценностей чреватны ростом ксенофобии, нетерпимости и конфликтности в международных делах и в конечном итоге могут привести к хаосу и неуправляемости в международных отношениях... Стремление западных государств удержать свои позиции, в том числе посредством *навязывания своей точки зрения на общемировые процессы и проведения политики сдерживания альтернативных центров силы* (курсив наш), приводит к нарастанию нестабильности в международных отношениях, усилению турбулентности на глобальном и региональном уровнях. Борьба за доминирование в формировании ключевых принципов организации будущей международной системы становится главной тенденцией современного этапа мирового развития»⁶.

В разделе «Международное гуманитарное сотрудничество и права человека» сказано, что «Россия, приверженная универсальным демократическим ценностям, включая обеспечение прав и свобод человека, видит свои задачи в том, чтобы: а) добиваться уважения прав и свобод человека во всем мире путем конструктивного, равноправного международного диалога с учетом национальных, культурных и исторических особенностей и ценностей каждого государства...; б) противодействовать попыткам *использования правозащитных концепций в качестве инструмента политического давления и вмешательства во внутренние дела государств*, в том числе в целях их дестабилизации и смены законных правительств»⁷. То есть Россия выступает за отказ от универсализации ценностной системы и учет социокультурной специфики.

Еще одна трактовка ревизионизма подразумевает ревизию и переоценку подходов и пересмотр устоявшихся взглядов. В современной литературе можно встретить упоминание о ленинском определении ревизионизма как фальсификации марксизма. Встречается подход, согласно которому ревизионизм – это течение в общественно-политическом движении, стремящееся пересмотреть путем ревизии принципиальные его установки: «Историки и политологи традиционно делят страны на статус-кво и ревизионистские державы. Первые склонны принимать существующую международную систему такой, какая она есть, в то время как последние отвергают преобладающую легитимность международной системы и стремятся значительно изменить ее или полностью свергнуть»⁸. Но, по мнению израильского политолога

⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640.

⁷ Там же.

⁸ Tenenbaum Y. J. International Relations: It's time to revise how we talk about revisionist powers 06.11.2012 URL: <https://blog.politics.ox.ac.uk/international-relations-its-time-to-revise-how-we-talk-about-revisionist-powers/> (accessed: 03.02.2020).

Й. Тененбаума, существует концептуальная проблема приписывания термина «ревизионизм» для описания соответствующих целей внешней политики международным субъектам. Наполнению этого понятия больше отвечает термин «революционность»⁹.

Й. Тененбаум заключает: «...термин ревизионист не отражает истинную природу акторов, к которым этот термин обычно применяется. Концептуально ревизионистское государство или организация может быть действующим лицом, желающим внести некоторые изменения в принятом порядке». Однако до конца он не решает проблемы содержания этого понятия. Его дополняет предложение научного сотрудника Института США и Канады П. Кошкина различать понятие ревизионизма в широком и узком смысле: «В широком смысле ревизионизм является переоценкой ценностей, взглядов, теорий, устоявшихся норм и правил в той или иной области. В узком смысле, например в международных отношениях, под ревизионизмом понимают пересмотр мирового порядка, который сопровождается попытками отдельных государств активизировать внешнюю политику и по-новому посмотреть на свою роль в мире»¹⁰.

В пропагандистском дискурсе под ревизионизмом расширительно понимают стремление к ревизии (пересмотру) правил международного порядка и принципов международного права: неприменения силы и угрозы силой; разрешения международных споров мирными средствами; невмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государств; суверенного равенства государств; нерушимости государственных границ и территориальной целостности государств; уважения прав человека и основных свобод. Если понимать под ревизионизмом однократное или многократное нарушение одного или нескольких принципов международного права, то ревизионистами становятся не только Россия, но и все страны Запада и Китай. А поскольку основные принципы международных отношений содержат в себе внутреннее противоречие (между правом наций на самоопределение и нерушимостью государственных границ в первую очередь) в грех ревизионизма впадают все государства, активно участвующие в мировой политике.

Профессор университета Огайо Р. Швеллер считает, что основной движущей силой теории эмерджентности в политике «является появление восходящего претендента – недовольного не только своим местом в установившемся порядке, но и легитимностью самого порядка. Ненасытный ревизионизм восходящего претендента вызывает постоянные кризисы, которые в конечном счете разжигают гегемонистскую войну. Логика, стоящая за этим “спойлер-

⁹ Ibid.

¹⁰ Кошкин П. Российский ревизионизм или «восстановление справедливости»? 26.07.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyskiy-revizionizm-ili-vosstanovlenie-spravedlivosti/?fbclid=IwAR3Pa3wbk6936YoJGBlecqYKpW3Vi1VXpUOehdpcl5Lh303tnZUuMsICfWU> (дата обращения: 01.02.2020).

ным» предположением, однако, довольно туманна и, откровенно говоря, несколько нелогична. По определению, при нынешнем порядке дела у восходящих держав идут лучше, чем у всех остальных» [4]. Таким образом, взламывается логика, по которой любая держава, вновь начинающая претендовать на роль глобального актора, априори является ревизионистом.

Р. Швеллер говорит о четырех аспектах ревизионизма, которые определяют, представляет ли ревизионистское государство угрозу для «старых» держав и в какой степени: 1) горизонт целей ревизионистского государства; 2) решимость и склонность ревизионистского государства к достижению целей; 3) характер его ревизионистских целей (стремится ли он изменить международные нормы, или территорию, или престиж); и 4) средства, которые он использует для достижения ревизионистских целей (мирных или насильственных) [4].

Задаваясь вопросом, является ли Россия по сути ревизионистом в глобальной системе, программный директор Валдайского клуба А. Сушенцов признает: «если поднимать под ней западноцентричную систему либеральных демократий, то, пожалуй, это так. Стратегический опыт делает ее степенным наблюдателем за экспериментами более активных и подлинно ревизионистских держав»¹¹.

Примирить разные и порой диаметрально противоположные подходы к пониманию ревизионизма призвана концепция неоревизионизма Р. Саквы. По его мнению, Россия не стремится к пересмотру основ миропорядка. Россия и Китай сотрудничают в антигегемонистском духе, создавая новый мировой порядок без мирового гегемона. Поэтому Россия – неоревизионистское государство.

Рассмотрим теперь эволюцию понятия «неоревизионизм» и его глубоко идеологические корни. Этот термин наиболее часто применялся к неомарксистским и левым взглядам [5] и означал отсутствие у европейских социалистов 1990-х внятного ответа – как быть с капитализмом. В этом понимании понятие неоревизионизма отталкивается от ленинского определения ревизионизма как фальсификации марксизма. Он стал все шире применяться к России в научной литературе [6] и политической публицистике [7]. В идейном плане цель неоревизионизма – попытка определения так называемого «третьего пути», отличающегося как от «старой» социал-демократии, так и от неолиберализма [8, с. 11]. В этом контексте – поиска особого пути во внутренней и внешней политике, развития собственного дискурса и взгляда на события прошлого, отличных от «доминирующей рациональности» других глобальных акторов – Россию действительно можно представить как державу-неоревизиониста.

¹¹ Сушенцов А. Россия – глобальный ревизионист? 12.06.2019. URL: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiya-globalnyy-revizionist/?fbclid=IwAR3BHvrMZTsfUJcmYMvLTyHBOGykLo6OnYXJA0eu-A_EaPy234Bfc3vltWQ (дата обращения: 08.02.2020).

Таким образом, отличие ревизионизма от неоревизионизма – это *modus vivendi* и *modus operandi*: «Неоревизионизм подразумевает отказ от старой политики, но не от старых этических принципов, от старых путей достижения целей, но не от самих целей» [9, с. 738]. Этот тезис профессора Лондонского университета Королевы Марии Д. Сассона разделяет и Р. Саква: «Российский неоревизионизм представляет собой критику западных практик в защиту универсальных провозглашенных принципов. Россия осуждает не принципы международного права и управления, а практику, сопровождающую их реализацию... Борьба идет не только за оспариваемые нормы, но и за то, кто имеет право претендовать на их универсальность» [10]. Внешняя политика России – это не отказ от устоявшихся принципов, а попытка изменить практику международных отношений в русле дискурсивного господства Запада.

В опубликованной за четыре года до рецензируемой книги статье «Дуализм внешней политики России: неоревизионизм и биконтинентализм» Р. Саква писал: «Неоревизионизм порожден историческим парадоксом: глубоко консервативная страна, Россия, традиционно позиционировала себя в качестве революционной силы» [11, с. 28]. В этом смысле неоревизионизм российской внешней политики – это, во-первых, попытка пройти средним путем, а во-вторых, результат отсутствия содержательно новой повестки, которую Россия готова предложить миру. Вновь обращаясь к иным толкованиям понятия ревизионизм в идейно-политическом измерении, мы отмечаем, что неоревизионизм левых по отношению к капиталистическому укладу привел к глубокому кризису левой идеи, а за ним реваншу идентичности и ультраправых. Так и неоревизионизм российской внешней политики (как он понимается Р. Саквой) ведет к неочевидным, амбивалентным, скорее тактическим, чем стратегическим результатам. Вместе с тем в быстро изменяющемся, текучем, непредсказуемом мире и в отсутствие масштабных ресурсов перспективы больших стратегий не очевидны. Это, безусловно, вопрос, остающийся открытым. Как и вся книга, концепция российского неоревизионизма Р. Саквы – это попытка пройти «средним путем», примирить непримиримые подходы и выработать хоть какие-то элементы общего языка между Россией и странами Запада. Эта задача кажется не менее, а возможно и более важной и достойной, чем сказать новое слово в политической науке.

Ревизионизм и историческая память

Тема ревизионизма и неоревизионизма России в расширительном толковании активно продвигается в связи с ревизией истории и конфликтами на тему исторической памяти, в особенности в дискуссиях о предпосылках, причинах, ходе и итогах Второй мировой войны, будируемых с разных сторон в преддверии 75-летнего юбилея Победы в Великой Отечественной войне. Особенно громко прозвучали взаимные российско-польские обвинения, в обмен которыми были втянуты первые лица. Резолюция Европейского парламента, принятая в сентябре 2019 г. к 80-летию начала войны, в которой

СССР официально называется ее виновником наряду с Германией, стала ве- хой: нарратив «двух тоталитаризмов» заместил собой нарратив холокоста¹². В результате расширения Европы за счет принятия в ЕС (и НАТО) восточно- европейских государств после распада СССР и последовавшего посткризис- ного этапа укрепления правопопулистских тенденций «закончился нарратив, который называли космополитическим – построение транснациональной па- мяти»¹³. Сейчас происходит то, что заместитель директора ИНИОН РАН Д. Ефременко называет «дилеммой мнемонической безопасности». Он объясняет эту дилемму такой схемой: «есть исторический нарратив, кото- рый служит мифом – основанием для некоего государства X и играет большую роль в сплочении стоящего за этим государством сообщества. Он на систематической основе оспаривается влиятельными силами, выступа- ющими от лица сообщества, которое стоит за государством Y. Если инсти- туты государства Y оказывают устойчивую поддержку этим усилиям, то политические элиты государства X оказываются перед выбором – либо иг- норировать такого рода действия, либо разработать комплекс мер, направ- ленных на противодействие подрыву своего нарратива и дискредитацию исторических установок, значимых, соответственно, для государства Y»¹⁴. И логика развертывания войн памяти соотнобразуется с ростом напряжения участников международных отношений по мере укрепления одного из них (ловушка Фукидида).

Главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования россий- ско-китайских отношений А.В. Ломанов при обсуждении проблем историче- ской памяти призывает не забывать про Азию, особенно с учетом российского поворота на Восток: «В Китае конструируется обновленная трактовка исто- рии, которая сообразна заявке на превращение в могущественную державу под руководством КПК... В современной трактовке Китай – «главное восточ- ное поле битвы» в «мировой антифашистской войне»¹⁵.

¹² Миллер А. Историческая память – еще одно пространство, где решаются политические задачи / Васильев Ю., Гайда Ф., Ефременко Д., Ломанов А., Миллер А., Тесля А., Филиппов А., Лукьянов Ф. 31.12.2019. URL: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Istoricheskaya-pamyat--esche-odno-prostranstvo-gde-reshayutsya-politicheskie-zadachi-20316> (дата обращения: 01.02.2020).

¹³ Там же.

¹⁴ Ломанов А. Историческая память – еще одно пространство, где решаются политические задачи / Васильев Ю., Гайда Ф., Ефременко Д., Миллер А., Тесля А., Филиппов А., Лукьянов Ф. 31.12.2019. URL: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Istoricheskaya-pamyat--esche-odno-prostranstvo-gde-reshayutsya-politicheskie-zadachi-20316> (дата обращения: 01.02.2020).

¹⁵ Ефременко Д. Историческая память – еще одно пространство, где решаются политиче- ские задачи / Васильев Ю., Гайда Ф., Ефременко Д., Ломанов А., Миллер А., Тесля А., Филиппов А., Лукьянов Ф. 31.12.2019. URL: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Istoricheskaya-pamyat--esche-odno-prostranstvo-gde-reshayutsya-politicheskie-zadachi-20316> (дата обращения: 01.02.2020).

Профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге А. Миллер вновь затрагивает проблему отсутствия у России позитивной повести для мира, в том числе и в контексте исторической памяти: «Руководству страны необходимо сформулировать положительную повестку, как использовать память не для усугубления конфликта». Делать это, по мнению экспертов, надо следующим образом: 1) выступая на официальном уровне предельно корректно и дипломатично, 2) расширяя исторические рамки, 3) очень четко следуя историческим фактам, 4) не «национализируя» Победу, а сохраняя приверженность интернационализму, 5) обращаясь к союзникам по традиционному дискурсу – Израилю, 6) солидаризируясь с китайским историческим нарративом, 7) вновь обращаясь к левым и социал-демократическим идеям. Последнее соображение принципиально для разграничения представлений об СССР и Германии в годы войны. Старший научный сотрудник Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта А. Тесля обращает на это особое внимание: «Каким образом мы можем отбросить левую идею, если мы так или иначе – наследники Союза? ...Попытаться выбросить левое означает попадание в сюжет про два близких, кровнородственных режима»¹⁶. Таким образом, отказ от левой идеи возвращает Россию в позицию носителя главной вины в дискурсе о войне «двух тоталитаризмов». Эта дискуссия оказывается созвучной концепции неоревизионизма Р. Саквы если не по букве, то по духу: идея поиска общих знаменателей и оснований для диалога продуктивна и гораздо больше в интересах России, чем замыкание в национальных границах и реактивная историческая политика.

Заключение

Россия остается державой статус-кво, вынужденно принявшей элементы ревизионизма – неоревизионизм. Она не оспаривает существующей международно-правовой базы, не предлагает ревизии методов и принципов международных отношений, но стремится к пересмотру условий функционирования однополярной мировой системы. Не имея конкретной позитивной повестки для мира, Россия все чаще сталкивается с обвинениями в ревизионизме. Столкновение нарративов усугубляется «дилеммой мнемонической безопасности», сопровождающейся переходом западного дискурса о холокосте к дискурсу о «войне двух тоталитаризмов». Это логическое продолжение концепции Дж. Буша об «угнетенных народах» (*captive nations*) Европы, развивавшейся в рамках монологической логики расширения коллективного

¹⁶ Тесля А. Историческая память – еще одно пространство, где решаются политические задачи / Васильев Ю., Гайда Ф., Ефременко Д., Ломанов А., Миллер А., Тесля А., Филиппов А., Лукьянов Ф. 31.12.2019. URL: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Istoricheskaya-pamyat--esche-odno-prostranstvo-gde-reshayutsya-politicheskie-zadachi-20316> (дата обращения: 01.02.2020).

Запада. Сегодня дискурс противостояния режимов – либеральных демократий коллективного Запада «автократам и ревизионистам» – уводит стороны все дальше от возможного диалога о реальных проблемах, в первую очередь проблемах безопасности. Все эти темы, освещавшиеся Р. Саквой в статьях, книгах и лекциях разных лет, обсуждавшиеся в этой статье, продолжают оставаться актуальными на довольно долгую перспективу.

Библиографический список

- [1] *Sakwa R. Russia's Futures*. Polity Press, 2019.
- [2] *Sakwa R. Putin: Russia's Choice*. Routledge, 2008.
- [3] *Entman R. M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm*. *Journal of Communication*. Vol. 43. Issue 4. 1993. P. 51–58. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x>
- [4] *Schweller R. Rising Powers and Revisionism in Emerging International Orders // Russia in Global Affairs* 7/10/2015. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/valday/Rising-Powers-and-Revisionism-in-Emerging-International-Orders-17730>. Accessed: 02.02.2020.
- [5] *Bischof G. The Advent of Neo-Revisionism? // Journal of Cold War Studies*. 2005. 27 (1). P. 141–151. DOI: 10.1162/1520397053326176
- [6] *Dzarasov R.S. Russian neo-revisionist strategy and the Eurasian Project // Cambridge Journal of Eurasian Studies*. 2017. 1: #3P7NAR. DOI: <https://doi.org/10.22261/3P7NAR>
- [7] *Rose C. The Sochi Dialogue; A Pathway for Russian Neo-Revisionism in the Levant // The World Mind American University's undergraduate policy magazine for international and public affairs*. URL: <https://edspace.american.edu/theworldmind/2018/03/09/1226/>. Accessed: 02.02.2020.
- [8] *Грибанова Г.И. Неоревизионизм и «третий путь» // Демократия и управление: Информационный бюллетень исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии (СП-РАПН)*. СПб., 2007. № 1 (3).
- [9] *Sassoon D. One Hundred Years of Socialism: The West European Left in the Twentieth Century*. Palgrave Macmillan, 2010.
- [10] *Sakwa R. Russian Neo-Revisionism // Russian Politics*. 2019. Vol. 4. Issue 1. P. 1–21. DOI: <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00401001>
- [11] *Саква Р. Дуализм внешней политики России: неоревизионизм и биконтинентализм // Современная Европа*. 2015. № 3 (63). С. 28. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soverepe320152231>

References

- [1] *Sakwa R. Russia's Futures*. Polity Press, 2019.
- [2] *Sakwa R. Putin: Russia's Choice*. Routledge, 2008.
- [3] *Entman R.M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm*. *Journal of Communication*. 1993. Vol. 43, Issue 4, December: 51–58. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x>
- [4] *Schweller R. Rising Powers and Revisionism in Emerging International Orders*. *Russia in Global Affairs* 7.10.2015. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/valday/Rising-Powers-and-Revisionism-in-Emerging-International-Orders-17730>. Accessed: 02.02.2020.
- [5] *Bischof G. The Advent of Neo-Revisionism? Journal of Cold War Studies* 2005. Vol. 1. Issue 7: 141–151. DOI: 10.1162/1520397053326176
- [6] *Dzarasov R., Lane D., Dadabaev T. Russian neo-revisionist strategy and the Eurasian Project*. *Cambridge Journal of Eurasian Studies*. 2017. Vol. 1. URL: <https://doi.org/10.22261/3P7NAR>
- [7] *Rose C. The Sochi Dialogue; A Pathway for Russian Neo-Revisionism in the Levant*. *The World Mind American University's undergraduate policy magazine for international and*

- public affairs*. URL: <https://edspace.american.edu/theworldmind/2018/03/09/1226/>. Accessed: 01.02.2020.
- [8] Gribanova G.I. Neorevisionism and the third way. *Democracy and governance: Newsletter of the RAPN research Committee on comparative political science* (SP-RAPN). SPb., 2007. Vol. 1 (3). (In Russ.).
- [9] Sassoon D. *One Hundred Years of Socialism: The West European Left in the Twentieth Century*. Palgrave Macmillan, 2010.
- [10] Sakwa R. Russian Neo-Revisionism. *Russian Politics*. 2019. Vol. 4: Issue 1: 1–21. DOI: <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00401001> (In Russ.).
- [11] Sakwa R. The Duality of Russia's foreign policy: neorevisionism and bicontinentalism // *Modern Europe*. 2015. Vol. 3 (63): 28. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soverope320152231> (In Russ.).

Информация об авторе:

Казаринова Дарья Борисовна – кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0002-9416-5898) (e-mail: kazarinova-db@rudn.ru).

Information about the author:

Daria B. Kazarinova – PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Comparative Politics, Peoples Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-9416-5898) (e-mail: kazarinova-db@rudn.ru).

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-194-204

Научная статья / Research article

«Золотой щит» Китая: политика управления мнемоническими интернет-практиками

Т.А. Подшибякина

Южный федеральный университет
Российская Федерация, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42
tan5@bk.ru

China's "Gold Shield": Monemonic Internet Practice Management Policy

T.A. Podshibyakina

Southern Federal University
105/42 Bolshaya Sadovaya St, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation
tan5@bk.ru

Аннотация. Актуализация прошлого является естественным для общества проявлением потребности в рефлексии исторической памяти, она же подталкивает элиты к поиску новых форм «ментального контроля» над общественным сознанием. Исследование посвящено проблеме сохранения исторической памяти в условиях цензуры в сети Интернет. Цель заключается в выявлении символических эффектов исторической памяти, возникающих в результате нарративной репрезентации истории и когнитивных мнемонических практик сетевых медиа и сетевых интернет-сообществ в условиях цензуры. Результатом исследования стала концептуализация понятия «когнитивные мнемонические интернет-практики», их типологизация в соответствии с видами когнитивной цензуры сетевых медиа и описание их символических эффектов. Концептуализировать понятие «когнитивные мнемонические интернет-практики» и обосновать выводы позволил анализ case study современных китайских сетевых медиа.

Ключевые слова: историческая память, нарративная репрезентация истории, символическая политика, когнитивные мнемонические практики, цензура

История статьи: Поступила в редакцию 03.02.2020. Принята к публикации 17.02.2020.

Для цитирования: Подшибякина Т.А. «Золотой щит» Китая: политика управления мнемоническими интернет-практиками // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 2. С. 194–204. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-194-204

© Подшибякина Т.А., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Благодарности: Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31284.

Abstract. Actualization of the past is a natural manifestation of need for reflection of historical memory for society; it also pushes elites to search for new forms of “mental control” over public consciousness. The research is devoted to the problem of keeping historical memory in the context of censorship on the Internet. The goal is to identify the symbolic effects of historical memory that arises as a result of narrative representations of history and cognitive mnemonic practices of network media and online Internet communities in the context of censorship. Result of this research was conceptualization of the notion for “cognitive mnemonic Internet practices”, their typology in accordance with the types of cognitive censorship of network media and a description of their symbolic effects. Concept of the Internet as a mnemonic system is theoretically grounded, a typology of censorship strategies is given as a factor affecting the displacement of some forms of historical memory from the public sphere of society and their expression in various network mnemonic practices. The case study analysis of modern Chinese network media allowed for conceptualization of the notion of “cognitive mnemonic Internet practices” and grounding the conclusions.

Keywords: historical memory, narrative representation of history, symbolic politics, cognitive mnemonic practices, censorship

Article history: Submitted on 03.02.2020. Accepted on 17.02.2020.

For citation: Podshibyakina T.A. China’s “Gold Shield”: Monemonic Internet Practice Management Policy. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (2): 194–204. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-194-204

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 19-011-31284.

Введение

Изучение исторической памяти можно рассматривать в настоящее время как интеллектуальный вызов для научного сообщества, обусловленный чрезвычайной социальной значимостью самого понятия при недостаточной теоретической и методологической обоснованности. Историческая память, понимаемая как воспроизведение исторических событий в современном общественном сознании, может трактоваться и как символическое выражение прошлого, в этом значении она порождает множество социальных эффектов и актуальных практик, вследствие чего появляется запрос на новые управленческие технологии в области символической политики.

Цель данного исследования заключается в выявлении символических эффектов исторической памяти, возникающих в результате нарративной репрезентации истории и когнитивных мнемонических практик сетевых медиа и сетевых интернет-сообществ в условиях цензуры. Задачи: описание особенностей сети Интернет как мнемонической системы и актора сетевой коммуникации; концептуализация понятия «когнитивных мнемонических интернет-практик» на основе когнитивной цензуры; анализ символических эффектов когнитивных мнемонических интернет-практик.

Теоретическим обоснованием исследования послужили коммуникативная и когнитивная концепции, эмпирическая часть базируется на использовании метода анализа китайского кейса на основе имеющихся публикаций российских и зарубежных исследователей о цензуре в Китае, так как по цензурным же соображениям эта тематика не освещается в самом Китае, за исключением Тайваня и Гонконга. Результатом исследования должна стать концептуализация понятия «когнитивные мнемонические интернет-практики», их типологизация по когнитивному критерию в соответствии с видами когнитивной цензуры сетевых медиа и описание их символических эффектов. Нарративные репрезентации и мнемонические интернет-практики целесообразно рассмотреть на примере деятельности сетевых медиа в Китае в условиях ограничительного фактора самой мощной в мире цензуры.

Мнемонические практики исторической памяти в сети Интернет: стратегии цензуры

В 2019 году Китай стал крупнейшим в мире рынком социальных сетей, который насчитывает 1,007 миллиарда активных пользователей из 1,42 миллиардного населения, более 80% из них зарегистрировали несколько учетных записей в Интернете. Кейс Китая позволяет обобщить результаты более чем двадцатилетнего применения технологии фильтрации контента в Интернете в соответствии с законодательством КНР, известной под названием «Золотой щит», или «Великий китайский файрвол». Рост уровня цензуры связан с укреплением авторитарных тенденций в период правления Си Цзиньпина, когда партия значительно усилила контроль над общественным мнением, преследуя оппозиционные и либеральные настроения.

«В реализации цензуры Интернета китайские власти эффективно используют две основные стратегии: фильтрацию материалов с использованием технических методов и людских ресурсов и внедрение комплексной системы нормативно-правовых актов, наблюдения и наказания с целью распространения сознательности среди населения» [1, с. 68]. Опыт Китая, активно использующего открытую цензуру, также показал, что в виде запретов, фильтрации информации, ограничения деятельности различных медиа в сети Интернет она уже неэффективна, и власть вынуждена искать новые формы. Самой первой стратегией реализации политической цензуры в социальных сетях стала попытка установления прямого контроля в виде удаления неуютного контента, и она относится еще к началу 2010-х годов. К традиционным видам также можно отнести стратегию фальсификации фактов [2]. Во время беспорядков в Синьцзяне в 2013 году местные органы власти сами сфабриковали медиасреду, нанимая комментаторов для отвлечения внимания общественности от кризиса [3]. Стратегия управления слухами предполагает в лучшем случае их модерацию, а чаще всего опровержение и удаление контента.

Появляются новые формы цензуры, которые можно обозначить как когнитивные, блокирующие не информацию, а когнитивные способности, позволяющие ее воспринимать (внимание, память, суждения): стратегия отвлечения внимания, информационного затопления, дискурсивная стратегия, стратегия «авторитарного партисипативного убеждения 2.0». Факты свидетельствуют о том, что правительство Китая нанимает «интернет-комментаторов» для размещения пропаганды в социальных сетях для отвлечения внимания. Эту группу уничижительно называют «партией 50 центов» или *Wumaо*. Чэн Я., Ли С. Дж. рассматривают стратегическое отвлечение внимания, опровержение слухов, миф и цензуру контента в качестве коммуникативных кризисных стратегий [3].

Обычные граждане часто теряются от избытка имеющейся у них информации, на этом построена стратегическая манипуляция информационного затопления. Создание «положительной энергии» (*zheng nengliang*) на выдающихся примерах истории и героизма как дискурс онлайн-контроля характеризуется навязыванием определенных представлений, идеологических установок и маргинализацией антиправительственного нарратива. Стратегия «авторитарного партисипативного убеждения 2.0» предполагает как прямое совместное производство убеждений властью и обществом, когда пользователи сети призваны репостить, делиться и создавать контент, так и косвенное участие, в результате чего пользователи сети приглашаются «принять участие» в жизни высшего лидера Си Цзиньпина.

Однако в целом в отношении среднестатистических китайских граждан и той части населения Китая, которая не склонна к активному участию в политической жизни страны, китайская система контроля и регулирования Интернета действует весьма эффективно [4]. Альтернативный политический дискурс в сети для борьбы с цензурой создают виртуальные сообщества, в реальной жизни являющиеся структурами гражданского общества: неправительственными [5] или общественными организациями [6, с. 87], а также добровольными объединениями граждан в онлайн-сообщества.

Мнемонические практики исторической памяти в сети Интернет: стратегии антицензуры

Когнитивные мнемонические практики опираются на хранение памяти, ее передачу, создание нового знания, то есть свойства памяти, которые принято считать когнитивными. К основным видам мнемонических практик этого вида можно отнести следующие: онлайн-память, накопление памяти и первый набросок нарратива; создание альтернативных исторических нарративов в результате введения в оборот ранее неизвестных исторических документов, написание онлайн-энциклопедий, создание сетевых поддельных видео (*e gao*), дискурсивные стратегии сопротивления.

Эйлин Ле Хан рассматривает, как коллективные воспоминания о публичном мероприятии наряду с различными журналистскими практиками формируются в социальных сетях по мере развития события. Анализируя сообщения, опубликованные в течение первых 8 дней после аварии на скоростном поезде 23 июля 2011 года в Китае на ведущей китайской платформе микроблоггинга Weibo, она выявляет три типа мнемонических методов: онлайн-память, накопление памяти и первый набросок нарратива. Широкое освещение в средствах массовой информации, непрерывные обновления и размытые границы между отчетами и архивированием приводят к появлению непосредственных учетных записей и фрагментированных нарративов события [7]. Под хранилищем памяти ею подразумеваются различные стратегии несогласных, такие как коллективные воспоминания о публичном мероприятии в журналистских практиках на платформе Weibo.

Йи Ван утверждает, что цифровые технологии привели к критическим изменениям в мнемонических практиках в Китае, таким как расширение прав и возможностей социальных групп для обнаружения ранее недостаточно представленных исторических отчетов и создания альтернативных исторических нарративов. Например, мнемонические практики «хань-центризма», одной из разновидностей этнического и культурного националистического движения, основанного в китайском Интернете, направлены на переосмысление национальной истории, и пытаются заново открыть забытые исторические нарративы о славе и травмах. Появляются онлайн-группы, борющиеся за «историческую правду», учитывая сложную и противоречивую историю Китая, такие онлайн-группы могут в будущем превратить Интернет в поле битвы национализма [8].

Хранилищем неофициальной исторической памяти в Интернете многие исследователи называют онлайн-энциклопедии. Карл Густафссон, проводивший исследование того, как великий китайский голод обсуждался на Weibo, китайском эквиваленте Twitter, предполагает, что информационные и коммуникационные технологии могут бросить вызов официальным версиям прошлого и увеличить плюрализм в нарративах коллективной памяти в авторитарных государствах. Это позволяет определить, в какой степени китайские онлайн-энциклопедии функционируют как тип места памяти, на которое могли бы рассчитывать авторы Википедии [9]. Власти Китая, понимая потенциальную опасность онлайн-энциклопедий, в апреле 2019 года заблокировали Википедию в Китае, закрыв доступ к ресурсу не только на китайском, но и на всех других языках. В 2017 году в КНР проводилось расследование в отношении социальных веб-ресурсов, как WeChat, Weibo и форума Baidu Tieba на наличие информации, содержащей угрозы национальной безопасности и общественного порядка, к которым были отнесены «домыслы о партийных работниках», «искажение» военной истории Китая, критика истории китайской революции и деятелей КПК.

Ву Сяопином описаны дискурсивные стратегии сопротивления на Weibo на материале исследования темы взрывов в Тяньцзине в 2015 году, направленные против официального дискурса. Им определены три дискурсивные стратегии сопротивления в Weibo: сопротивление путем цитирования кросс-платформенных свидетельских показаний; сопротивление путем создания слухов; сопротивление через высмеивание официального дискурса посредством сатиры [10].

Ли Генри Силинг, рассуждая о политической ценности сетевых поддельных видео (e gao) как формы развлечения в Китае, утверждает, что поддельные онлайн-видео функционируют как хранилище неофициальной памяти в КНР [11] и «нарративное диссидентство», заложенное в альтернативной памяти в Китае [12].

Сеть Интернет предоставляет широкие возможности социальным медиа для хранения и передачи памяти: создание блогов, архивов, краудсорсинг. Блоги сетевых пользователей являются мнемонической практикой распространения альтернативных нарративов, противопоставляемых официальной памяти, например, Великого голода в Китае [13]. Социальные медиа через мнемонические практики агрегирования альтернативных нарративов архивируют и хранят эти материалы на Weibo, сохраняя память о прошлом, делая ее доступной и легко обновляемой. Краудсорсинг – непрерывный открытый процесс, который формирует коллективную память и способствует накоплению исторических знаний в китайском обществе в долгосрочной перспективе [14]. Поисковые запросы также рассматриваются как мнемонические практики, подверженные манипулированию со стороны модераторов форумов и провайдеров.

Символические эффекты мнемонических интернет-практик

Нарративные и дискурсивные мнемонические практики, будучи не в состоянии преодолеть цензурные барьеры, находят свое выражение в символах. Сяоцзе Цао именуется дискурсы символическим оружием сопротивления пользователей Интернета в китайском киберпространстве, которое наряду с другими знаковыми дискурсами составляет символическую силу, открывающую возможность реальных социально-политических изменений [15]. Символом коммунистической диктатуры в Китае для всего мира являются события расправы над демонстрантами на площади Тяньаньмэнь, выступившими в поддержку демократического движения в 1989, а в конце 1990-х годов это событие стало символом нарушения прав человека в Китае, в 2000-х годах символическое значение Тяньаньмэнь исчезло. Таким образом, событие в течение расширенного жизненного цикла может демонстрировать как непрерывность, так и изменения в значениях.

В борьбе за лояльность граждан Китая Коммунистическая партия Китая, по мнению Карстена Гиза [16] и Франсуазы Менгин [17], стала использовать

новый конструкт «национальная идентичность» для достижения политического единения партии и народа, и контролировать формирующиеся вокруг этого дискурсы поиска индивидуальной и коллективной идентичности. Ди Цуй и Фан Ву, проанализировав дискурс официальных СМИ об управлении Интернетом в Китае, сделали вывод о том, что оправданием необходимости управления Интернетом являются моральная добродетель, личная безопасность и социальная стабильность [18].

Астрид Нордин и Лиза Ришо отмечают, что пропаганда «гармонии» в официальном дискурсе Китая рассматривается как особенность государственной пропаганды и цензуры, при этом мало внимания уделяется восприятию такого дискурса гражданами Китая. Вместе с тем, с точки зрения сопротивления «гармонизации», может рассматриваться ироничное использование государственного языка в повседневной речевой практике, как в Интернете, так и в разговорах со сверстниками [19].

Пародия на «гармонию» превратила само слово в так называемое «чувствительное» слово, или объект цензуры. Когда слово «гекси» стало цензурироваться, пользователи сети приняли новое слово «речной краб», чтобы заменить прямое использование слова «гармония», поскольку эти два слова являются тонологически различными омофонами: *héxié* для «гармонии» и *hèxiè* для «речного краба». Изображения речных крабов публикуются в Интернете, чтобы выразить недовольство государственной цензурой и подавлением свободы слова. Вскоре «речной краб» стал «мемом», который символизирует идеологическую битву между «гармонизацией» и «контргармонизацией» в киберпространстве Китая.

Невербальный дискурс посредством безобидных символов, имеющих одинаковое или схожее произношение с цензурируемыми словами, отражает китайскую специфику. Лицзюнь Тан и Пейдонг Ян, опираясь на концепцию символической власти, предприняли попытку доказать, что реализовать потенциал символической власти в Интернете нелегко, но вполне реально создание последующего дискурса после появления мощного символа, который создает символическую сеть и быстро укореняется в сознании общества [20].

Альтернативным политическим дискурсом в китайском Интернете и частью гражданской культуры, формой эмоционального сплочения, по мнению Бинчунь Мэн, является «е гао» – онлайн-фальсификация [21]. Символ «е» означает «зло», а «гао» означает «высмеивать». Изначально это новое мультимедийное выражение означало высмеивание оригинальных произведений. В настоящее время *e gao* – это сатирический, пародийный дискурс по темам борьбы за власть, объединения классов, социального расслоения. Дискурс *e gao* может быть рассмотрен и как форма выражения коллективных установок нового класса пользователей сети.

Леони Шмидт и Йерун де Клоет описывают бриколаж (Bricolage) как медиастратегию, позволяющую обходить официальную цензуру через выработку новых значений путем переработки фрагментов [22]. Фан Ян основное

внимание уделяет практике перекодирования, то есть использованию кодовых слов и изображений для распространения информации, которая считается «конфиденциальной», и поэтому удаляется из Интернета, обращая особое внимание на социальный аспект создания смысла. Такие методы уклонения от цензуры многие рассматривают как форму «сопротивления» против диктата государства [23].

Хань-центризм – интернет-сообщество – положило начало известному «движению одежды Хань» (*Hanfu yundong*), популярному культурному движению, целью которого является возрождение ношения одежды древних ханьцев в современной жизни. Так символические эффекты прорываются из виртуального кибер-пространства в реальную жизнь.

Заключение

Анализ показал, что в Китае в настоящее время одновременно манифестируются две тенденции: укрепление авторитарных тенденций действующего режима, что проявляется в усилении политической цензуры, и стремление гражданского общества к открытости на основе возможностей, предоставляемых сетью Интернет. Сохранение социалистического курса и поддержание высоких темпов экономического развития во многом будет зависеть от умения властей Китая адаптироваться к запросу на либерализацию, существующему в обществе.

Вытесняемая под воздействием фактора цензуры из публичной сферы политики историческая память находит свою нишу в сетевых коммуникациях, превращая Интернет в мнемоническую систему, то есть хранилище исторической памяти, систему взаимодействия мнемонических акторов, реализуемую в мнемонических практиках.

В условиях цензуры появляются новые виды мнемонических интернет-практик – когнитивные, в основе которых лежит критерий познания. Когнитивные мнемонические интернет-практики – это вид практик создания, хранения и передачи памяти в сети Интернет, основанных на когнитивных критериях восприятия, внимания, памяти, суждения, знания. Когнитивные интернет-практики антицензуры отличает релятивизм, создание закрытых сетевых сообществ по принципу «эхо-камер» и «пузырей фильтров». Способами передачи памяти являются коллективное создание воспоминаний или нового знания, когнитивные стратегии дискурса (использование знаний, воспоминаний, мнений, убеждений) с целью получения нового знания.

Виды когнитивных интернет-практик цензуры: стратегия и практика отвлечения внимания, информационного затопления, «авторитарного партисипативного убеждения 2.0», дискурсивная практика. Видами когнитивных интернет-практик антицензуры можно назвать: онлайн-память, накопление памяти, создание альтернативных исторических нарративов в результате введения в оборот ранее неизвестных исторических документов,

написание онлайн-энциклопедий, создание сетевых поддельных видео, дискурсивные стратегии сопротивления.

Символические эффекты когнитивных мнемонических интернет-практик проявляются как в виртуальном, так и в реальном пространстве, становятся частью публичной политики государства или деятельности общественных движений и организаций. Они находят выражение в символической коммеморации исторической памяти, символах культурных движений, создании новых смыслов и символов в виде мемов, артефактов, альтернативных дискурсов и нарративов.

Библиографический список

- [1] *Лексютина Я. В.* Американско-китайский диалог по вопросу развития и государственного регулирования глобальной сети Интернет // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6, Политология. Международные отношения. 2011. № 2. С. 67–76.
- [2] *King G., Pan J., Roberts M. E.* How the Chinese government fabricates social media posts for strategic distraction, not engaged argument // *American political science review*. 2017. Т. 111. № 3. Р. 484–501.
- [3] *Cheng Y., Lee C. J.* Online crisis communication in a post-truth Chinese society: Evidence from interdisciplinary literature // *Public Relations Review*. 2019. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2019.101826>
- [4] *Лексютина Я. В.* Политика китайского руководства в вопросах контроля и регулирования Интернета // *Общество и государство в Китае*. 2015. № 17–1. С. 28–37.
- [5] *Семенова Н.К.* Неправительственные организации КНР – ростки демократии // *Синхайская революция и республиканский Китай – век революций, эволюции и модернизации: сборник статей*. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 209–222.
- [6] *Ганишин В. Г.* Роль Интернета в процессе формирования гражданского общества в КНР // *Проблемы Дальнего Востока*. 2010. № 4 С. 84–92.
- [7] *Han E. L.* Journalism and mnemonic practices in Chinese social media: Remembering catastrophic events on Weibo // *Memory Studies*. 2017. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750698017714833>
- [8] *Wang Y.* Contesting the past on the Chinese Internet: Han-centrism and mnemonic practices // *Memory Studies*. 2019. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750698019875996>
- [9] *Gustafsson K.* Chinese collective memory on the Internet: Remembering the Great Famine in online encyclopaedias // *Memory Studies*. 2019. № 12 (2). Р. 184–197.
- [10] *Wu X.* Discursive strategies of resistance on Weibo: A case study of the 2015 Tianjin explosions in China // *Discourse, context & media*. 2018. Т. 26. Р. 64–73.
- [11] *Li H. S.* Spoof Videos: Entertainment and Alternative Memory in China // *Entertainment Values*. Palgrave Macmillan, London, 2017. Р. 179–194.
- [12] *Li H. S.* Narrative dissidence, spoof videos and alternative memory in China // *International Journal of Cultural Studies*. 2016. Т. 19. № 5. Р. 501–517.
- [13] *Zhao H., Liu J.* Social Media and Collective Remembrance. The debate over China's Great Famine on weibo. *China Perspectives*. 2015. Т. 2015. № 2015/1. Р. 41–48.
- [14] *Liu J.* Who Speaks for the Past? Social Media, Social Memory, and the Production of Historical Knowledge in Contemporary China // *International Journal of Communication*. 2018. Т. 12. Р. 21.
- [15] *Cao X.* Censorship and Everyday Forms of Resistance in Chinese Cyberspace // *ResearchSpace@. Auckland*. 2015. URL: <https://researchspace.auckland.ac.nz/handle/2292/28131>. Дата обращения: 29.12.2020.

- [16] *Giiese K.* Speaker's corner or virtual panopticon: Discursive construction of Chinese identities online. *Cyber China*. Palgrave Macmillan, New York, 2004. P. 19–36.
- [17] *Mengin F.* *Cyber China: Reshaping National Identities in the Ages of Information*. New York: Palgrave Macmillan, 2004. 260 p.
- [18] *Cui D., Wu F.* Moral goodness and social orderliness: An analysis of the official media discourse about Internet governance in China // *Telecommunications Policy*. 2016. Vol. 40. 2–3. P. 265–276.
- [19] *Nordin A., Richaud L.* Subverting official language and discourse in China? Type river crab for harmony // *China Information*. 2014. № 28 (1). P. 47–67. DOI: 10.1177/0920203X14524687
- [20] *Tang L., Yang P.* Symbolic power and the internet: The power of a 'horse' // *Media, Culture & Society*. 2011. № 33 (5). P. 675–691. DOI: <https://doi.org/10.1177/0163443711404462>
- [21] *Meng, B.* From Steamed Bun to Grass Mud Horse: E Gao as alternative political discourse on the Chinese Internet // *Global Media and Communication*. 2011. № 7 (1). P. 33–51. DOI: <https://doi.org/10.1177/1742766510397938>
- [22] *Schmidt L., de Kloet J.* Bricolage: Role of Media. *The International Encyclopedia of Media Effects*. 2017. P. 1–9.
- [23] *Yang F.* Rethinking China's Internet censorship: The practice of recoding and the politics of visibility // *New Media & Society*. 2019. Vol. 18 (7). P. 1364–1381. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444814555951>

References

- [1] Leksyutina Y.V. American-Chinese dialogue on the development and government regulation of the global Internet. *Bulletin of St. Petersburg University*. Series 6. Political science. International relationships. 2011; 2: 67–76. (In Russ.).
- [2] King G., Pan J., Roberts M.E. How the Chinese government fabricates social media posts for strategic distraction, not engaged argument. *American political science review*. 2017; 111 (3): 484–501.
- [3] Cheng Y., Lee C.J. Online crisis communication in a post-truth Chinese society: Evidence from interdisciplinary literature. *Public Relations Review*. 2019. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2019.101826>
- [4] Leksyutina Y.V. Policy of the Chinese leadership in matters of control and regulation of the Internet. *Society and State in China*. 2015; 17–1: 28–37. (In Russ.).
- [5] Semenova N.K. Non-governmental organizations of the PRC are the sprouts of democracy. *Xinghai revolution and Republican China – the century of revolutions, evolution and modernization*. Digest of articles. M.: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2013: 209–222. (In Russ.).
- [6] Ganshin V.G. The role of the Internet in the process of forming civil society in China. *Problems of the Far East*. 2010; 4: 84–92. (In Russ.).
- [7] Han E.L. Journalism and mnemonic practices in Chinese social media: Remembering catastrophic events on Weibo. *Memory Studies*. 2017. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750698017714833>
- [8] Wang Y. Contesting the past on the Chinese Internet: Han-centrism and mnemonic practices. *Memory Studies*. 2019. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750698019875996>
- [9] Gustafsson K. Chinese collective memory on the Internet: Remembering the Great Famine in online encyclopaedias. *Memory Studies*. 2019; 12 (2): 184–197.
- [10] Wu X. Discursive strategies of resistance on Weibo: A case study of the 2015 Tianjin explosions in China. *Discourse, Context & Media*. 2018; 26: 64–73.

- [11] Li H.S. Spoof Videos: Entertainment and Alternative Memory in China. *Entertainment Values*. Palgrave Macmillan, London, 2017: 179–194.
- [12] Li H.S. Narrative dissidence, spoof videos and alternative memory in China. *International Journal of Cultural Studies*. 2016; 19 (5): 501–517.
- [13] Zhao H., Liu J. Social Media and Collective Remembrance. The debate over China's Great Famine on weibo. *China Perspectives*. 2015; 2015 (2015/1): 41–48.
- [14] Liu J. Who Speaks for the Past? Social Media, Social Memory, and the Production of Historical Knowledge in Contemporary China. *International Journal of Communication*. 2018; 12: 21.
- [15] Cao X. *Censorship and Everyday Forms of Resistance in Chinese Cyberspace*. ResearchSpace@ Auckland 2015. URL: <https://researchspace.auckland.ac.nz/handle/2292/28131>. Accessed: 29.12.2020.
- [16] Giese K. Speaker's corner or virtual panopticon: Discursive construction of Chinese identities online. *Cyber China*. Palgrave Macmillan, New York, 2004: 19–36.
- [17] Mengin F. *Cyber China: Reshaping National Identities in the Ages of Information*. New York: Palgrave Macmillan, 2004: 260.
- [18] Cui D., Wu F. Moral goodness and social orderliness: An analysis of the official media discourse about Internet governance in China. *Telecommunications Policy*. 2016; 40 (2–3): 265–276.
- [19] Nordin A., Richaud L. Subverting official language and discourse in China? Type river crab for harmony. *China Information*. 2014; 28 (1): 47–67. DOI: 10.1177/0920203X14524687
- [20] Tang L., Yang P. Symbolic power and the internet: The power of a 'horse.' *Media, Culture & Society*. 2011; 33 (5): 675–691. DOI: <https://doi.org/10.1177/0163443711404462>
- [21] Meng B. From Steamed Bun to Grass Mud Horse: E Gao as alternative political discourse on the Chinese Internet. *Global Media and Communication*. 2011; 7 (1): 33–51. DOI: <https://doi.org/10.1177/1742766510397938>
- [22] Schmidt L., de Kloet J. Bricolage: Role of Media. *The International Encyclopedia of Media Effects*. 2017: 1–9.
- [23] Yang F. Rethinking China's Internet censorship: The practice of recoding and the politics of visibility. *New Media & Society*. 2016; 18 (7): 1364–1381. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444814555951>

Информация об авторе:

Подшибякина Татьяна Александровна – кандидат политических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (ORCID ID: 0000-0002-2689-8387) (e-mail: tan5@bk.ru).

Information about the author:

Tat'yana A. Podshibyakina – PhD in Political Science, Associate Professor of Department of Theoretical and Applied Political Science at the Institute of Philosophy and Social & Political Sciences, Southern Federal University (Russia) (ORCID ID: 0000-0002-2689-8387) (e-mail: tan5@bk.ru).

МЯГКАЯ СИЛА И ОБРАЗ РОССИИ SOFT POWER AND RUSSIA'S IMAGE

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-205-221

Научная статья / Research article

Мягкая сила для России: от восприятия к навыкам латентного управления

А.Е. Коньков

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
факультет государственного управления
Российская Федерация, 119991, Москва, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4
KonkovAE@spa.msu.ru

Soft Power for Russia: from Adoption to Latent Governance Skills

A.E. Konkov

Moscow State University, School of Public Administration
27-4 Lomonosovsky Prospect, Moscow, 119991, Russian Federation
KonkovAE@spa.msu.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию российского восприятия феномена мягкой силы, изначально концептуализированного в американской политической теории и сохраняющего дискуссионный характер своего приложения в современной политике. Научная новизна заключается в выявлении на основе ретроспективного анализа русскоязычных публикаций по теме мягкой силы постепенного отстраивания от дескриптивного подхода к мягкой силе как инструменту сугубо американской внешней политики формирующейся самостоятельной категории российской мягкой силы, вбирающей в себя представления о способности государства опираться на наиболее эффективные общественные структуры во взаимодействии, в первую очередь с внешними акторами, которая при этом может иметь и внутривнутриполитическое гражданское измерение в части расширения инструментария латентного управления социальными процессами. На фоне рассмотрения публикационной динамики в научных журналах анализируется и постепенное вхождение понятия мягкой силы в дискурс реальной политики России через публичную риторику высшего руководства страны и стратегические внешнеполитические документы. Если изначально российские приоритеты

© Коньков А.Е., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

артикулируются через поиск механизмов противодействия мягкой силе извне, то в дальнейшем последовательно постулируется необходимость выстраивания собственных инструментов мягкой силы, основанных на активном включении во внешнеполитический процесс институтов гражданского общества. Активизация последнего вкупе с множаскими практиками разных стран по выстраиванию отношений с неправительственными организациями при реализации своих национальных интересов становится важным фактором внимания государства к концепту мягкой силы. Российский опыт демонстрирует двусторонний процесс поиска соответствующей национальной модели: государство выражает интерес в формировании дополнительных механизмов, обеспечивающих поддержку своей политики на международной арене, а общество демонстрирует запрос на все более универсальные формы самореализации на конкурентном глобальном рынке.

Ключевые слова: мягкая сила, власть, государство, государственное управление, гражданское общество

История статьи: Поступила в редакцию 04.02.2020. Принята к публикации 12.02.2020.

Для цитирования: *Коньков А.Е.* Мягкая сила для России: от восприятия к навыкам латентного управления // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2020. Т. 22. № 2. С. 205–221. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-205-221

Abstract. This article is devoted to the study of Russian perception of soft power, which was initially conceptualized within the American political theory and is still being discussed in terms of its application to real political relations in the modern world. Scientific novelty of the article lies in identifying, based on retrospective analysis of Russian language publications on soft power, gradual shift from descriptive approach to soft power as exclusive instrument of American foreign policy towards an emerging independent category of Russian soft power. The latter incorporates perceptions about the ability of the state to rely on the most effective social structures in interaction, first of all, with external actors, which, however, can also have a domestic civil dimension in terms of expanding the tools for latent management of social processes. Besides considering the publication dynamics in scientific journals, the author also analyzes the gradual entry of the concept of soft power into discourse of real Russian politics through the public rhetoric of country's top leadership and strategic foreign policy documents. Initially, Russian priorities articulated through the search for mechanisms to resist soft power from the outside. Later a consecutive postulate emerged to develop sovereign soft power instruments, based on the active engagement of civil society institutions into foreign policy process. Activation of latter, as well as the growing practices of different countries in building relations with non-governmental organizations in the implementation of their national interests, are becoming important factors to encourage government efforts for soft power. Russian experience demonstrates a two-way process in search for the corresponding national model: while the state expresses interest in developing additional mechanisms that support its policy in the international arena, the society demonstrates a demand for increasingly universal forms of self-realization in a competitive global market.

Keywords: soft power, power, state, governance, civil society

Article history: Submitted on 04.02.2020. Accepted on 12.02.2020.

For citation: Konkov A.E. Soft Power for Russia: from Adoption to Latent Governance Skills. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (2): 205–221. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-205-221

Исследование феномена мягкой силы, вошедшего в обиход политиков и экспертов-международников после концептуализации в работах известного американского теоретика и практика внешней политики Джозефа Ная,

наталкивается на значимую методологическую развилку, предопределяющую вариативность соответствующего дискурса. А именно: описывает ли введенное Дж. Наем понятие особую систему отношений в политике (качество институтов, специфика субъект-объектных связей) либо все же является конкретным приложением, отдельным примером более широкого класса явлений (власть и ее механизмы). Другими словами, чего в научной рефлексии о мягкой силе больше – теории (нормативной концептуализации природы отношений между акторами) или практики (дескриптивного анализа актуальных технологий влияния)?

Вызов, с одной стороны, не оригинальный для гуманитарной сферы знаний, но и отнюдь не праздный, когда речь идет именно о мягкой силе, которая сегодня стала предметом устремлений, если не вожделения, многих государств в их внешней политике. Однако известное «академичное» утверждение немецкого физика XIX века Густава Кирхгофа «Нет ничего практичнее хорошей теории» в данном случае может быть уравновешено более «жестким» тезисом британского философа XX века Бертрانا Рассела: «В передовых странах практика вдохновляет теорию, в других – теория практику» [1, с. 712].

Американская неоконсервативная линия в политической философии, основанная на безусловной ценностной составляющей политики, с одной стороны, и практико-ориентированной теории – с другой, определяет более четкие требования к продуцируемым концептам, нежели философия континентальная, воспроизводящая свою самооценку и способная к познанию ради самого познания. Отмеченная выше методологическая развилка мало-существенна для США – там теория и практика имеют ясную взаимозависимость. В европейской же общественно-политической мысли имеется больший резерв для отвлеченной рефлексии о природе рассматриваемого явления и его гипотетических свойствах, что, в свою очередь, позволяет как раз вариативно подходить к уже выстроенным нарративам.

Если рассматривать мягкую силу как самостоятельное явление, т.е. в том виде, как оно прописано Дж. Наем и его последователями, то вполне предсказуемой становится ее связь с языком, культурой, публичной дипломатией, но самое, возможно, главное – с международными отношениями и внешней политикой. Мягкая сила – это категория, которой в современных исследованиях присущ так называемый мирополитический редукционизм, т.е. она рассматривается в контексте мировой политики, политики верхнего мегауровня. Это уровень, на котором политическое взаимодействие происходит не между индивидами, группами, институтами (партиями и др.), а между государствами и образуемыми ими международными организациями, а также (в меньшей степени) негосударственными игроками, которые все равно часто оказываются проводниками интересов тех или иных государств. Здесь мягкая сила и определяется как способность страны сделать так, чтобы другие страны стремились к тому, что нужно ей.

А если все же мягкая сила – это именно мягкая власть, т.е. особая форма власти как универсальной категории в политике, универсальной формы именно *политических* отношений? Если управление желаниями и устремлениями другого (как особая форма желаний второго порядка) – это способность не только страны (государства), но и субъекта в целом, абстрактного актора, можно ли вести речь о мягкой силе в этой связи?

Джозеф Най помимо обширного академического опыта был вовлечен и в практическую внешнюю политику США: непродолжительное время занимал высокие посты в Госдепартаменте, Пентагоне, разведывательном сообществе. И, несмотря на известные корни, которые обнаруживаются как в западной [2], так и восточной [3] и, кстати, в русской общественно-политической мысли (будет показано ниже), именно Дж. Наю принадлежит авторство понятия «мягкая сила» и с его, а также идеями его коллег принято соотносить подходы к изучению этого явления [4]. При этом взгляды Дж. Ная со временем развивались (и, следует отметить, продолжают развиваться) – в последующие годы им было написано с десяток книг и десятки статей, в которых раскрывались и уточнялись различные аспекты мягкой силы: появились понятия «умной» и «острой» силы, выстраивалось соотношение с методами публичной дипломатии, киберпространством, анализировались практики отдельных стран через призму американских интересов.

Так, в своей первой работе по этой теме “*Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*” [5] Дж. Най дал такое определение мягкой силе: это способность добиться того, чтобы другие хотели тех результатов, которые нужны тебе. По сравнению с общим представлением о власти как о способности добиваться от других нужных тебе результатов здесь есть существенное дополнение: чтобы этих же результатов хотели те самые другие, которые их и будут достигать. Позднее Най дополнял свое базовое определение тем, что эта способность должна проявляться без насилия и какой бы то ни было платы [6], через совмещение методов формирования повестки, убеждения и оставления позитивного впечатления [7].

В России интерес к понятию «мягкая сила» возник не сразу: в отечественной академической литературе он появляется в начале 2000-х гг. Возможно, этому способствовала публикация на русском языке статьи Дж. Ная «“Мягкая сила” и американско-европейские отношения» [8]. Однако и до ее появления встречались отдельные работы, упоминавшие этот термин. Примечательно, что одна из первых таких работ использовала другую версию перевода термина на русский язык – «мягкая власть» – это рецензия на тогда только вышедшую новую книгу Дж. Ная “*The Paradox of American Power. Why the World’s Only Superpower Can’t Go It Alone*”. «Именно “мягкая власть” гарантирует Америке уникальную роль в мире», – указывает автор рецензии В. Иноземцев [9, с. 181].

Два года спустя, в 2004 году, только оставивший пост министра иностранных дел Российской Федерации И.С. Иванов публикует в журнале «Полития» статью «Соперничающие модели и сценарии формирования но-

вого миропорядка: суть и перспективы реализации», в которой выделяет в качестве одной из таких моделей «теневое» доминирование США и, ссылаясь на ту же книгу Дж. Ная, указывает: «Такая “мягкая сила”, возможность влиять на другие государства невоенными средствами, является ключевым элементом успеха Америки» [10, с. 9].

Также на американский опыт ссылаются в том же 2004 году С.М. Рогов, рассуждая о разностях подходов демократов и республиканцев к расстановке сил в мире и приводя весьма любопытный как с ретроспективной, так и с современной точек зрения пример мягкой силы: «Демократы также не отказываются от “*hard power*”, но на первый план они выдвигают идею консолидации американского лидерства на основе “*soft power*” – “мягкой силы”. Имеются в виду невоенные факторы силы, связанные с идеологической и информационной сферой. С этой точки зрения, *Windows Microsoft* как раз и есть “*soft power*” – “мягкая сила”. Весь мир сегодня использует американские информационные технологии и через них воспринимает американский образ мысли» [11, с. 14].

В последующие годы стало выходить довольно много работ, посвященных мягкой силе именно в рамках изучения опыта политики США на мировой арене [12–14], а также соответствующие внешнеполитические практики других стран [15–17]. Подобные исследования сохраняют актуальность и сегодня, хотя если десять лет назад американская мягкая сила в качестве предмета рассмотрения характеризовала большинство работ по этой теме, а другие страны выступали отдельными исключениями, то теперь ситуация изменилась с точностью до наоборот. Отечественные авторы демонстрируют больший интерес к мягкой силе Европы, Китая, других стран, рассматривая американские практики в качестве основы для сравнения и своего рода бенчмаркинга [18–21].

Согласно электронному каталогу Российской государственной библиотеки, большая часть диссертаций, защищенных в России по теме мягкой силы, посвящены как раз рассмотрению опыта отдельных стран – Турции, КНР, Германии, Великобритании [22–27]. В 2016 году в СПбГУ защищена первая диссертация по тематике российской мягкой силы [28].

В большей степени исследования отечественных ученых, естественно, связаны с рассмотрением феномена мягкой силы России. В 2006 году в № 2 журнала «Россия в глобальной политике» выходит ряд материалов в рамках рубрики «Объятия “мягкой силы”», в которых рассматриваются различные элементы этой тогда еще не столь популярной политической категории. В одной из статей помимо рассмотрения собственно американского подхода ставится вопрос и о российских возможностях: «Отдельные ведомства осуществляют разрозненные проекты, и часто бывает сложно понять, кто на самом деле отвечает за российскую *soft power*» [29, с. 199–200].

Тогда же, в 2006 году, словно отвечая на озвученный тезис, понятие «мягкая сила» начинает использовать официальный внешнеполитический

дискурс. Впервые, согласно официальным стенограммам МИД России, министр С.В. Лавров упомянул о мягкой силе 11 декабря 2006 года, отметив, что «понятие мощи и величия государства определяется иначе, чем в прошлом: главным образом, в категориях так называемой “мягкой силы”, под которой понимается в том числе его внешнеполитическая привлекательность, умение “играть в команде”, готовность продвигать позитивную повестку дня по всему спектру международных проблем»². В последующем мягкая сила регулярно фигурирует в выступлениях министра, однако чаще в дескриптивном ключе, для характеристики внешнего окружения России и исходящих от него угроз, но никак не политики самой России.

В 2008 году выходит статья А. Казанцева и В. Меркушева о перспективах российской мягкой силы на постсоветском пространстве [30]. Примечательно, что примерно тогда же Б. Межуев публикует в сетевом «Русском журнале» доклад Европейского совета по международным отношениям «“Мягкая сила” новой России», в котором при общем настороженном настрое к России (и сегодня читается вполне злободневно) ее политика по отношению к соседним государствам признается весьма эффективной [31].

С. Кортуннов годом позже расширяет дискурс, рассуждая о мягкой силе России в контексте глобализации и мирового кризиса [32]. М. Лебедева и Ж. Фор тогда же ставят вопрос о высшем образовании как потенциале российской мягкой силы, на что в последующие годы будет делаться особый политический упор [33]. О «мягкой мощи» обменных образовательных программ пишет А. Фоминых [34].

В 2012 году понятие «мягкая сила» окончательно входит в официальный лексикон. В седьмой, заключительной в серии программных предвыборных статей Владимира Путина «Россия и меняющийся мир» о мягкой силе говорится в весьма осторожном ключе: «В ходу все чаще и такое понятие, как “мягкая сила” – комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия. К сожалению, нередко эти методы используются для взращивания и провоцирования экстремизма, сепаратизма, национализма, манипулирования общественным сознанием, прямого вмешательства во внутреннюю политику суверенных государств. Следует четко различать – где свобода слова и нормальная политическая активность, а где задействуются противоправные инструменты “мягкой силы”»³.

Здесь уместно обратить внимание на уже упомянутые выше корни рассматриваемого явления в российской общественно-политической мысли, ко-

² Тезисы выступления Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на встрече со студентами Факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова // МИД России. 11 декабря, 2006. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/385508 (дата обращения: 14.12.2019).

³ Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 27 февраля, 2012. URL: <http://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения: 10.12.2019).

торые оказываются созвучны мыслям В. Путина. Историк и философ первой половины XIX века Сергей Глинка указывал на существование двух родов войны: «одна *явная*, производимая вооруженною рукою; другая *сокровенная*, производимая пронырством... Первая нападает, так сказать, на тело Государственное; другая на тело и душу его». Эта вторая представляет, на его взгляд, наибольшую опасность: «Временныя потрясения Царств и болезни телесныя, не столько вредят, сколько разврат, который вкрадывается исподволь, заражает души, умы и повергает народ во всеобщее расслабление» (цит. по: [35, с. 70]). Сокровенная война и пронырство – суть тех же явлений, которые в наши дни описываются в том числе и понятием «мягкая сила». По крайней мере, с позиций ее объекта.

Уже через несколько месяцев после выхода статьи «Россия и меняющийся мир» на очередном совещании послов и постоянных представителей России В. Путиным впервые публично обозначается задача «использования новых технологий, например, так называемой “мягкой силы”»⁴. Произошло это 12 июля 2012 года, и эту дату вполне можно рассматривать в качестве официального признания потребности России в своей политике мягкой силы.

Мягкая сила становится не только объектом интереса политологов и специалистов-международников, не просто характеристикой исследуемой американской или чьей-либо еще внешней политики, но и прямым и публичным активом российской власти по защите своих интересов на внешней арене. Из «противоправного инструмента» она превращается в важный рычаг активности России, закрепляющий ее присутствие в мировой информационной повестке на все последующее десятилетие.

В 2013 году понятие мягкой силы впервые попадает в Концепцию внешней политики, где наряду с определением оно используется в обоих отмеченных выше смыслах: как часть внешних рисков («усиление глобальной конкуренции и накопление кризисного потенциала ведут к рискам подчас деструктивного и противоправного использования “мягкой силы”») и как инструмент повышения эффективности собственной политики («Россия... видит свои задачи в том, чтобы... совершенствовать систему применения “мягкой силы”, искать оптимальные формы деятельности на этом направлении»)⁵.

Однако уже в новой, принятой три года спустя Концепции внешней политики двойное толкование понятия мягкой силы отсутствует, и сохраняется лишь констатация сложившейся реальности: «Неотъемлемой составляющей современной международной политики становится использование для реше-

⁴ Совещание послов и постоянных представителей России // Президент России. Официальный сайт. 12 июля, 2012. URL: <http://www.kremlin.ru/news/15902> (дата обращения: 10.12.2019).

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации // Президент России. Официальный сайт. 12 декабря, 2013. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d447a0ce9f5a96bdc3.pdf> (дата обращения: 11.12.2019).

ния внешнеполитических задач инструментов “мягкой силы”, прежде всего возможностей гражданского общества, информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методов и технологий, в дополнение к традиционным дипломатическим методам»⁶.

Помимо наблюдаемых сегодня спекуляций о якобы вмешательстве России в разнообразные политические процессы в разных странах мира (что в условиях информационного общества уже можно рассматривать в качестве механизма влияния) имеются и более четкие показатели российских «мягких» компетенций, которые так или иначе укладываются в постоянно совершенствующиеся подходы к оценке мягкой силы [36].

Если в 2015 году, когда британское консалтинговое агентство Portland Communications начало выпускать ежегодные рейтинги 30 наиболее успешных в осуществлении мягкой силы стран, Россия там еще не фигурировала, то в 2016 году она уже заняла в нем 27-е, а в 2017 – 26-е место. Несмотря на 28-е место в 2018 году, сама способность страны к использованию данного инструментария, включающего культурные, образовательные, цифровые и другие аспекты, в рамках предложенной авторами методологии ранжирования выглядит вполне устойчивой⁷.

Изучение российской мягкой силы сегодня становится весьма популярным не только в самой России, но и повсеместно на Западе: проводятся конференции, выпускаются статьи [37–39], доклады [40; 41], книги [42]. Российские СМИ регулярно попадают под огонь критики, однако это не мешает им (не исключено, что даже помогает) постоянно расширять свою аудиторию [43].

Если СМИ выступают проводниками мягкой силы, своего рода «средствами доставки», то ее производством, выработкой инструментов влияния занимаются специализированные структуры. В англоязычной традиции (равно как в последнее время и в других языках, использующих латинский алфавит) это *think tanks* – организации, исследующие общественно-политические и социально-экономические процессы и выработку рекомендаций по реализации тех или иных направлений политики государства. В России в последнее время их часто называют фабриками мысли, мозговыми центрами и трестами (прослеживается невольная аналогия с производителями «жесткой силы» – фабриками и заводами вооружений и боеприпасов), однако подобные наименования, как представляется, скорее умозрительные неологизмы, реализующие попытки калькирования именно англоязычного термина. В российской традиции действующие организации так не называ-

⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации // Президент России. Официальный сайт. 30 ноября 2016. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/ZIR5c3NHwMKfbxUqKvNdqKhkA4vf3aTb.pdf> (дата обращения: 11.12.2019).

⁷ Soft Power 30. Portland Communications. 2015-2018 // SoftPower30. URL: <https://softpower30.com/> (дата обращения: 11.12.2019).

ют – как правило, используется название аналитический (исследовательский, экспертный) центр или институт (реже – комитет, лаборатория, фонд, совет и т.д.).

Согласно докладам *Global Go To Think Tank Index*, ежегодно публикуемым в Университете штата Пенсильвания в рамках исследовательской программы «Аналитические центры и гражданские общества», число российских аналитических центров все последнее десятилетие оставалось стабильно высоким, колеблясь в диапазоне от 103 до 122. При этом в последний год это число удвоилось и теперь составляет 215 центров, что соответствует 7-му месту в мире (после США, Индии, Китая, Великобритании, Аргентины, Германии)⁸.

На что здесь также имеет смысл обратить внимание с точки зрения российской мягкой силы – это интерес к России со стороны зарубежных аналитических центров. Российская Федерация в целом и ее политика в частности как предмет исследования зарубежными экспертами находятся в тренде с точки зрения как отмеченного уже числа публикаций, так и текущих задач исследовательских организаций.

В 2016 году российским аналитическим центром *Rethinking Russia* было проведено исследование так называемого «россиеведения» – практики экспертизы по России и ее политике в зарубежных аналитических центрах. В годы холодной войны в западном академическом дискурсе, как известно, фигурировали особые понятия «советология» (*Sovietology*) и «кремлинология» (*Kremlinology*); в последнее время более распространено вполне нейтральное “*Russia Studies*”, которое и можно перевести как «россиеведение» или «изучение России».

По итогам исследования *Rethinking Russia* был опубликован «Атлас аналитических центров: русистика за рубежом», в котором отражена информация по 637 аналитическим центрам из 85 стран мира, которые в той или иной степени реализуют проекты по России, изучают ее политику, публикуют соответствующие материалы⁹.

Если, согласно показателям доклада *Global Go To Think Tank Index 2016* года, в мире в целом на тот момент насчитывалось 6846 аналитических центров¹⁰, получается, что около 10% из них так или иначе занимались Россией. И это без учета самих российских центров, долю которых, согласно приве-

⁸ 2018 *Global Go To Think Tank Index Report* // University of Pennsylvania. 29 января, 2019. URL: https://repository.upenn.edu/think_tanks/16/ (дата обращения: 12.12.2019).

⁹ Атлас аналитических центров: русистика за рубежом // *Rethinking Russia*. 01 июня, 2016. URL: <http://rethinkingrussia.ru/2016/06/атлас-аналитических-центров-русисти/> (дата обращения: 13.12.2019).

¹⁰ 2016 *Global Go To Think Tank Index Report* // University of Pennsylvania. 25 января, 2017. URL: https://repository.upenn.edu/think_tanks/12/ (дата обращения: 12.12.2019).

денным цифрам, можно было оценить в дополнительные 1,5% (сегодня их доля заметно выше).

Если проанализировать по отдельным странам их Топ-10 аналитических центров из пенсильванского индекса (по месту в рейтинге и числу номинаций, в которых представлены), то в большинстве случаев Россия будет одним из объектов исследования (в западных странах – США, Великобритания, Франция, Германия, Польша – повсеместно, в восточных – КНР, Индия, Япония, Турция – чуть меньше, но также не менее половины случаев). Все это – предмет отдельного изучения, однако интерес к аналитике по России (вне зависимости от критериев ее оценки) вполне очевиден.

Разность смысловой нагрузки понятия мягкой силы обусловлена зарубежным происхождением термина и вариативностью его перевода на русский язык.

Во-первых, как уже видно из проведенного ретроспективного анализа русскоязычных публикаций, на начальном этапе в ходу были различные переводы обоих слов из словосочетания *soft power*, что привело к использованию выражений «мягкая власть», «гибкая сила», «мягкая мощь» и др.

Тем не менее на сегодняшний день – особенно ввиду формирования официального политического дискурса по этому поводу – выработался общепотребимый вариант «мягкая сила», хотя точность перевода в данном случае все же не бесспорна.

В английском языке слово “*power*” обладает разными значениями, и с точки зрения разных коннотаций может переводиться одновременно как «власть», «мощь», «сила». Переводя “*soft power*” исключительно как «мягкая сила» и не отдавая в русскоязычном дискурсе должного внимания «властной» составляющей понятия, мы в определенной мере редуцируем описываемое явление сугубо к внешнеполитической проблематике, верхнему мегауровню политики. Такое неосознанное и, по большому счету, искусственное возведение методологического барьера внутри единого предметного поля политики – как внешней, так и внутренней – не может не нести риска упустить объективную динамику универсальных властеотношений внутри современного государства. А ведь власть – это ключевой признак государства, основа суверенитета. От понимания того, как меняется власть под влиянием актуальных вызовов, насколько податлива ее плотность (жесткая, мягкая, колеблющаяся...), зависит и способность управлять устойчивостью государства, определять его роль в глобальном развитии, в динамике общественных отношений [44, с. 152]. Иными словами, как представляется, понятие «мягкая власть» обладает большей смысловой насыщенностью, чем «мягкая сила», и в большей степени передает значение англоязычного “*soft power*” [45].

Во-вторых, помимо вариативности перевода понятия в русском языке пока нет определенности и с его синтаксическим употреблением, а именно: использовать ли конструкцию «мягкая сила» в кавычках или без таковых.

Помимо сугубо грамматической функции кавычки ведь несут в себе и дополнительную смысловую нагрузку – их использование порой предполагает неконвенциональность, инородность, условность заключенного в них понятия. «Мягкая сила» становится внешним атрибутом, некой формой для маркирования того, что должно под мягкой силой пониматься.

И если предположить, что описанная выше разность подходов к понятию (форма рисков со стороны внешних акторов или собственный инструментарий) могла бы служить критерием соответственно для использования или неиспользования кавычек, то реальное употребление термина «мягкая сила этой логики все же лишено: в отечественном политическом дискурсе кавычки повсеместны, в академическом – выглядят произвольными (встречается в равной мере и «мягкая сила», и «мягкая» сила, и мягкая сила).

Наконец, в-третьих, и это, наверное, самое важное, возникновение понятия мягкой силы позволило консолидировать огромный пласт явлений, присутствовавших в российском (и не только сформированном, но и воспринятом в России) осмыслении власти и влияния, механизмов их реализации – как явных, так и неявных.

Такого рода исследований в последнее время особенно много. Большая их часть предсказуемо посвящена рассмотрению внешнеполитического потенциала мягкой силы. Ю.П. Давыдов связывает ее с динамикой властных отношений в условиях глобализации, предполагающей уход от инструментов насилия к более согласованным формам влияния [46]. В.М. Капицын соотносит мягкую силу с идентичностью, обнаруживая в ней обширный субъективно-ценностный потенциал [47]. М.М. Лебедева, в свою очередь, также соотносит, но с пропагандой, отмечая возникающие значимые коммуникационные преимущества именно мягкой силы в современной мировой политике [48]. Обоснованно и выпукло потенциал мягкой силы предстает в анализе актуальной геополитической конкуренции [49; 50].

Подходы, которые выходят за рамки мирополитического рассмотрения феномена мягкой силы, также становятся все более заметны [51; 52]. О.Ф. Русакова на основе анализа современных политико-философских концепций власти обнаруживает устойчивую связь последних как раз с многослойной смысловой структурой мягкой силы и отмечает: «В постиндустриальном информационном обществе основными инструментами властного воздействия выступают дискурсы “мягкой” власти». Они «образуют коммуникативные поля и сети, которые позволяют осуществлять такое реформативное массового сознания, при котором предложения властных инстанций воспринимаются субъектами как внутренний добровольный и свободный выбор, как проявление собственной интенции к идентичности. В основе такого рода тонких воздействий лежат механизмы культурно-индивидуалистического, рыночно-маркетингового и шоу-политического соблазна» [53, с. 190–191].

Делиберативность публичной политики, ориентация на диалог государства и общества, прямое и косвенное сопротивление любым формам жестко-

го одностороннего влияния определяют новое качество политических отношений не только на международной арене, но и повсюду, где происходит соприкосновение интересов, возникает групповая идентичность, выявляются механизмы коллективного принятия решений.

Таким образом, если в наиболее выпуклом виде форма мягкой силы, ее контуры и функции проявляются на межнациональном, мегаполитическом уровне, где она контрастирует на фоне себе подобных, то природа ее содержания, структурные и процессуальные факторы обнаруживаются, скорее, в специфических, латентных механизмах субъект-объектных отношений власти и управления, которые генерируются и развиваются в конкурентном поле государства и гражданского общества. По сути, последнее дает мандат первому на использование в своих (в идеале, конечно, в общих) интересах именно общественных продуктов (языка, культуры, ценностей) и формируемых на их основе структур.

Роль и значение мягкой силы остается предметом изучения, и не только в среде ученых и экспертов, но и в реальной политике. Совершенно очевидно, что меняющееся положение гражданских структур отражается не только на внутренней политике государства, но и на его инструментарии во внешней среде. Современным демократическим центрам принятия решений все сложнее формулировать политику – устоявшиеся традиционные институты представительства все чаще дают сбой как в силу своих структурных особенностей, так и вследствие растущего недоверия к ним.

Структуры внутри общества умеют самостоятельно находить общий язык и продуцировать необходимые нормы и ценности. Однако если прежде это было спецификой отдельных демократических моделей, теперь общественные институты все реже ограничены жесткими национальными рамками. В этих условиях властным институтам становится все сложнее обеспечивать свой монополизм, в форме которого предстает суверенитет – как внутренний, так и внешний. Все более востребованными становятся механизмы мягкого, латентного влияния, основанные не столько на силовом компоненте, сколько на технологиях делиберации и обратной связи. В условиях все более активной цифровизации, легитимирующей волю всякого рядового пользователя, конкурентоспособность государства начинает определяться его способностью к латентному управлению, гибкому диалогу, мягкому властвованию – как внутри, так и вовне.

Новизна проведенного исследования заключается в том, что на основе ретроспективного анализа русскоязычного дискурса мягкой силы было выявлено постепенное отстраивание от восприятия ее как технологии сугубо американской внешней политики и постепенное формирование на ее основе новых управленческих инструментов государства, которые, будучи ориентированы на внешнеполитические приоритеты, оказались весьма востребованы и для задач внутренней консолидации. Эффективность такого рода инструментов еще предстоит оценить. Вместе с тем для современного

Российского государства, вызовы развитию которого все чаще имеют внешнюю природу, актуальной задачей становится поиск наиболее оптимальной модели взаимодействия с гражданским обществом, в которой не было бы традиционной дихотомии для внутреннего и внешнего потребления. Поэтому в умении власти быть эффективной в диалоге с людьми, возможно, и концентрируется искомая мягкая сила современного государства.

Библиографический список

- [1] *Рассел Б.* История западной философии: в 3 кн. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2003. 992 с.
- [2] *Грамини А.* Тюремные тетради в трех частях. М.: Политиздат, 1991. 560 с.
- [3] *Дао Дэ цзин.* Древнекитайская философия. М.: Мысль, 1972. С. 114–138.
- [4] *Gallarotti G.M.* Soft Power: What it is, Why it's Important, and the Conditions Under Which it Can Be Effectively Used // *Journal of Political Power*. 2011. Vol. 4. № 1. P. 25–47. DOI: <https://doi.org/10.1080/2158379X.2011.557886>
- [5] *Nye J.S.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York, Basic Books, 1990. 336 p.
- [6] *Nye J.S.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 192 p.
- [7] *Nye J.S.* The Future of Power. New York: Public Affairs, 2011. 320 p.
- [8] *Най Дж.* «Мягкая сила» и американо-европейские отношения // *Свободная мысль-XXI*. 2004. № 10. С. 33–41.
- [9] *Иноземцев В.Л.* Полезные рекомендации политическому классу Америки // *Полис. Политические исследования*. 2002. № 5. С. 180–185.
- [10] *Иванов И.С.* Соперничающие модели и сценарии формирования нового миропорядка: суть и перспектива реализации // *Полития*. 2004. № 4. С. 5–14.
- [11] *Рогов С.М.* Стратегическое одиночество России // *Экономические стратегии*. 2004. № 4. С. 12–17.
- [12] *Уткин А.И.* Зачем Россия Америке? // *Международные процессы*. 2004. № 5. С. 130–137.
- [13] *Бакина А.* США: к вопросу о «мягкой» и «жесткой» силе в условиях глобального доминирования // *Власть*. 2007. № 7. С. 92–98.
- [14] *Приходько О.В.* «Американский интернационализм» vs «европейская многосторонность» // *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2008. № 10. P. 4–25.
- [15] *Троицкий М.А.* Европейский союз в мировой политике // *Международные процессы*. 2004. № 5. С. 43–58.
- [16] *Куланов А.Е.* Культурная дипломатия Японии // *Ежегодник Японии*. 2007. № 36. С. 116–130.
- [17] *Ломанов А.В.* «Мягкое побеждает жесткое»: создание современного образа Китая // *Раздвигая горизонты науки: к 90-летию академика С.Л. Тихвинского*. М.: Памятники исторической мысли, 2008, С. 740–757.
- [18] *Дейч Т.Л., Сериккалиева А.Е.* «Мягкая сила» как орудие политики Китая в Африке // *Азия и Африка сегодня*. 2017. № 3. С. 2–8.
- [19] *Ягья В.С., Ковалевская Н.В., Минфу Л.* Стратегия «мягкой силы» во внешней политике КНР в Африке // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2015. № 9. С. 77–84.
- [20] *Егоров А.И., Гудгольд А.М.* «Мягкая сила»: немецкий опыт реализации // *Вестник Поволжского института управления*. 2017. № 1. С. 25–32.
- [21] *Ковалевская Н.В.* Роль испанского языка как «мягкой силы» во внешней политике Испании // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2015. Т. 7. № 5–2. С. 141–145.

- [22] Ковба Д.М. «Мягкая сила» как политическая стратегия государств Восточноазиатского региона: дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2017. 173 с.
- [23] Бояркина А.В. «Мягкая сила» как политический инструмент реализации внешней политики КНР на рубеже XX–XXI вв: дис. ... канд. полит. наук. Владивосток, 2016. 234 с.
- [24] Зубкова А.И. Стратегия мягкой силы в контексте трансформации политической системы Турецкой Республики в период 2002–2014 гг: дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2015. 139 с.
- [25] Рустомова Л.Р. «Мягкая сила» во внешней политике современной Германии: дис. ... канд. полит. наук. М., 2017. 175 с.
- [26] Тарабарко К.А. Мягкая сила культуры Китая: концептуальное содержание и практики реализации: дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2017. 216 с.
- [27] Харитонова Е.М. «Мягкая сила» во внешней политике государства: опыт Великобритании (вторая половина 1990-х – 2010-е гг.): дис. ... канд. полит. наук. М., 2017. 216 с.
- [28] Агеева В.Д. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2016. 279 с.
- [29] Кононенко В. Создать образ России? // Россия в глобальной политике. 2006. № 2. С. 192–201.
- [30] Казанцев А.А., Меркушев В.Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // Полис. Политические исследования. 2008. № 2. С. 122–135.
- [31] Леонард М., Попеску Н. «Мягкая сила» новой России // Русский журнал. Май 2008. С. 97–112.
- [32] Кортунов С.В. «Мягкая» сила России в контексте глобализации и мирового кризиса // Международная экономика. 2009. № 12. С. 5–20.
- [33] Лебедева М.М., Фор Ж. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 6. С. 200–205.
- [34] Фоминых А.Е. «Мягкая мощь» обменных программ // Международные процессы. 2008. № 16. С. 76–85.
- [35] Лунарева Н.Н. «Отечестволюбец»: общественно-политическая деятельность и взгляды Сергея Николаевича Глинки // Тетради по консерватизму. 2015. № 2. С. 61–116.
- [36] Харитонова Е. Эффективность «мягкой силы»: проблема оценки // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 6. С. 48–58.
- [37] Keating V.C., Kaczmarek K. Conservative soft power: liberal soft power bias and the 'hidden' attraction of Russia // Journal of International Relations and Development. 2019. Vol. 22. P. 1–27. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41268-017-0100-6>
- [38] Wilson J.L. Russia and China respond to soft power: Interpretation and readaptation of a Western construct // Politics. 2015. Vol. 35. № 3–4. P. 287–300. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9256.12095>
- [39] Walker C. The Hijacking of «Soft Power» // Journal of Democracy. 2016. Vol. 27. № 1. P. 49–63. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2016.0007>
- [40] Grigas A. Legacies, coercion and soft power: Russian influence in the Baltic States. London: Chatham House, 2012. 16 p.
- [41] Pallin C.V., Oxenstierna S. Russian Think Tanks and Soft Power // Totalförsvarets forskningsinstitut (FOI). 09 сентября, 2017. URL: <https://www.foi.se/rapportsammanfattning?reportNo=FOI-R--4451--SE>. Accessed: 12.12.2019.
- [42] Van Herpen M.H. Putin's Propaganda Machine: Soft Power and Russian Foreign Policy. Lanham: Rowman & Littlefield, 2015. 319 p.
- [43] Richter M.L. What We Know about RT (Russia Today) // European Values. 10 сентября, 2017. URL: <https://www.europeanvalues.net/wp-content/uploads/2017/09/What-We-Know-about-RT-Russia-Today-1.pdf>. Accessed: 12.12.2019.
- [44] Коньков А.Е. Чем мягче, тем сильнее: гибридизация власти // Сравнительная политика. 2016. Том 7. № 4. С. 151–160. DOI: [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4\(25\)-151-160](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4(25)-151-160)

- [45] Панова Е.П. Сила привлекательности: использование «мягкой власти» в мировой политике // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 4. С. 91–97.
- [46] Давыдов Ю.П. «Жесткая» и «мягкая» сила в международных отношениях // США и Канада: экономика, политика, культура. 2007. № 1. С. 3–24.
- [47] Капицын В.М. Космополитизм – компонент «мягкой силы» и глобального управления // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2009. № 10. С. 70–79.
- [48] Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. Т. 3. № 54. С. 212–223.
- [49] Филимонов Г.Ю. Актуальные вопросы формирования стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации // Геополитический журнал. 2013. № 1. С. 24–36.
- [50] Наумов А.О. «Мягкая сила» и «цветные» революции // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1. С. 73–86.
- [51] Nisbett M. Who Holds the Power in Soft Power // *Arts & International Affairs*. 2016. Vol. 1. № 1. P. 110–148.
- [52] Андреев А.Л. «Мягкая сила»: аранжировка смыслов в российском исполнении // Полис. Политические исследования. 2016. № 5. С. 122–133. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.05.10>
- [53] Русакова О.Ф. Концепт «Мягкой» силы (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. № 10. С. 173–192.

References

- [1] Russell B.A. *History of Western Philosophy*. Novosibirsk: Sib. univ. izd-vo, 2003. 992 p. (In Russ.).
- [2] Gramsci A. *Prison Notebooks*. Moscow, Politizdat, 1991. 560 p. (In Russ.).
- [3] Tao Te Ching. *Drevnekitajskaya filosofiya*. Moscow, Mysl', 1972. 114–138 p. (In Russ.).
- [4] Gallarotti G.M. Soft Power: What it is, Why it's Important, and the Conditions Under Which it Can Be Effectively Used. *Journal of Political Power*. 2011; 4 (1): 25–47. DOI: 10.1080/2158379X.2011.557886
- [5] Nye J.S. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York, Basic Books, 1990. 336 p.
- [6] Nye J.S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York, Public Affairs, 2004. 192 p.
- [7] Nye J.S. *The Future of Power*. New York: Public Affairs, 2011. 320 p.
- [8] Nye J. Soft Power and American-European relations. *Svobodnaya mysl' – XXI vek*. 2004; 10: 33–41.
- [9] Inozemcev V.L. Helpful Recommendations for American Political Class. *Polis. Political Studies*. 2002; 5: 180–185. (In Russ.).
- [10] Ivanov I.S. Competing Models and Scenarios for Forming New World Order: Sense and Perspective for Realization. *Politiya*. 2004; 4: 5–14. (In Russ.).
- [11] Rogov S.M. Strategic Solitude of Russia. *Economic Strategies*. 2004; 4: 12–17. (In Russ.).
- [12] Utkin A. I. What is Russia for America? *International Trends*. 2004; 5: 130–137. (In Russ.).
- [13] Bakina A. USA: Approaching the Issue of Soft and Hard Power in Terms of Global Dominance. *Vlast'*. 2007; 7: 92–98. (In Russ.).
- [14] Prihod'ko O.V. American Internationalism vs European Multilateralism. *USA v Canada: Economics – Politics – Culture*. 2008; 10: 4–25. (In Russ.).
- [15] Troitskij M.A. European Union in World Politics. *International Trends*. 2004; 5: 43–58. (In Russ.).
- [16] Kulanov A.E. Cultural Diplomacy of Japan. *Yearbook Japan*. 2007; 36: 116–130. (In Russ.).

- [17] Lomanov A.V. The Soft Wins the Hard: Establishing the Modern Image of China. *Widening Horizons for Science: 90 years of Academician S.L. Tihvinskiy*. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2008: 740–757. (In Russ.).
- [18] Dejch T.L., Serikkalieva A.E. Soft Power as a Political Tool of China in Africa. *Asia and Africa Today*. 2017; 3: 2–8. (In Russ.).
- [19] Yag'ya V.S., Kovalevskaya N.V., Minfu L. Strategy of Soft Power in the Foreign Policy of PRC in Africa. *Humanities, Social-Economic And Social Sciences*. 2015; 9: 77–84. (In Russ.).
- [20] Egorov A.I., Gudgol'd A.M. Soft Power: German Experience. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*. 2017; 1: 25–32. (In Russ.).
- [21] Kovalevskaya N.V. The Role of the Spanish Language as Soft Power for the Foreign Policy of Spain. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'*. 2015; 7 (5–2): 141–145. (In Russ.).
- [22] Kovba D.M. *Soft Power as a Political Strategy of States in the Eastern Asia Region*. Cand. Diss. (Polit.) Ekaterinburg, 2017. 173 p. (In Russ.).
- [23] Boyarkina A.V. *Soft Power as a Political Instrument for Realization of Foreign Policy of PRC between XX and XXI centuries*. Cand. Diss. (Polit.). Vladivostok, 2016. 234 p. (In Russ.).
- [24] Zubkova A.I. *Soft Power Strategy in the Context of the Political System of the Turkish Republic Transformation in the period of 2002–2014*. Cand. Diss. (Polit.). Moscow, 2015. 139 p. (In Russ.).
- [25] Rustamova L.R. *Soft Power in Foreign Policy of Modern Germany*. Cand. Diss. (Polit.). M., 2017. 175 p. (In Russ.).
- [26] Tarabarko K.A. *Soft Power of the Culture of China: Conceptual Content and Practices of Realization*. Cand. Diss. (Philos.). Chita, 2017. 216 p. (In Russ.).
- [27] Haritonova E.M. *Soft Power in the Foreign Policy of a State: the experience of Great Britain (second half 1990s – 2010s)*. Cand. Diss. (Polit.). Moscow, 2017. 216 p. (In Russ.).
- [28] Ageeva V.D. *The Role of Soft Power in Foreign Policy of the Russian Federation in the Context of Globalization*. Cand. Diss. (Polit.). St.-Petersburg, 2016. 279 p. (In Russ.).
- [29] Kononenko V. Create an Image of Russia? *Russia in Global Affairs*. 2006; 2: 192–201. (In Russ.).
- [30] Kazancev A.A., Merkushev V.N. Russia and Post-Soviet Space: Perspectives for Applying Soft Power. *Polis. Political Studies*. 2008; 2: 122–135. (In Russ.).
- [31] Leonard M., Popesku N. Soft Power of New Russia. *Russian Journal*. 2008; May: 97–112. (In Russ.).
- [32] Kortunov S.V. Soft Power of Russia in the Context of Globalization and Global Crisis. *The World Economics*. 2009; 12: 5–20. (In Russ.).
- [33] Lebedeva M.M., For J. Higher Education as a Potential of Soft Power. *MGIMO Review of International Relations*. 2009; 6: 200–205. (In Russ.).
- [34] Fominyh A.E. Soft Power of the Exchange Programs. *International Trends*. 2008; 16: 76–85. (In Russ.).
- [35] Lupareva N.N. “The Love to Motherland”: Social and Political Activity and Views of S.N. Glinka. *Conservatism Notebooks*. 2015; 2: 61–116. (In Russ.).
- [36] Kharitonova E. Soft Power Effectiveness: Problem Of Evaluation. *World Economy and International Relations*. 2015; 6: 48–58. (In Russ.).
- [37] Keating V.C., Kaczmarska K. Conservative soft power: liberal soft power bias and the ‘hidden’ attraction of Russia. *Journal of International Relations and Development*. 2019; 22 (1): 1–27. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41268-017-0100-6>
- [38] Wilson J.L. Russia and China respond to soft power: Interpretation and readaptation of a Western construct. *Politics*. 2015; 35 (3–4): 287–300. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9256.12095>

- [39] Walker C. The Hijacking of «Soft Power». *Journal of Democracy*. 2016; 27 (1): 49–63. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2016.0007>
- [40] Grigas A. *Legacies, coercion and soft power: Russian influence in the Baltic States*. London: Chatham House, 2012. 16 p.
- [41] Pallin C.V., Oxenstierna S. Russian Think Tanks and Soft Power. *Totalförsvarets forskningsinstitut (FOI)*. 2017 Sept. 09. URL: <https://www.foi.se/rapportsammanfattning?reportNo=FOI-R--4451--SE>. Accessed: 12.12.2019.
- [42] Van Herpen M.H. *Putin's Propaganda Machine: Soft Power and Russian Foreign Policy*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2015. 319 p.
- [43] Richter M.L. What We Know about RT (Russia Today) // *European Values*. 2017 Sept. 10. URL: <https://www.europeanvalues.net/wp-content/uploads/2017/09/What-We-Know-about-RT-Russia-Today-1.pdf>. Accessed: 12.12.2019.
- [44] Kon'kov A.E. The Softer One, the Stronger It: Hybridization of Power. *Comparative Politics*. 2016; 7 (4): 151–160. DOI: [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4\(25\)-151-160](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4(25)-151-160) (In Russ.).
- [45] Panova E.P. Power of Attractiveness: “Soft Power” in World Politics. *MGIMO Review of International Relations*. 2010; 4: 91–97. (In Russ.).
- [46] Davydov Y.P. Hard and Soft Power in International Relations. *USA v Canada: Economics – Politics – Culture*. 2007; (1): 3–24. (In Russ.).
- [47] Kapicyun V.M. Cosmopolitanism is a Component of Soft Power and Global Governance. *Nauchno-analiticheskij zhurnal Obozrevatel' – Observer*. 2009; 10: 70–79. (In Russ.).
- [48] Lebedeva M.M. Soft Power: the Concept and Approaches. *MGIMO Review of International Relations*. 2017; 3 (54): 212–223. (In Russ.).
- [49] Filimonov G. Y. Relevant Issues of Forming the Strategy of Soft Power in the Foreign Policy of the Russian Federation. *Geopolitical journal*. 2013; 1: 24–36. (In Russ.).
- [50] Naumov A.O. Soft Power and Color Revolutions. *Russian journal of legal studies*. 2016; 1: 73–86. (In Russ.).
- [51] Nisbett M. Who Holds the Power in Soft Power. *Arts & International Affairs*. 2016; 1 (1): 110–148.
- [52] Andreev A.L. Soft Power: Arrangement of Senses, Russian Style. *Polis. Political Studies*. 2016; 5: 122–133. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.05.10> (In Russ.).
- [53] Rusakova O.F. The Concept of Soft Power in the Modern Political Philosophy. *Yearbook of the Institute of Philosophy and Law*. 2010; 10: 173–192. (In Russ.).

Информация об авторе:

Коньков Александр Евгеньевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (ORCID ID: 0000-0002-6198-9962) (KonkovAE@spa.msu.ru).

Information about the author:

Alexander E. Konkov – PhD in Political Science, Associate Professor at Policy Analysis Department, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University (ORCID ID: 0000-0002-6198-9962) (KonkovAE@spa.msu.ru).

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-222-230

Научная статья / Research article

Образ России в СМИ стран ЕАЭС: медиаметрический анализ

М.А. Савельева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119192, Москва, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4
mashtaler_94@mail.ru

The Image of Russia in the Media of the EAEU Countries: the Mediametric Analysis

M.A. Savelyeva

Lomonosov Moscow State (Russia)
27-4 Lomonosovskiy Prospect, Moscow, 119192, Russian Federation
mashtaler_94@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию образа России в СМИ стран Евразийского экономического союза на основании показателей информационно-аналитической системы «Россия в мире» МИА «Россия сегодня». В центре внимания автора находятся активность и тональность информационных ресурсов в Армении, Беларуси, Казахстане и Кыргызстане, индекс их «агрессивности» по отношению к России. С помощью экспертного опроса выявлена проблематика формирования медиаобраза России и даны рекомендации по его улучшению. Анализ эмпирических данных позволил определить характер позиционирования России в материалах СМИ каждой из стран, составить статистику с учетом позитивных, нейтральных и негативных показателей. Результаты исследования позволяют говорить об уровне информационной активности изучаемых стран, о том, какие факторы влияют на динамику отношения к России в их медиаполе, а также о наличии в пропаганде некоторых государств ЕАЭС антироссийских тенденций.

Ключевые слова: евразийская интеграция, ЕАЭС, медиаметрический анализ, СМИ, пропаганда, образ России

История статьи: Поступила в редакцию 29.01.2020. Принята к публикации 14.02.2020.

Для цитирования: Савельева М.А. Образ России в СМИ стран ЕАЭС: медиаметрический анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 2. С. 222–230. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-222-230

© Савельева М.А., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Abstract. This article is dedicated to study the image of Russia in the media of Eurasian Economic Union countries based on the informational-analytical system “Russia in the world” of “Russia Today”. The author focuses on activity and tonality of information resources in Armenia, Belarus, Kazakhstan and Kyrgyzstan, moreover the index of their “aggressiveness” in relation to Russia. With the help of an expert survey, the problems of forming a media image of Russia in the EAEU countries were identified and recommendations were made for its improvement. The analysis of empirical data allowed the author to determine the nature of Russia’s positioning in the media coverage of each country, to compile statistics taking into account positive, neutral and negative indicators. Results of the study show the level of information activity in these countries, the factors influencing dynamics of attitude towards Russia in their media fields, as well as presence of anti-Russian tendencies in propaganda of some EAEU states.

Keywords: Eurasian integration, EAEU, media-metric analysis, media, propaganda, image of Russia

Article history: Submitted on 29.01.2020. Accepted on 14.02.2020.

For citation: Savelyeva M.A. The Image of Russia in the Media of the EAEU Countries: the Mediametric Analysis. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (2): 222–230. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-222-230

Введение

СМИ с каждым днем увеличивают свое влияние на общественное мнение, выступая не только в качестве источника информации, но и как важнейший коммуникативный фактор, влияющий на формирование образа государства [10, с. 26–44]. Большинство стран мира стремятся к созданию позитивного образа. Обладая им, государство усиливает свою конкурентоспособность и облегчает взаимодействие с иными субъектами международной системы. Как справедливо отметила К.О. Перцовская, именно восприятие страны становится основой для формирования внешнеполитических и экономических отношений с мировым сообществом [6, с. 189–203]. Поэтому для дальнейшего развития евразийской интеграции особенно актуально исследовать медиаобраз России в странах – участницах ЕАЭС.

В обновленной «Концепции внешней политики Российской Федерации» от 30 ноября 2016 года сказано о приоритете информационного сопровождения внешнеполитической деятельности страны, для которой характерно добиваться объективного восприятия России в мире¹. Проблематику исследования обуславливает активная информационная работа представителей прозападной и националистической оппозиции изучаемых стран, которые создают отрицательный образ России, как государства, стремящегося посредством ЕАЭС «колонизовать» – Армению, Беларусь, Казахстан и Кыргызстан [1, с. 123–138].

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016 года. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 10.04.2019).

Целью настоящего исследования является анализ особенностей формирования образа России в медиаполе стран – участниц евразийской интеграции, а также выявление ключевых проблем в позиционировании нашего государства для разработки рекомендаций по созданию его позитивного образа.

Теоретические основания исследования составляют работы специалистов по международным отношениям, которые описывают внешнеполитический контекст формирования образа России в странах ЕАЭС [8, 7, 2]; теоретиков политического восприятия, определяющих ключевые элементы образа государства и то, какие факторы на него влияют [9]. Также важно учитывать практическую значимость политической медиаметрии, которая следит за развитием внешнеполитической и внутривнутриполитической пропаганды России [4], междисциплинарные разработки специалистов медиагеографии [11, с. 97–110], которые помогут понять, в какой степени медиатизация пространства и человеческого мышления, опосредованного медиаобразами, влияет на развитие внешнеполитических отношений на евразийском пространстве.

Материалы и методы исследования

Переходя к характеристике исследования, важно отметить, что его авторскую методику разработали и апробировали российские ученые Центра медиаметрических исследований И.А. Николайчук, М.М. Янглева, Т.С. Якова [5].

В модель данного исследования входит анализ массивов больших данных всех официальных СМИ Казахстана, Кыргызстана, Беларуси и Армении при помощи информационно-аналитической системы с блоком медиаметрии «Россия в мире» МИА «Россия сегодня». Хронологические рамки, заданные системе: с 1 января 2015 года (вступление договора о ЕАЭС в силу) по июнь 2019 года.

Также для выявления проблемного поля медиапозicionирования России и разработки рекомендации по формированию позитивного образа нашей страны в исследовательскую модель входит метод экспертных интервью.

Модель эмпирического исследования включала в себя: медиастатистику СМИ Казахстана, Кыргызстана, Беларуси и Армении, подготовленную информационно-аналитическую систему «Россия в мире» МИА «Россия сегодня»² за указанный период времени, а также 30 экспертных интервью. В экспертную группу вошли специалисты из медиасреды, исследователи интеграционных процессов на постсоветском пространстве, политологи, политпсихологи, журналисты, эксперты в области информационной безопасности, политтехнологи, специалисты из области рекламы и брендинга.

² По материалам ИАС «Россия в мире» МИА «Россия сегодня». URL: <http://gw.rian.ru/> (дата обращения: 15.02.2020).

Интерпретация полученных данных проходила с помощью медиаметрического анализа, автоматически определяющего тональность материалов СМИ, ранжируя ее на позитивную, нейтральную и негативную в процентном соотношении от общего количества публикаций по заданному маркеру. Данные экспертных интервью анализируются по корреляции мнений и высказываний опрашиваемых, схожести прогнозов и оптимальным решениям обозначенных проблем.

В рамках исследования был предложен ряд гипотез в отношении медиаобраза России, формируемого в СМИ стран ЕАЭС:

Во-первых, мы предположили наличие высокого уровня антироссийских материалов в Армении, что связано с фактической сменой ее политического курса после бархатной революции 2018 года, в результате чего к власти пришла новая национальная элита, ориентированная на более глубокую интеграцию с Западом.

Во-вторых, можно ожидать негативизацию образа России в повестке всех изучаемых стран из-за отсутствия внятной стратегии информационной политики России на евразийском пространстве и целенаправленного формирования ее отрицательного образа в мире прозападными СМИ.

В-третьих, в материалах о нашей стране можно ожидать преобладания политизации и персонификации ее образа в лице Президента Путина.

В-четвертых, во всех странах можно предположить спад интереса в отношении евразийской интеграции, что может отразиться в преобладающем числе негативных сюжетов на эту тему.

Результаты исследования

Анализ результатов исследования выявил, что позитивных материалов, посвященных России или отношениям с Россией, крайне мало, в основном в повестке СМИ стран ЕАЭС доминируют нейтральные и отрицательные публикации (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Отношения с Россией / Relations with Russia

(количество публикаций в их процентном соотношении / number of publications in percent)

Тональность / Mood	Армения / Armenia	Беларусь / Belarus	Казахстан / Kazakhstan	Киргизия / Kyrgyzstan
Позитивная / Positive	7%	21%	7%	37%
Нейтральная / Neutral	30%	39%	49%	48%
Негативная / Negative	63%	40%	44%	15%

Источник / Source: составлено автором

Важно отметить, как уровень развития журналистики влияет на тональность материалов в каждой из стран. Безусловным лидером по объему ин-

формационной производительности является Армения. Здесь представлено широкое разнообразие источников, но большинство из них по отношению к России настроены враждебно.

Самое дружелюбное информационное поле у Киргизии, характер публикаций в основном нейтрально-позитивный, но активность СМИ там значительно ниже, чем в остальных странах. За 3 года эмоционально окрашенных материалов о России всего 66.

Уровень развития внутренней медиасферы государства можно выделить в качестве фактора влияния на общественное мнение: чем больше информационных источников, причем как официальных, так и «теневых» интернет-ресурсов, тем разнообразнее и противоречивее формируемые ими образы и нарративы, что, естественно, сказывается на восприятии людей.

Центральное место в пропаганде наших союзников занимает образ лидера – Владимира Путина (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Образ Путина / Image of Putin*(количество публикаций в их процентном соотношении / number of publications in percent)*

Тональность / Mood	Армения / Armenia	Беларусь / Belarus	Казахстан / Kazakhstan	Киргизия / Kyrgyzstan
Позитивная / Positive	5%	13%	10%	18%
Нейтральная / Neutral	41%	62%	84%	80%
Негативная / Negative	54%	25%	6%	2%

Источник / Source: составлено автором

Отношение к нему, созданное в СМИ, во многом отождествляется с образом современной России. Такая персонификация происходит под углом зрения властей стран – участниц Евразийской интеграции, т.е. восприятие нашей страны моделируется с помощью информационной подачи медиаобраза ее главы, которая, в свою очередь, подконтрольна элитам стран ЕАЭС и зависит от их личного к нему отношения. По количеству упоминаний маркера «Путин» лидирует Армения, однако у нее же самый высокий процент негативных публикаций – 54%.

Исходя из анализа сюжетов, связанных с упоминанием ЕАЭС, можно сделать вывод, что среднеазиатские страны видят в союзе больше перспектив и относятся к нему позитивнее, чем Беларусь и Армения (табл. 3). Самый высокий процент позитивных публикаций на эту тему у Кыргызстана (22%).

За указанный период (январь 2015 – ноябрь 2018-го) в армянских СМИ можно было наблюдать динамику от положительного интереса в отношении перспектив союзной ассоциации с Россией до стремительного роста агрессии и разочарования после конкретных прецедентов с продажей оружия Азербайджану и очередным этапом Карабахского конфликта (2016–2017 гг.). Об этом свидетельствуют примеры некоторых заголовков: «Путин нас забыл»,

«Путин объявит третью карабахскую войну?», «Армения должна сказать НЕТ России», «Россия продолжит поставлять оружие Азербайджану» и т.д.

Таблица 3 / Table 3

Отношение к ЕАЭС / Attitude towards the EAEU

(количество публикаций в их процентном соотношении / number of publications in percent)

Тональность / Mood	Армения / Armenia	Беларусь / Belarus	Казахстан / Kazakhstan	Киргизия / Kyrgyzstan
Позитивная / Positive	10%	14%	11%	22%
Нейтральная / Neutral	25%	27%	71%	67%
Негативная / Negative	65%	59%	18%	11%

Источник / Source: составлено автором

Об Армении, где в исследовании зафиксирован самый большой процент агрессивно-критических публикаций, посвященных России, нужно сказать отдельно, – негативные настроения, моделируемые в СМИ, уже получили свое отражение в политическом пространстве. Хотя официально протесты 2018 года не носили антироссийский характер, но многие эксперты отмечают, что де-факто нынешняя политическая стратегия Армении отличается от предыдущей, склонной к более тесному сотрудничеству с Россией, что делает затруднительным дальнейшее развитие интеграционных отношений [3, с. 567–573]. Таким образом, гипотеза о том, что именно в Армении сложится самый негативный образ России, подтвердилась.

В целом тенденция негативизации российской повестки существует везде, кроме Кыргызстана, – на первом месте Армения, как мы сказали выше, следом Беларусь – 40% от общего числа публикаций. Больше нейтральных материалов, но все-таки отрицательный процент тоже существен у Казахстана. Здесь можно отметить, что обозначенная гипотеза подтвердилась частично, все-таки наиболее тревожными показателями обладают не все участники ЕАЭС. Также следует добавить, что пропаганда среднеазиатских стран в отношении евразийской интеграции более благосклонна, чем в Беларуси и Армении, в результате другая гипотеза о снижении интереса к ЕАЭС оправдала себя лишь наполовину.

Подтвердилась гипотеза о персонификации и политизации современного образа России, которая напрямую зависит от отношения к Владимиру Путину, так как именно ему отведено центральное место в СМИ исследуемых стран.

Подводя итоги медиаметрического анализа, важно сказать о том, что наличие антироссийских тенденций в пропаганде Армении, Беларуси и Казахстана определяет необходимость продолжить и углубить исследование данной темы, так как сегодня Россия рискует потерять свое информационное влияние среди стран-союзников.

На основании полученных данных медиаметрического анализа и экспертных интервью были описаны *ключевые проблемы* формирования позитивного медиаобраза России в странах ЕАЭС, учет и устранение которых также поможет решить задачу популяризации идей евразийской интеграции.

Среди слабых сторон были выделены: неразвитость существующих медиаресурсов в исследуемых регионах, халатное отношение к ним со стороны власти; непрофессионализм некоторых российских СМИ, их агрессивные и неосмотрительные высказывания в отношении государств – участников евразийской интеграции (особенно остро дело обстоит с Арменией, многие эксперты говорили о серии случаев на российских телеканалах, содержащих оскорбительные для страны заявления, которые значительно подрывают доверие к России³); снижение русскоязычного поля влияния.

В соответствии с анализом проблемного поля и данными, полученными в экспертных интервью, были составлены некоторые рекомендации по созданию позитивного образа России в медиаполе стран – участниц ЕАЭС.

Пути улучшения образа России в странах ЕАЭС лежат через:

1) формирование нового концептуального пути развития России в условиях евразийской интеграции; отказ от ностальгической стереотипизации «советского прошлого» в пользу продвижения новых смыслов «за мир, солидарность, социальную справедливость, против империализма – с уважением к общему прошлому, строим новое будущее»;

2) усиление межнационального культурно-исторического обмена на евразийской платформе за счет конкретных мероприятий и проектов в кинематографической, телевизионной сфере, в сфере современного искусства и творчества;

3) реализацию проектов по продвижению русского языка и культуры. Например, открытие площадок для бесплатного обучения русскому языку в онлайн и офлайн-среде;

4) увеличение программ по обмену студентов из стран ЕАЭС;

5) создание адекватного законодательства для интернет-среды в России, которое может быть поддержано национальными правительствами стран – участниц ЕАЭС с целью развития единого, открытого интернет-пространства, где будут учитываться национальные особенности и здоровая конкуренция среди операторов связи;

6) создание и развитие новых коммуникативных каналов в интернет-среде (социальные сети, мобильные приложения, мессенджеры).

Выводы

Таким образом, медиаметрический анализ СМИ определил, какой образ современной России сформирован в каждой из стран ЕАЭС. Оказалось, что

³ Армянобандеровцы // Youtube. URL: <https://youtu.be/41MXsR0NkSI> (дата обращения: 12.12.2018).

самым медиаактивным государством стала Армения, у нее количество разнообразных информационных ресурсов и материалов о России за указанный период существенно превышает остальные страны. Однако именно в Армении сложился самый негативный образ России.

Данная модель исследования образа государства позволит в перспективе проводить регулярный анализ изменчивого информационного поля, как внутри страны, так и за ее пределами, чтобы отслеживать с помощью систем с блоком медиаметрии тональность публикаций СМИ в любых регионах и фиксировать ее влияние на развитие политических отношений.

Выявленные ошибки и проблемы в реализации информационной политики России на евразийском пространстве свидетельствуют о необходимости перманентного наблюдения за динамическим процессом внешнего формирования восприятия страны и развития собственной информационной стратегии позиционирования государства.

Рекомендации экспертов по оптимизации информационной пропаганды России в странах ЕАЭС могут быть использованы такими интеграционными объединениями, как Союзное государство Беларусь, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Евразийская экономическая комиссия, Институт ЕврАзЭС, Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Содружество Независимых Государств (СНГ), а также СМИ и интернет-ресурсы евразийской интеграции в целях повышения качества работы данных структур.

Библиографический список

- [1] *Васильева Н.А.* Глобальный Евразийский регион: опыт теоретического осмысления социально-политической интеграции. СПб., 2012. 423 с.
- [2] *Васильева Н.А.* ЕАЭС: Российские геополитические интересы // *Управленческое консультирование*. 2015. № 4. С. 123–138.
- [3] *Геворгян О.З.* Фактор диаспоры в отношениях Армении с ЕС и США // *Постсоветские исследования*. 2018. Т. 1. № 6. С. 567–573.
- [4] *Николайчук И.А.* Политическая медиаметрия: зарубежные СМИ и безопасность России. М., 2016. 387 с.
- [5] *Николайчук И.А., Янглева М.М., Якова Т.С.* Крылья хаоса. Масс-медиа, мировая политика и безопасность государства. М., 2018. 345 с.
- [6] *Перцовская К.О.* Образ России во внешнеполитическом пространстве // *Образы государств, наций и лидеров / под ред. Е. Б. Шестопаля*. М., 2008. С. 189–203.
- [7] *Смирнова А.Г.* Образ государства во внешней политике и международных отношениях // *Петербургский государственный университет*. СПб., 2011. № 5. С. 78–89.
- [8] *Цыганков П.А.* Внешняя политика и дипломатия государства в меняющейся системе международных отношений // *Вестник Московского университета*. 2017. № 3. С. 91–93.
- [9] *Шестопаля Е.Б.* Особенности использования психологических методов для изучения политического восприятия. М., 2017. 368 с.
- [10] *Шестопаля Е.Б., Смутькина Н.В.* Факторы восприятия постсоветских стран в современном российском обществе // *Полис*. 2018. № 1. С. 26–44.
- [11] *Янглева М.М., Якова Т.С.* Внешнеполитическая коммуникация и медиагеография: взаимосвязь и взаимозависимость // *Медиаскоп*. 2016. № 4. 97–110 с.

References

- [1] Vasilyeva N.A. *Global Eurasian region: the experience of theoretical understanding of socio-political integration*. SPb., 2012. 423 p. (In Russ.).
- [2] Vasilyeva N.A. EAEU: Russian geopolitical interests. *Management consulting*. 2015; 4: 123–138. (In Russ.).
- [3] Gevorgyan O.Z. The Diaspora Factor in Armenia's Relations with the EU and the USA. *Post-Soviet Studies*. 2018; 1 (6): 567–573. (In Russ.).
- [4] Nikolaychuk I.A. *Political media statistics: foreign media and the security of Russia*. M., 2016. 387 p. (In Russ.).
- [5] Nikolaychuk I.A., Yanglyayev M.M., Yakov T.S. *Wings of chaos. Mass media, world politics and state security*. M., 2018. 345 p. (In Russ.).
- [6] Pertsovskaya K.O. The image of Russia in the foreign policy space. *Images of states, nations and leaders*. Ed. E.B. Shestopal. M., 2008: 189–203. (In Russ.).
- [7] Smirnova A.G. The image of the state in foreign policy and international relations. *Petersburg State University*. St. Petersburg, 2011; 5: 78–89. (In Russ.).
- [8] Tsygankov P.A. Foreign policy and diplomacy of the state in the changing system of international relations. *Moscow University Bulletin*. 2017; 3: 91–93. (In Russ.).
- [9] Shestopal E.B. *Features of the use of psychological methods for the study of political perception*. M., 2017. 368 p. (In Russ.).
- [10] Shestopal E.B., Smulkina N.V. Perception factors of the post-Soviet countries in modern Russian society. *Policy*. 2018; 1: 26–44. (In Russ.).
- [11] Yanglyayev M.M., Yakova T.S. Foreign Policy Communication and Media Geography: Interconnection and Interdependence. *Mediascope*. 2016; 4: 97–110. (In Russ.).

Информация об авторе:

Савельева Мария Анатольевна – аспирантка кафедры социологии и психологии политики, Факультет политологии МГУ имени М.В. Ломоносова (ORCID ID: 0000-0002-7258-5613) (mashtaler_94@mail.ru).

Information about the author:

Maria A. Savelyeva – Postgraduate of the Department of Political Sociology and Psychology, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (ORCID ID: 0000-0002-7258-5613) (mashtaler_94@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-231-244

Research article / Научная статья

The Perspectives of Russia's Soft Power in the Western Balkans Region

A. Djokic

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
dzhokich_a@pfur.ru

Перспективы мягкой силы России в регионе Западных Балкан

А. Джокич

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
dzhokich_a@pfur.ru

Abstract. The article analyzes the perspectives of Russia's soft power in the Balkans. The Russian Federation has longstanding historical, political, cultural and economic ties to the Balkan region. Therefore, being free of a one-sided ideological approach that hampered the usage of soft power by the USSR during the Cold War era, Russia stands at the crossroads as to how best to use it's great potential for peaceful diplomacy and influence in the Western Balkans. The article will provide an analysis of the achievements of the Russian Federation in regards to extending it's influence in the Western Balkans, but also the downsides of it's foreign policy. The analysis will encompass several Western Balkan states and their ties to Russia in terms of soft power: Serbia, Montenegro and Bosnia and Herzegovina. The article raises the question: whether Russia can withstand the struggle for influence over the Balkans with it's greatest rivals in the region – the United States and the EU? The author concludes that it depends largely on the various approaches and methods used by Russian diplomacy and the level of funding of various projects that can be used to extend Russia's cultural influence in the Balkan peninsula.

Keywords: Russia, Balkans, soft power, influence, diplomacy, cooperation

Article history: Submitted on 29.01.2020. Accepted on 01.03.2020.

For citation: Djokic A. The Perspectives of Russia's Soft Power in the Western Balkans Region. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (2): 231–244. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-231-244

© Djokic A., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Аннотация. В статье анализируются перспективы мягкой силы России на Балканах. Российская Федерация имеет давние исторические, политические, культурные и экономические связи с Балканским регионом. Поэтому, будучи свободной от одностороннего идеологического подхода, который препятствовал использованию мягкой силы СССР в эпоху холодной войны, Россия стоит перед выбором относительно того, как наилучшим образом использовать свой огромный потенциал для мирной дипломатии и влияния на Западных Балканах. В статье будет проведен анализ достижений Российской Федерации в области расширения ее влияния на Западных Балканах, а также недостатков ее внешней политики. Анализ будет охватывать несколько государств Западных Балкан и их связи с Россией с точки зрения мягкой силы: Сербию, Черногорию и Боснию и Герцеговину. В статье поднимается вопрос: сможет ли Россия выстоять в борьбе за влияние на Балканах с ее главными соперниками в регионе – США и ЕС? Автор приходит к выводу, что во многом это зависит от различных подходов и методов, используемых российской дипломатией, и уровня финансирования проектов, которые могут быть использованы для расширения культурного влияния России на Балканском полуострове.

Ключевые слова: Россия, Балканы, мягкая сила, влияние, дипломатия, сотрудничество

История статьи: Поступила в редакцию 29.01.2020. Принята к публикации 01.03.2020.

Для цитирования: *Djokic A. The Perspectives of Russia's Soft Power in the Western Balkans Region // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 2. С. 231–244. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-231-244*

Introduction

In order to properly present the research and analysis in the article, it is necessary to provide the theoretical structure on which this work is based upon. That means that the various, often conflicting, definitions of soft power must be presented and taken into account. Furthermore, it is necessary to establish a time framework of the article, its scope and goals. Next, the introductory part of the article will provide the general analysis of Russia's potential in the field of soft power in the Western Balkans region, but also the pitfalls and negative sides of Russia's image among the Balkan nations. Thus, the introduction will consist of three parts: 1. the theoretical part, 2. the defining part, 3. the general analysis of the problem.

Whenever we read an article, research paper, analysis or a book containing the term soft-power we are always referred to globally famous American researcher Joseph S. Nye, who coined the term. While his later works deal mostly with the problems of how to better implement and use soft power as a means of reaching some state's political or economic goals, his earlier works provide the theoretical framework of said term. In his book *Soft Power – The Means to Success in World Politics* [1] Nye defined soft power as an “indirect way to get what you want”. Nye further added that soft power is “getting others to want the outcomes that you want” and “the ability to shape the preferences of others”. This almost benign view of the nature of power, which Nye's definitions imply, has often been challenged in theoretical disputes. These criticisms have their root mostly in the Gramscian early structuralist critique of “cultural hegemony” and classical elite theory of Pareto,

Mosca and Michels. Most authors summarize this view of soft power, as a means of manipulation and coercion, as the third face of power [2].

In this discourse there are two broad philosophical schools of thought that have formed over the past decades in the discussion about the nature of power in politics and international relations. On one hand are mostly Anglo-American scholars who view power as an instrument to be used in order to achieve set goals. Both the neorealist and the neoliberal approaches share this utilitarian view of power, even if they see the goals of the usage of power in different ways [3]. On the other side of the spectrum we find neo-Marxist structuralists inclined to present power as the means to dominate, rather than simply influence. Their theories always evolve around the centers of power, formal or informal, that project power over less developed countries, or disparaged classes within those countries. Thus, neo-Marxists evolved from state-centric views to market and class-centric ones. The modern poststructuralists [4] added an interesting argument in this debate, arguing that there mustn't always be a center of power projection, that many pieces of the dominant cultural discourse are not spread by state or private actors, but rather by the individual himself. Philosophically speaking this is the most interesting concept of the Information age, as it decentralizes the spread of power and puts emphasis on the individual rather than the faceless state or supraprivate institutions, or market and class constructs [5].

As this article is about Russia's concept the author will however use the neorealist paradigm of power as a means to an end, whether it is used by national or international institutions. This approach fits best with Russia's concept of foreign policy and its actions in practice. This is also visible from the actual Foreign Policy Concept of the Russian Federation written in 2016: "Alongside military might, other important factors allowing States to influence international politics are taking center stage, including economic, legal, technological and IT capabilities. Using these capabilities to pursue geopolitical interests is detrimental to efforts to find ways to settle disputes and resolve the existing international issues by peaceful means on the basis of the norms of international law. In addition to traditional methods of diplomacy, 'soft power' has become an integral part of efforts to achieve foreign policy objectives. This primarily includes the tools offered by civil society, as well as various methods and technologies – from information and communication, to humanitarian and other types"². The strategy of Russian Federation clearly accepts the state to be an actor of spreading soft power, alongside with civil society and corporate actors (information and media can also be privately owned).

The time framework of this article stretches from 1992, after the breakup of the Soviet Union and the start of independent foreign policy of modern Russia, up

² Foreign Policy Concept of the Russian Federation (approved by President of the Russian Federation Vladimir Putin on November 30, 2016). URL: https://www.mid.ru/en/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/2542248 (accessed: 27.02.2020).

to the current year – 2020. The article aims to present the data and conclusions about Russia's soft power in the Western Balkans, and its perspectives for further growth. The main aspects of soft power wielded by Russia presented in this article will be: **1. historical ties, 2. cultural ties (language, religion, education), 3. the media and communications aspect, 4. economic ties.** The Western Balkan countries involved in this research article will be: Serbia, Montenegro and Bosnia and Herzegovina.

Russia and the various Balkan nations and nation-states have longstanding relations predating the formation of the European Union and even the United States of America. This has both positive and negative consequences. The positive ones stem from the fact that Balkan nations accept as a given the fact that Russia is a major stakeholder in the region, while the EU and the US are seen as relative newcomers (of course the EU consists of various influential countries that also had dealings or even governed the Balkans in the past, such as Germany, Austria and Italy). The negative consequences are rooted in the fact that Russia has through history intervened and waged wars in the Balkans which in practice means it took sides of some nations against the others. Since many animosities are still vivid in the collective memories of the Balkan nations, such transgressions are not easily forgotten, if at all. The other negative aspect is the burden of communist heritage that Russia is forced to carry and this is often used as a quite successful instrument of propaganda by the Western officials and media active in the Balkans. The countries that were once a part of the so-called Soviet Bloc – Romania, Bulgaria and Albania, are mostly affected by this.

In recent years, especially after the start of the Ukrainian crisis in 2014, Russia has started to once again extend its dormant influence in the Balkans. Many analytical articles have been written on the subject, mainly from a negative point of view e.g. Russia tries to subvert the Western Balkans region by blocking the ascension of Balkan states to NATO, or similarly, Russia tries to bribe local Balkan elites to change their policies [6]. Many Russian authors have also written on this topic, albeit in Russian, thus not engaging in debate with their Western colleagues. However, the question stands whether an objective debate on issues of foreign policy is even possible, considering the intensity of conflict in the current structure of international relations. The goal of this article is not to criticize or praise Russian involvement in the Western Balkans but rather to measure it and try to present advice.

Perspectives of Russia's soft power in Serbia

Serbia and Russia are thought to be longstanding allies and partners. Their historical ties stretch back to the early Middle Ages, when both the Serbian and Russian nations adopted Orthodox Christianity as their religion. Cultural exchange between medieval Serbia and Russia was very developed up to the 15th

century, when Serbia was conquered by the Ottoman Turks. Up to this point, Serbia mainly influenced Russia, and not the other way around, owing its cultural influence to the proximity of the then most developed country in Europe – the Byzantine Empire. After this period, however, Russia became the dominant political and cultural force amongst the Orthodox Christian world and its influence started to spread to the Balkans, including Serbia. This is highly noticeable beginning from the 18th century, reaching its height in the early 20th century which saw the breakout of the First World War.

In Serbian historical literature and political discourse, the definition of Serbs as “little Russians” from the Western point of view is predominant [7]. This term appeared in British diplomacy in the second half of the 19th century and has since then found a firm footing in Serbian political discourse. This term implies, that no matter what, the Western countries will always regard Serbs as actors of influence on behalf of Russia. This sort of deterministic thinking is obviously flawed, but nonetheless it emphasizes Russia’s predominant role in the collective mindset of the Serbian nation. This bodes well for Russia’s soft power, as it is far more easily spread than that of the United States and the EU. Russia’s diplomatic aid in the political struggle for Serbia to retain the control of the semi-independent province of Kosovo is surely one of the greatest factors of support towards Russia among Serbia’s general population. These claims are backed by an independent survey of public opinion in Serbia done in the summer of 2019, which found that there were 60,7% of Serbian citizens who were in favor of an alliance with Russia, while 47,1% were supportive of joining the EU, and only 8,9% supported joining the NATO alliance¹.

Further adding to the aspect of historical ties between Serbia and Russia, there is great potential in developing Russia’s influence through the shared experience of both world wars. It is important to note that Russia and Serbia have been allies in both world wars, and the Serbian nation as a whole views Russian actions in these conflicts as highly positive. While revisionist tendencies in regards to Russia’s role in the Second World War are highly noticeable, even the European Parliament openly accused the USSR of having a hand in starting the World War II³, such notions are unpopular in Serbia’s political discourse. Russian diplomacy is already achieving certain successes in this field through the organization of “Immortal Regiment” marches⁴. Such marches attract a great amount of attention in

¹ NSPM Public Opinion Poll, Autumn of 2019. URL: <http://www.nspm.rs/istrazivanje-javnog-mnjenja/srbija-jesen-2019.-igre-prestola-i-bojkota.html> (accessed: 28.02.2020).

³ European Parliament resolution on the 80th anniversary of the start of the Second World War and the importance of European remembrance for the future of Europe. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/B-9-2019-0098_EN.html (accessed: 28.02.2020).

⁴ In 2019 «Immortal Regiment» marches in Serbia were introduced as an official celebration of Victory Day on 9th of May, and they received formal state backing. Such marches were organized in many regional towns in Serbia and neighboring Bosnian province of Republic of Srpska.

Serbia amongst the population and the leading media. They are held parallelly with the ones in Russia on Victory Day, on the 9th of May each year.

It is worth nothing that the First World War plays a crucial role in Serbian collective memory. This is namely because the Second World War saw the eleven-day collapse of the Kingdom of Yugoslavia, and a bloody civil war that ensued between the monarchists, the communists, and the various national separatist movements. Just as the First World War is easily forgotten in Russia for the same reasons, such is the case in Serbia with the Second World War. Thus, concluding the analysis of historical ties between Serbia and Russia in light of Russia's soft power, it is advisable that Russia develops historical and cultural projects in Serbia similar to the "Immortal Regiment", only with the emphasis on the First World War and the great aid that Serbia received from Russia at the time. This will also connect Serbia's and Russia's history prior to the February and October revolutions, which is in the Serbian collective memory often indiscriminately considered the golden era.

The short conclusion for Russia's soft power in Serbia concerning the aspect of historical ties is that the Russian Federation is highly active in this aspect and needs only to add certain desirable content to its already successful policies.

In regards to the cultural ties it was already mentioned that the majority of Serbia's population as well as the majority of Russia's population share the same religious faith. Serbian and Russian nation also speak Slavic languages, which are for the most part intelligible (according to some studies Russian and Serbian are 40% intelligible⁵). Having common collective identities makes sharing Russian influence and soft power in Serbia much easier. The Serbian language uses both Cyrillic and Latin alphabets however, opening the gateway to Western influence as well. As both Serbian and Russian nations are based upon cultural ties between individuals, sharing a mutual Slavic identity is an important part of Russia's soft power in Serbia and other Slavic Balkan countries.

While we do not claim that countries that do not share mutual cultural ties necessarily have a lesser chance of spreading soft power (for example Japanese or South Korean soft power spread in countries they have zero cultural ties to), we may put forward a following clarification: **soft power is spread more easily if strong cultural ties exist between the two countries, also soft power is hampered if weak cultural ties exist.**

Educational ties between Russia and Serbia are getting stronger, but a significantly larger number of Serbian students attend Western universities than they do Russian (there are approximately 400 Serbian students in Russia, while there are around 2000 Serbian students in Germany alone⁶). The Russian

⁵ Lindsay R. Mutual Intelligibility of Languages in the Slavic Family. URL: https://www.academia.edu/4080349/Mutual_Intelligibility_of_Languages_in_the_Slavic_Family (accessed: 28.02.2020).

⁶ Organization of Serbian Students Abroad (OSSI). URL: <https://www.ossi.rs/index.php> (accessed: 28.02.2020).

government has several ongoing projects for attracting Serbian students, but they are all centralized through the Rossotrudnichestvo office in Belgrade. This kind of system makes it hard to properly present the advantages of studying in Russia such as the opportunity to study in prestigious universities in a wide array of scientific areas (for example, there is by far more competition to receive a scholarship from a prestigious German university of the same level). There are several reasons why the Western universities are more attractive than Russian and some of them are not connected with soft power at all, such as: better job opportunities in highly developed Western countries, better standard of living while studying, better facilities for academic work.

On the other hand, Russia can make it's educational system more attractive for Serbian students. That is possible by changing the structure of representation of studying in Russia. Instead of highly centralized cultural centers tied to one ministry, Russia should start to develop a network of non-governmental organizations with the aim to provide Serbian students a chance for internship, and even job opportunities in the long-term perspective. This, of course, demands more investment on the side of the Russian government, but this approach has brought great success to Germany, with it's own NGO network tied to different political parties. All of these German NGOs serve as actual recruitment centers for the best and most active Serbian students. This also proves that it needn't be the Russian state that has to be directly involved in financing these NGOs, it can also be the private sector.

The short conclusion for Russia's soft power in Serbia concerning the aspect of cultural ties is that the Russian Federation is mediocrely active and needs to re-structure and expand it's approach.

With regards to media and communications, Russian influence practically seized to exist in the Balkans until the previous decade. There were no Russian media in Serbia, except for the radio program *The Voice of Russia*. There was a correspondent's office of the state-owned media agency ITAR TASS, that to this day operates on a skeleton crew. Before it's restructuring, another state-owned Russian media agency also employed regular correspondents in Belgrade – the Russian Information Agency (RIA).

In 2015 *The Voice of Russia* and RIA discontinued their activities in Serbia in favor of a new Russian state-owned media Sputnik. The Sputnik is not just a radio station, this media outlet also runs it's own website with news and analytical content, and frequently hosts live streaming programs on YouTube. In February 2020 Sputnik celebrated five years of work in Serbia. President of Serbia Aleksandar Vucic, as well as the minister of foreign relations Ivica Dacic, attended the ceremony. President Vucic even went as far to say that “Sputnik has become one of the most influential media outlets in Serbia today”⁷, which is a testament not only to this particular media, but to the importance of close ties between Serbia and Russia.

⁷ Five Years of Sputnik in Serbia. URL: <http://www.politika.rs/sr/clanak/447726/Pet-godina-Sputnjika-u-Srbiji> (accessed: 28.02.2020).

In comparison to Western privately or state-owned media in Serbia, Russian investments in this area is miniscule. However, just because the Western media outlets are widespread to such an extent, makes the much smaller Russian media outlet look as an alternative source of information. This factor, taken together with a high degree of positive sentiments towards Russia among Serbia's general population, makes low-funded Russian media much more popular than analysts would conclude judging by the numbers alone. Sputnik is also rather popular in neighboring countries with a large portion of Serbian population, namely Montenegro and Bosnia and Herzegovina.

The short conclusion for Russia's soft power in Serbia concerning the aspect of media and communications is that the Russian Federation is highly active (taking into account the small investment it has made).

Economic ties between Russia and Serbia are strong because of the free trade agreement between these two countries. Russia is the third partner of Serbia in regards to import of goods and the fifth in regards to export of goods abroad⁸. The biggest trading partner of Serbia is the EU, which takes up 62,7% of the total yearly goods exchange.

In 2019 Russia exported 1.3 billion euros worth of goods to Serbia, which is just a tiny fraction of Russia's total export gains. Nevertheless, Serbia is an important trade partner of the Russian Federation because of its geographical position especially in regards to energy resources trade. The current Turkish Stream pipeline project also includes Bulgaria and Serbia as countries through which the gas is to flow into central Europe. The previous project South Stream pipeline failed because the Bulgarian government succumbed to pressure from the United States and the EU.

The Bulgarian and Serbian authorities renamed this prospected pipeline extension the Balkan Stream, because the term Turkish has negative connotations. Whether or not the Bulgarian side will honor its promises is not a closed matter, but the Serbian government has shown great interest in this project thus far.

In 2008, Russia's Gazprom Neft, a subsidiary of Gazprom, took a controlling stake in Serbia's Naftna Industrija Srbije (NIS) oil and gas company, a deal worth over 450 million US dollars, and committed to invest at least another 600 million dollars in the company. NIS has retained its brand and partially its management structure, as Serbian government keeps hold of its minority shares. Year after year NIS is the biggest taxpayer in the Serbian budget, reaching up to 13% of the budget income in total⁹.

⁸ The Overall External Trade in the Republic of Serbia for the Period January–August 2019. URL: <https://www.stat.gov.rs/sr-Latn/vesti/20190930-spoljnotrgovinska-robna-razmena-avgust-2019> (accessed: 28.02.2020).

⁹ Who are the Biggest Contributors to Serbia's Budget? URL: https://www.b92.net/biz/vesti/srbija.php?yyyy=2014&mm=01&dd=16&nav_id=800601 (accessed: 28.02.2020).

Serbia's agriculture industry also depends on the Russian market, this is the main reason, besides political ones, that kept Serbia from joining the Western countries in imposing sanctions against Russia. Close to 15% of all agricultural exports of Serbia are exported to Russia. This may not seem that important, but the majority of the remaining export goes to neighboring countries which means that those goods are exported at a lower price than those that go to Russia. Furthermore, some particular branches of Serbian agricultural production are dependent on Russia, such as the production of raspberry, produced throughout the already impoverished western Serbia.

Russia has also invested in other sectors across the region: banking, retail, real estate, and tourism. In 2012, Russia's state-owned Sberbank purchased Volksbank International, formerly the Eastern European subsidiary of an Austrian banking group, now called Sberbank Europe. The acquisition gave the Russian bank a relatively large retail and commercial banking presence in Southeastern Europe, with assets in Bosnia, Croatia, the Czech Republic, Hungary, Serbia, Slovakia, and Slovenia.

Russia also makes up the greatest number of European tourists in Serbia, surpassing Germany (not counting the neighboring countries in which many Serbians who have relatives in Serbia live)¹⁰. While Russia's economic influence over Serbia is important it is nothing compared to the influence that the EU fields in this area (especially Germany). There is little that Russia itself can do to remedy this. Russia is a free market economy and private investors make decisions as to where to invest their capital. Clearly, at this juncture Russia has no real interest to more actively engage in investments in Serbia and the Balkans, outside of major pipeline and infrastructural projects it is already involved in. Global instability, trade wars between the US and China, civil war in Ukraine, and involvement in wars in Syria and Libya have stretched the Russian economy to the breaking point.

The short conclusion for Russia's soft power in Serbia concerning the aspect of economic ties is that the Russian Federation is lowly active, but even that activity is enough to exert a certain amount of pressure on the Serbian government.

In summary, Russia can do a lot more in the field of historical and cultural ties to Serbia in order to improve its soft power and expand its influence in the aforementioned country. These are fields which do not need large amounts of capital to be invested in order to produce a desirable effect. All that is necessary is the political will and some creative thinking. Russia should definitely stop to rely too much upon its diplomatic mission and official institutions, and start to spread its influence in Serbia's civil sector.

¹⁰ Serbia's Tourism Income Amounts to 1,2 Billion Euros. URL: <https://www.danas.rs/ekonomija/prihod-od-turizma-12-milijarde-evra/> (accessed: 28.02.2020).

Perspectives of Russia's soft power in Montenegro

Historical ties between Montenegro and Russia share a common start in the Middle Ages, as Montenegro was then a part of medieval Serbian kingdom. After Serbia was conquered by the Ottomans in the 15th century the province of Montenegro became independent, but was ultimately also taken by the Ottomans. However, by the 17th century a small mountainous region of Montenegro around the town of Cetinje became independent of Ottoman rule and quickly sought to establish ties with Russia, as the Russian Empire was the protector of Orthodox Christendom at the time. Russia sent aid to Montenegro throughout the centuries and this made the Montenegrin Serbian population one of the most Russophilic in the Balkans.

Today, however, Montenegro is a deeply divided society, with 45% percent of citizens claiming to be ethnic Montenegrins, and another 30% declaring themselves Serbs¹¹. This divide is even more complicated by the fact that 43% of citizens of Montenegro claim that the Serbian language is their mother tongue and 37% declared in favor of the Montenegrin language, while linguistically these languages constitute a single language without a doubt. There is also a question of a schism in the orthodox church of Montenegro, but as recent massive protests led by the Serbian Orthodox Church have shown, the noncanonical Montenegrin Orthodox Church has very little support outside the town of Cetinje, the stronghold of contemporary Montenegrin nationalism. It would be an oversimplification to claim that those Montenegrins who declare themselves as Serbian support Russia, and those who define themselves as ethnic Montenegrins do not. Some public opinion polls in Montenegro are available but they are done by an NGO called CEDEM in short, which is a branch of the Open Society Foundation run by George Soros.

CEDEM's opinion poll from December of 2019 shows that 26,4% of citizens of Montenegro believe that their country should seek support in matters of foreign policy from the EU, 19,1% from the US, and 17,4% from Russia¹². The same poll found that 55% of Montenegrins are in favor of joining the EU, while only 38% percent were in favor of NATO, with 42% against this Alliance. Nevertheless, Montenegro became a member of NATO in 2017. These numbers show that Montenegrins are mostly in favor of the EU, but are divided in their support to the US and Russia, and while we may doubt these figures coming from a biased source, it is an undeniable fact that the Montenegrin society is a deeply divided one and that does not bode well for Russia's soft power in said country.

¹¹ Montenegro Statistical Agency Report on the 2011 Population Census. URL: [https://www.monstat.org/userfiles/file/popis2011/saopstenje/saopstenje\(1\).pdf](https://www.monstat.org/userfiles/file/popis2011/saopstenje/saopstenje(1).pdf) (accessed: 29.02.2020).

¹² CEDEM Public Opinion Poll, December 2019. URL: https://www.cedem.me/images/Politicko_javno_mnjenje_decembar_2019pdf.pdf (accessed: 29.02.2020).

The problem of spreading soft power in Montenegro in Russia is in the extremely antagonistic attitude of the Montenegrin government toward the policies of the Russian Federation. If we analyze the discourse of political leaders from the Balkans it will become clear that most Russophobic statements come from Montenegro, a country whose population is clearly not outright Russophobic. There is little that Russia can do to enhance this relationship soft power wise, as this attitude of the Montenegrin government is tied with the support of Western governments to the regime of president Milo Djukanovic himself. He has been in power for around 30 years and shows no sign of relinquishing power.

In order to skip repetition of presented material, everything that has been said about the historical and cultural ties between Serbia and Russia, also stands for Russia and Montenegro. Russian educational policy in Montenegro is the same as in Serbia – centralized. The Montenegrin experience of world wars is very similar to the Serbian one. The only difference is that Russia cannot organize any public events in Montenegro because Montenegrin officials won't allow it. As far as Russian media presence is concerned, it has already been mentioned that Sputnik in Serbian is the official media center of Russia in the region. That means that Montenegrins can also follow this program.

The short conclusion for Russia's soft power in Montenegro concerning the aspects of historical and cultural ties, as well as media and communications is that the Russian Federation is highly active but it's actions are hampered by the animosity of the current Montenegrin regime towards the Russian government.

The one area that Serbia and Montenegro greatly differ, in regards to perspectives of Russia's soft power, is the aspect of economic ties. Montenegro relies mostly on income it receives from tourism, being a small country without many resources, but with sea access. Montenegro earned around 1,1 billion euros from tourism in 2019, and the most numerous tourists came from Russia, Germany and Serbia¹³. Despite this clear dependency from Russia, Montenegro was one of the first Balkan states outside the EU to impose sanctions on Russia, it did not however impose visas on Russian citizens. Besides the now defunct aluminum combine in the city of Podgorica owned by the CEAC company that is itself a part En+ Group, tied to Oleg Deripaska, Montenegro has no real connections to the Russian economy besides the flow of tourists. If Russia would impose a flight ban to Montenegro because it feared for the safety of it's citizens because of the Russophobic atmosphere created by the Montenegrin government, like it did in Georgia in 2019, this will undoubtedly greatly destabilize Montenegro. However, such coercive methods (which are considered hard power) would hurt Russia's soft power in the country, and that may be one of the reasons the Russian Federation still has not used it. Other reasons might be that some Russian businessmen still

¹³ Montenegro's Tourist Flow Amounts to 26,4 Million Tourist Visits per Year. URL: <https://www.bankar.me/2020/02/26/crnu-goru-prosle-godine-posjetilo-264-miliona-turista/> (accessed: 29.02.2020).

keep ties with the Montenegrin government and are active stakeholders in the country, but this goes beyond scientific discourse and into the realm of speculation. On the other hand, Russia clearly has no means of converting its strong economic ties with Montenegro into soft power, not with the current regime in power in Montenegro.

The short conclusion for Russia's soft power in Montenegro concerning the aspect of economic ties is that the Russian Federation is highly active, but even that activity is not enough to exert pressure on the Montenegrin government without resulting to hard power.

In summary, while the citizens of Montenegro are generally not Russophobic, the Montenegrin government certainly is, and this blocks Russia from expanding its soft power and influence in the country, at least on the official level. Perhaps it is wise on part of the Russian Federation to restrain itself from using economic hard power, because that would hurt its relationship with ordinary Montenegrins in decades to come.

Perspectives of Russia's soft power in Bosnia and Herzegovina (BiH)

Bosnia is a deeply divided society, both in terms of religion and administration. Around half of Bosnia's territory is under the control of the Serbian nation – this part is called the Republic of Srpska. The other half is the Muslim and Croat Federation. Maintaining soft power in Bosnia and Herzegovina as a whole is neatly impossible for any country, since BiH is divided along ethnic and religious lines. If one country supports Bosnia's Slavic Muslim population (the Bosniaks) its relations with the Orthodox Serbs and Catholic Croats in Bosnia will suffer. The same is true for any of the combinations one might think of. Historically speaking, Russia has been a supporter of the Orthodox population in Bosnia, beginning from the second half of the 19th century up to the present day. This means that Russian influence is seen with great mistrust from the Bosnian Muslims, who see Russia as protectors of Serbs in Bosnia. It is no wonder that Bosniaks consider the United States and Turkey to be their greatest allies, while Serbs think the same of Russia, and Bosnian Croats of Germany. Such is the historical divide of BiH and even today it seems impossible to overcome it.

The latest diplomatic support from Russia to the Serbian part of BiH came in a form of vetoing the Srebrenica resolution in the Security Council of the UN in 2015¹⁴. The Srebrenica narrative is extremely important to both the Bosniaks and the Serbs, while the Bosnian Croats are not affected by it. The Bosniaks, supported by the Western countries and the Hague Tribunal, support the version that presents the Srebrenica massacre of 1995 as a local form of genocide. The official Serbian side in the Republic of Srpska supports the version that the Srebrenica

¹⁴ Russia vetoes Srebrenica Genocide Resolution at UN. URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/jul/08/russia-vetoes-srebrenica-genocide-resolution-un> (accessed: 01.02.2020).

massacre was a war crime but not genocide. Whichever country wants to spread soft power in BiH must first declare which narrative it supports and its choice will determine from which nation of BiH it will gain support or disdain from. Russia has clearly chosen to support the Serbian narrative and thusly enjoys a great deal of support from it. It would not be an exaggeration to claim that Bosnian Serbs are more Russophilic than Serbs from Serbia. It is therefore easy to understand why the Bosniaks view Russia's soft power and influence in their country with suspicion.

For Russia to have any chance to work with both sides of the aisle it can develop a two-pronged approach – it can use cultural diplomacy both with the Orthodox and the Muslim population of Bosnia separately. Since Russia is a country with longstanding traditions not only in the Orthodox world but in the Muslim world as well. Why couldn't Russia employ a special envoy to the Muslim part of Bosnia from Tatarstan, for example, in order to demonstrate to the Bosniaks that Russia also has cultural ties with them. This can also be done on an unofficial level using the Islamic communities in Russia to establish ties to their counterparts in Bosnia. Such strong ties already exist between the Serbian and Russian Orthodox churches in the Republic of Srpska. One other focal point of Russia's soft power in Bosnia can be the common heritage of the Second World War. While the Serbian side was divided along ideological lines during the conflict, but fought against the occupation, the majority of Bosnian Croats supported the creation of a pro-German Independent State of Croatia. The Bosnian Muslims were divided and some of them joined the Croats, while the others joined the pro-Yugoslavian communist resistance movement. Since the majority of Serbs also belonged to the communist movement (the Partisan movement was comprised 80% of Serbs), commemorating the Second World War could become a small bridge that connects these divided nations, and Russia can be the connector. This would reap great benefits for Russia in terms of soft power, and the Russian Federation would demonstrate its support for reconciliation in Bosnia.

Everything that has been said for Serbia and Montenegro in terms of Russia's educational and media policy stands for BiH, please refer to the section of the article that deals with Serbia.

The short conclusion for Russia's soft power in Bosnia concerning the aspects of historical and cultural ties, as well as media and communications is that the Russian Federation is highly active but only along the existing ethnic and religious divide. This makes it impossible for Russia to expand its soft power to all of Bosnia and Herzegovina, and not just the Serbian dominated part.

Turning to the issues of Bosnia's economy it must be stated that it is one of the poorest and underdeveloped countries in the Balkans. Most of the Russian investment projects are located in the Republic of Srpska. Investments there have made Russia the fifth-largest investor in Bosnia. Zarubezhneft controls oil refineries in the Republic of Srpska towns of Brod and Modriča, Russia's largest realized investment in Bosnia. It is clear that Republic of Srpska enjoys great economic support from Russia, which is a straightforward sign of Russian strategy of supporting the Serbian side in Bosnia.

Conclusion

There are several general conclusions that can be drawn from the data presented in the article. The first conclusion is that Russia has to diversify its approach to achieving soft power in the Western Balkans. While the Balkan states share many similarities, there are crucial differences between them as to how they perceive Russia and how much influence Russia can exert on them. The second conclusion is that Russia should abandon its centralized approach to spreading soft power in the Western Balkans and involve civil society and the private sector in its strategy. The third conclusion is that Russia should also utilize its Muslim heritage besides the Orthodox Christian one, especially when trying to win the hearts and minds of Balkan's Muslim population. The fourth and final conclusion is that Russia should not limit its soft power only to the shared experiences of the Second World War, however important they may be. Russia must use its long history with the Western Balkans to its advantage.

Although the EU and the US have for the past three decades remained the dominant forces in the Balkans, both in terms of soft power and hard power, Russia has made great progress in recent years, and its influence continues to grow and spread. With that said, Russian soft power in the Western Balkans is nearing its limit, unless more financial means are invested and new strategies of spreading soft power are implemented.

References

- [1] Nye J.S. *Soft Power – The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs. 2004: 191.
- [2] Bially Mattern, J. The Concept of Power and the (Un)discipline of International Relations. *The Oxford Handbook of International Relations*. 2008: 691–698. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199219322.003.0040
- [3] Kratochwil F., The Monologue of “Science”. *International Studies Review*. 2003; 5: 124–128. DOI: 10.1111/1521-9488.501019_2
- [4] Campbell D. Why fight: humanitarianism, principles, and post-structuralism. *Millennium: Journal of International Studies*, 1998; 27: 497–521. DOI: 10.1177/03058298980270031001
- [5] Wight M. *Power Politics*. London: The Royal Institute of International Affairs. 2004: 316.
- [6] Bechev D. Russia's Strategic Interests and Tools of Influence in the Western Balkans. *NATO Strategic Communications Centre of Excellence*. 2019: 34.
- [7] Kovic M. *Disraeli and the Eastern Question*. Belgrade: Clio. 2018: 509 (In Serbian).

Информация об авторе:

Джокич Александар – магистр политических наук, ассистент кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0003-1897-5642) (e-mail: dzhokich_a@pfur.ru).

Information about the author:

Aleksandar Djokic – Master of Arts in Political Sciences, Lecturer Assistant of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-1897-5642) (e-mail: dzhokich_a@pfur.ru).

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ И ВОЙНЫ ПАМЯТИ THE MEMORY OF WAR AND MEMORY WARS

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-245-261

Научная статья / Research article

Великая Отечественная война в школьном курсе литературы: особенности политической социализации школьников

И.И. Кузнецов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119192, Москва, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4
politbum@yandex.ru

Great Patriotic War in School Literature: Features of Political Socialization of Students

I.I. Kuznetsov

Lomonosov Moscow State (Russia)
27-4 Lomonosovsky Prospect, Moscow, 119192, Russian Federation
politbum@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы современного уровня школьного образования. Из-за появившихся пробелов в учебных дисциплинах российская молодежь сталкивается с проблемой «размывания истории», где основные исторические события и персоналии утрачивают ту значимость, которая описывалась в школьных учебных курсах советского периода. Подчеркивается, что новые подходы к составлению учебных курсов значительно сокращают список тех авторов и произведений, которые подлинно отражали образы Великой Отечественной войны. Кроме того, вытеснение исторической и художественной литературы происходит за счет наполнения свободного времени детей и молодежи цифровыми технологиями. Автор статьи уделяет отдельное внимание современному кинематографу, как отечественному, так и зарубежному, который также сыграл свою роль в формировании «исторической повестки» у молодежи. Так, кино вытесняет военную и историческую литературу из спектра интересов молодежи за счет своей интерактивности, дра-

© Кузнецов И.И., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

матичности и порой не всегда достоверных интерпретаций, которые намного гармоничнее вписываются в сценарий и коммерчески куда более «продаваемы». Автор заключает, что современная учебная программа нуждается в корректировке, в которой в будущем будут ставиться приоритеты на создание культуры чтения, социализацию молодежи, возврат «моды на чтение».

Ключевые слова: русская литература, образование, Великая Отечественная война, просвещение, история, социализация, школьники, молодежь, идеологизация, культура, кинематограф

История статьи: Поступила в редакцию 20.02.2020. Принята к публикации 29.02.2020.

Для цитирования: Кузнецов И.И. Великая Отечественная война в школьном курсе литературы: особенности политической социализации школьников // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2020. Т. 22. № 2. С. 245–261. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-245-261

Благодарности: Нечай В.Н. – коррекция и техническая подготовка текста.

Abstract. The author of article reviews relevant setbacks of modern school education. Russian youth faces a «dissolution of history» due to gaps in school subjects, where historical events and individuals are losing their significance, but which was mentioned in soviet school program. Author underlines that new studying courses limit the list of authors and their works, which truly reflect a picture of Great Patriotic War. Moreover, digital technologies are filling up kids and youth's spare time, that is why historical and fictional works are being replaced away. The author of article focuses on Russian and foreign contemporary movies as well, which have played its role in creating “historical content” in knowledge of youth. Nowadays, modern movies are replacing wartime and historical literature because of its interactive and dramatic form of impact, and for some time its fake facts, which are more acceptable for screenplays and have more commercial success. Author concludes that modern school program is needed to be corrected. These new corrections must include creating of new culture of reading, socialization of youth and popularization of reading.

Keywords: literature, education, Great Patriotic War, enlightenment, history, socialization, students, youth, ideologization, culture, cinema

Article history: Submitted on 20.02.2020. Accepted on 29.02.2020.

For citation: *Kuznetsov I.I. Great Patriotic War in School Literature: Features of Political Socialization of Students. RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (2): 245–261. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-245-261

Acknowledgments: V.N. Nechay for technical support.

Введение

Изучение истории Отечества неразрывно связано с особым вниманием к культуре – это стало традицией образования многих современных государств, что в решающей степени обеспечивает не только освоение совокупности знаний о прошлом, но и создает гражданскую идентичность, воспитывает уважение к языку, создает условия для формирования этических

представлений. В современной социально-политической ситуации Великая Отечественная война и Победа воспринимаются как основное событие, конституирующее нацию, вызывающее одновременно чувства сопричастности большому историческому событию, гордость за Родину. Именно Победа, наряду с полетом человека в космос, выделяется в качестве главных символов достижений Советского Союза (и России как его правопреемницы) в общественном сознании.

Для российских школьников изучение событий и значения Великой Отечественной войны традиционно связано с материалом не только собственно курса «История». Большую роль в этом процессе играет курс «Литература», в рамках которого осваивается ряд произведений, созданных в основном советскими писателями в послевоенное время. Литература в целом как учебный предмет социогуманитарного цикла обеспечивает процесс социализации молодых граждан и призвана привить уважение к отечественной истории и культуре, развивать интеллектуальные и творческие способности учеников, формировать навыки письменной и устной речи, читательскую культуру, эстетический вкус и т.д.

Согласно действующему стандарту школьного курса литературы он предполагает обучение школьников с 5 по 11 класс полного (среднего) образования в объеме 210 часов, 105 часов в 10–11 классе (3 часа/неделя). Предполагается также выстраивание метапредметных связей с другими изучаемыми курсами, что в случае с темой Великой Отечественной войны представляется крайне важным (литература – история – обществознание – русский язык – география – основы религиозных культур и светской этики – мировая художественная культура). Помимо общего влияния на формирование гармоничной личности юного россиянина данный курс оказывает серьезное воздействие на формирование гражданской идентичности и способен закрепить не только значимые события истории недавнего прошлого, но и поддержать адекватное представление о роли нашей страны в мировом политическом процессе.

Если обратиться к содержанию курса литературы, то нетрудно заметить, что его построение связано с реализацией двух основных принципов. С одной стороны, очевидно использование хронологического подхода в использовании источников – произведений, которые изучаются школьником самостоятельно или с участием педагога непосредственно (от русских сказок, былин, эпоса, «Слова о полку Игореве» до произведений второй половины XX в.). С другой стороны, в работе школьников возрастают объемы самостоятельного чтения (как основного, так и «дополнительного» – летнего или каникулярного), повышается сложность и разнообразие источников, представляющих разные жанровые и стилевые направления отечественной литературы. Как гласит документ: «На завершающем этапе основной школы усиливается исторический аспект изучения литературы, художественные

произведения рассматриваются в контексте эпохи, усложняется сам литературный материал, вводятся произведения крупных жанров»¹.

Действующий школьный стандарт по литературе решающую роль в определении содержания курса, по-видимому, отводит непосредственно школе и педагогу, который, руководствуясь целью формирования гармоничной «духовно-развитой личности, осознающей свою принадлежность родной культуре», может корректировать перечень изучаемых произведений, так как «Перечень произведений представляет собой инвариантную часть любой программы литературного образования, обеспечивающую федеральный компонент общего образования. Перечень допускает расширение списка писательских имен и произведений в авторских программах, что способствует реализации принципа вариативности в изучении литературы и сохраняет за учеником право выбора»².

Таким образом, на сегодня вопрос содержания курса литературы регулируется весьма формально. И хотя в вышеприведенной цитате документа указывается на возможность «расширения списка писательских имен и произведений», все же представляется, что это не гарантирует освоения минимального объема знаний о русской литературе прошлого столетия, которая насыщена мощными образами героев Великой Отечественной войны. Ведь в данном случае именно минимум – «нижняя планка» – нормативным актом не установлена. Отсюда возникает ряд вопросов относительно отбора авторов и произведений, которые все-таки упоминаются в документах. Ведь сам такой отбор, будучи представлен в итоге в Перечне, может быть интерпретирован как политическое решение в силу его общественной значимости и ценностной важности (затрагивает большинство общества и определяющим образом влияет на его развитие). Последнее, на наш взгляд, неизбежно связано с идеологической функцией политической власти, поскольку ни целеполагание, ни выделение приоритетов развития общества, ни интеграция усилий различных социальных групп и политических сил невозможны без более или менее четкого фиксирования этой определенности. Более того, в условиях отсутствия легальной возможности учреждения/принятия в нашей стране государственной идеологии (положение статьи 13 Конституции Российской Федерации) серьезное внимание к содержательным аспектам общего среднего образования может быть одним из наиболее действенных средств формирования адекватной системы политической социализации граждан.

¹ Образовательный стандарт основного общего образования по литературе // Приказ Минобрнауки РФ № 1089 от 05.03.2004 (ред. от 19.10.2009) «Об утверждении Федерального компонента государственного стандарта общего образования». URL: <http://www.zakonprost.ru/content/base/part/670355> (дата обращения: 19.07.2019).

² Там же.

Почему именно к курсу литературы обращено наше внимание сейчас?

Во-первых, школьный курс истории имеет в этом плане не меньшее значение (а скорее всего, даже и преобладающее, учитывая необходимый объем усвоения сложного материала и потребность выстраивания неразрывной связи между отечественной и всеобщей историей), но эмоциональное вовлечение учащихся, как правило, лучше происходит именно во время изучения литературных произведений. Здесь действуют не только содержательные аспекты, связанные с опытом художественного осмысления феномена войны, существования человека в экстремальных условиях, но и представленная вниманию учащегося творческая форма. А именно – признанные произведения советских писателей, многие из которых сами прошли войну, имели серьезный жизненный опыт и право высказываться о сложных вопросах человека и общества.

Во-вторых, как будет показано далее, многие произведения советских писателей, так или иначе осмысливающие войну, военный опыт, доблесть и отвагу, человеческую силу и слабость стали незаслуженно отодвигаться в сторону. Их либо не читают совсем, либо стараются пропустить как нечто второстепенное, необязательное и относят к спискам «дополнительного» или факультативного чтения.

В-третьих, именно в рамках школьного курса литературы происходит овладение тем объемом знаний и навыков самостоятельного анализа, наблюдений за творческой средой, которые в дальнейшем играют значительную роль при формировании гражданской идентичности и политической позиции. Сегодняшняя реальность, связанная с превращением «галактики Гуттенберга» в «галактику Цукерберга», когда в информационном пространстве присутствует мощное инокультурное влияние, различные картины репрезентации прошлого (в том числе и такие, которые способны оказать решающее воздействие на восприятие явлений и событий национальной истории страны) очень мощно воздействуют на этот процесс. Не читавшие книг советских писателей о войне школьники, незнакомые с линейкой фильмов о войне, поверхностно усвоившие на уровне выполнения заданий по ГИА и ЕГЭ материал об истории Великой Отечественной и Второй Мировой войны, вряд ли будут наследовать традиции защиты Отечества. Кроме того, сама возможность для молодых россиян посмотреть голливудские картины «Бесславные ублюдки» (К. Тарантино, Э. Рот, 2009), «Спасти рядового Райана» (Ст. Спилберг, 1998) или «Перл-Харбор» (М. Бей, 2001) зачастую выше, чем аналогичная возможность обратить внимание на любой отечественный фильм. Это связано, прежде всего, с доминированием тех культурных образцов, которые представлены в сетевом общении.

Воздействие глобализированной массовой культуры на общественное сознание и мотивацию поведения отдельного человека – отдельный важный в научном и практическом отношении вопрос. Но в контексте иссле-

дуемой здесь проблемы важно зафиксировать следующее: наши школьники и студенты в большей мере, чем их родители, приобщаются к глобальному сетевому сообществу одновременно и как потребители информации и культурных артефактов, и как участники коммуникации – создатели нового контента (интерфейсы коммуникации Web 2.0 и Web 3.0). А само это глобальное сетевое общество характеризуется следующими культурными конфигурациями: «сетевой индивидуализм, космополитизм (могущий быть идеологическим, политическим или религиозным) и мультикультурализм» [1].

Агенты и механизмы политической социализации

Российское общество сегодня представляется сложным динамичным явлением, в котором одновременно присутствуют отдельные анклавные современные типа (крупные городские агломерации, «столицы» преуспевающих в экономическом развитии субъектов федерации с соответствующим стилем жизни, уровнем потребления, мобильности и т.д.) и анклавные досовременного типа (с традиционным хозяйственным укладом, низким уровнем горизонтальной мобильности, невысоким развитием сферы промышленного производства и услуг) [2]. Но, несмотря на эту объективную сложность и «разноскоростное» развитие, есть очевидная тенденция, объединяющая россиян в части процессов социализации и непосредственного приобщения к масштабному использованию информационно-коммуникационных технологий. В частности, Интернет существенно изменил среду социализации и механизмы коммуникации между агентами политической социализации и реципиентами.

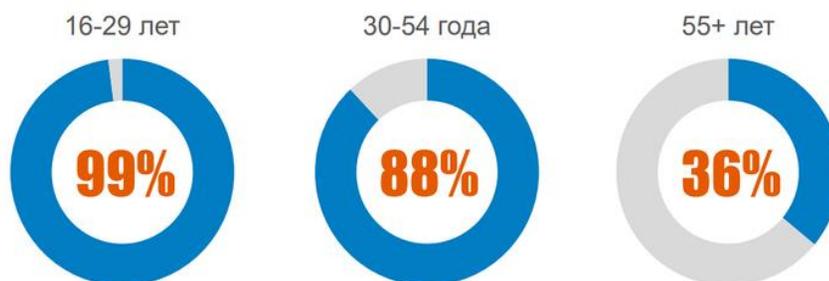
В молодежных сообществах, в среде школьников повседневная жизнь существенно изменилась с 2000-х годов в связи с распространением мобильных устройств, подключенных к мировой сети (планшеты, смартфоны, нетбуки и др.). Общий рост числа пользователей Интернета в России за последнее десятилетие наглядно демонстрирует эту динамику (рис. 1), а также свидетельствует о значительном прогрессе в развитии инфраструктуры связи и коммуникации. Но как это повлияло на качество контента и его восприятие аудиторией, – отдельный сложный вопрос. Можно только предположить, что происходит серьезный сдвиг в понимании молодыми гражданами прошлого своей страны и ее роли в современном мире и нарастает вероятность ценностных сдвигов между поколениями.

В связи с этим исследование политической социализации молодых граждан ставит вопрос поколенческих изменений: появляются работы, фиксирующие разницу между «бэбибумерами» (поколением родившихся между 1946–1964 гг.) и поколением «DotNets», развитие которых немислимо без приобщения к интернет-пространству [3].

Рис. 1 / Fig. 1
 Проникновение Интернета в России / Spread of the Internet in Russia
 90 millions elder than 16 use Internet in Russia (+3 millions of users last year)
 Источник / Source: Омнибус ГФК-Русь³ / GfK Russia.

Проникновение Интернета среди молодежи и людей среднего возраста близко к предельным значениям, и рост аудитории Интернета происходит в основном за счет людей старшего возраста

Источник: Омнибус ГФК-Русь, вся Россия, население 16+

Рис. 2 / Fig. 2
 Проникновение Интернета в возрастных группах / Spread of the Internet by age
 The spread of using Internet among youth and middle-aged people is about limit value, elderly people are the source of growth of the Internet audience
 Источник / Source: Омнибус ГФК-Русь⁴ / GfK Russia.

³ Проникновение Интернета в России: итоги 2018 года. URL: https://www.gfk.com/fileadmin/user_upload/dyna_content/RU/Documents/Press_Releases/2019/GfK_Rus_Internet_Audience_in_Russia_2018.pdf (дата обращения: 02.02.2020).

⁴ Там же.

Если представить состояние дел в сфере проникновения Интернета в разных возрастных группах (см. рис. выше), то нетрудно видеть – молодежь и школьники являются самыми «подключенными». Более того, они же – самые активные пользователи сети, зачастую проводящие в ней по несколько часов в день (структура этого времени, как правило, складывается далеко не в пользу поиска и использования информации для образования, повышения культурного уровня).

Но помимо этого инфраструктурного компонента, который решающим образом воздействует на все общества, где происходит рост влияния сетевой коммуникации, есть и российские особенности. Так, кризис идентичности, затронувший многие страны и общества через процессы глобализации, в российском контексте был существенно усилен изменениями политической системы. Российская государственная власть и оппозиция (во всем многообразии ее существования – от политических партий и общественных движений до отдельных лидеров) предпринимали неоднократные попытки сформулировать национальную идею и создать новую политическую идентичность. Так, по мнению известного политического психолога, Е.Б. Шестоपाल в современной России диагностируется кризис политической социализации, связанный с отсутствием определенной нормативной модели: «отказ от старых советских ценностей и от всего советского наследия привели к тому, что в обществе образовался серьезный ценностный вакуум, который привел к потере населением какой бы то ни было психологической основы для идентификации» [4].

И если в период позднего СССР вопросы гражданского воспитания были поставлены весьма серьезно – и на уровне школьного и вузовского образования, и в рамках системы политического просвещения граждан – то в постсоветский период произошел значительный откат. Причем сейчас можно слышать мнения о том, что такой целостной системы вообще не нужно, поскольку есть опасность чрезмерной идеологизации образования и сферы общественной жизни в целом⁵. В результате сформировалась установка на продвижение не государственного патриотизма как такового, а, скорее, патриотизма «камерного» типа, человеческого или прикладного. Здесь даже появились попытки заменить понятие патриотизма чем-то иным (личный трудовой/творческий вклад, ответственный гражданский выбор и т.д.). Во многом такая установка проявилась кроме прочего и в модификации содержания школьного курса литературы, что привело к заметным изменениям в восприятии Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и Победы в сознании молодых россиян. Одним из последствий таких изменений является по-

⁵ Рубцов А. Четыре патриотизма: чем определяется «любовь к Родине». URL: <https://www.forbes.ru/mneniya-column/tsennosti/312825-chetyre-patriotizma-chem-opredelyaetsya-lyubov-k-rodine> (дата обращения: 28.02.2020).

что полная зачистка пантеона национальных героев: в настоящее время крайне сложно объяснить старшим школьникам и студентам вузов – кто такие были пионеры-герои в период войны. Но отсутствие систематических сведений об этих замечательных юных патриотах – прямой результат изъятия некоторых произведений художественной литературы из списка чтения наряду с де-факто упразднением самой пионерии как социального института и артефакта соответствующей исторической эпохи. Автору данной статьи не раз приходилось объяснять нынешним студентам (в сознании которых «пионеры-герои» причудливо воспроизводятся как герои приключенческих романов Ф. Купера об отважных покорителях Запада), что «дети тоже воевали», причем это было не исключительным явлением, а элементом так называемого «массового героизма» советских граждан в те годы.

Можно поддержать мнение Т.Н. Самсоновой, что следует считать «недостойными» попытки провести почти тотальную дегероизацию российской истории. Под предлогом борьбы с лжегероями и мифами идет развенчание действительных героев, формализация их почитания, размывание самого понятия подвига и девальвация героического поведения. Сегодня задача в том, чтобы, не впадая в ложный пафос, донести до потомков светлые имена и деяния достойных сынов и дочерей России, сделать память о них неотъемлемой частью национального сознания. Нация, отказываясь от своего героического прошлого, лишается исторической памяти, а без исторической памяти нет и исторического кругозора» [5].

Факультативное знание: что выпадает из школьного курса литературы

Как уже отмечалось, содержание школьного курса литературы в российском общем образовании регулируется несколько формально: и в Федеральном стандарте (Образовательный стандарт основного общего образования по литературе), и в «Перечне произведений», входящем в программу, присутствует значительный элемент свободы выбора. Педагог может сам определить тот набор конкретных книг тех или иных авторов, который, по его мнению, способен сформировать соответствующие компетенции и навыки. Таким образом, произошел некоторый отказ от имевшегося ранее опыта передачи минимального объема знаний о русской литературе советского периода, включавшей в целом ряде произведений мощные образы героев Великой Отечественной войны. Это, в свою очередь, подорвало налаженные метапредметные связи с курсом истории, географии, обществознания и др.

Если рассмотреть конкретно содержательный аспект существующей модели подготовки школьников в рамках курса литературы, то несложно увидеть: некоторые авторы, писавшие о Великой Отечественной войне и их произведения, остались в программе как рекомендованные, некоторые оказались не упомянуты совсем. Так, например, среди первых – А.Т. Твардов-

ский «Василий Теркин» (главы); М.А. Шолохов «Судьба человека» (в школе с родным (нерусским) языком обучения – фрагменты); литература второй половины XX века: Ф.А. Абрамов, Ч.Т. Айтматов, В.П. Астафьев, В.И. Белов, А.А. Вознесенский, Е.А. Евтушенко, Ф.А. Искандер, Ю.П. Казаков, В.Л. Кондратьев, Е.И. Носов, Б.Ш. Окуджава, В.Г. Распутин, Н.М. Рубцов, А.И. Солженицын, В.Ф. Тендряков, В.Т. Шаламов, В.М. Шукшин (4 произведения по выбору). Учитывая последнее упоминание о количестве текстов, которые можно выбрать для изучения, далеко не факт, что в этот набор попадут произведения, затрагивающие хоть как-то военный опыт, сюжеты касающиеся проблематики человека, общества и государства на войне. Кроме того, указанный список относится к так называемому «базовому» уровню подготовки, который существенно отличается от «профильного» (как правило, для учеников, планирующих далее специализироваться в рамках социально-гуманитарного цикла предметов и выбирать соответствующую направленность дальнейшего обучения в вузе).

Аналогичный список для «профильного» уровня выглядит иначе: стихотворения А.Т. Твардовского «Я убит подо Ржевом...», «Вся суть в одном единственном завете...», «Памяти матери», «Я знаю: никакой моей вины...», «К обидным горьким собственной персоны...», а также четыре стихотворения по выбору, А.А. Фадеева «Разгром»; М.А. Шолохова роман-эпопея «Тихий Дон». Проза второй половины XX века: Ф.А. Абрамов, Ч.Т. Айтматов, А.Г. Битов, В.И. Белов, В.В. Быков, В.С. Гроссман, В.Л. Кондратьев, В.П. Некрасов, Е.И. Носов, В.Г. Распутин, А.И. Солженицын, В.Ф. Тендряков, В.Т. Шаламов, В.М. Шукшин (четыре произведения по выбору; одно из них на тему Великой Отечественной войны). Когда создавалась действующая модель школьного литературного образования, гибкость и вариативность ее настройки рассматривались как крайне необходимые компоненты, позволяющие в большей мере учитывать потребности и интересы учеников, представляя им и учителям возможности выбора персонализированной, уникальной траектории получения знаний и навыков. Возможно, это вполне справедливо. Но тогда уже возникает вопрос относительно формирования существенной отличной картины литературного процесса и его связи с национальной историей у школьников, занимающихся на разных уровнях («базовом» и «профильном»). Можно предположить, что ученик, хорошо изучивший «роман-эпопею» «Тихий Дон», но при этом не читавший «Судьбу человека», будет плохо представлять себе жизненный путь, личный опыт и художественное осмысление своего времени тем же самым автором. Отсутствие специального указания на то, какие именно произведения могут составлять обязательный минимум, может привести к разрывности, крайней противоречивости представлений о художественном осмыслении критически важного этапа в российской истории.

Отдельно необходимо сказать о произведениях и авторах, которые вообще не попали в школьную программу. И этот список сам по себе говорит

о многом. Так, например, рекомендованными к прочтению, изучению в классе и самостоятельно не являются на сегодня следующие авторы и произведения: К.М. Симонова (трилогия «Живые и мертвые», «Солдатами не рождаются», «Последнее лето». Стихотворения «Я знаю ты бежал в бою...», «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...», «Майор привез мальчишку на лафете...»; Б.Л. Васильева «А зори здесь тихие...», «В списках не значился»; Ю. Бондарева «Горячий снег», «Батальоны просят огня»; К. Воробьева «Убиты под Москвой»; Э.Г. Казакевича «Звезда», В. Пикуля «Реквием каравану PQ-17»; В.П. Катаева «Сын полка»; Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке», А.А. Фадеева «Молодая гвардия»; В. Богомолова «В августе 44-го...»; Ю.С. Семенова «Испанский вариант», «Альтернатива», «Майор Вихрь», «17 мгновений весны...» Остается только сожалеть о том, что школьники, не прочитавшие в своем детстве и юности о катаевском Ване Солнцева (повесть вышла в 1945 году и была органичной частью школьной программы в советский период), не смогут представить собирательный образ ребенка на войне. Герой же «Повести о настоящем человеке» Бориса Полевого А.И. Мересьев (прототип реального А.П. Маресьева, ставшего Героем Советского Союза) многим нынешним ученикам и студентам совсем неизвестен. Некоторые из опрошенных автором студентов воспроизводили фабулу первого романа современного популярного писателя В. Пелевина «Омон Ра», где курсантам летного училища в Зарайске ампутировали ноги и обучают танцевать калинку. Но при этом немногие из читавших пелевинский текст смогли опознать авторскую недобрую иронию над образом героя войны, летчика-истребителя, совершившего 86 боевых вылетов и сбившего 10 самолетов противника.

Можно предположить, что постепенное вытеснение произведений советских авторов о Великой Отечественной войне стало неизбежным следствием деидеологизации системы образования и политической социализации в постсоветской России. Ведь вместе с этим произошел демонтаж крупнейшей детской всесоюзной организации – пионерии (аналогично и комсомола). Однако следует отметить, что в советском школьном курсе была выстроена четкая проекция литературного материала на соответствующий возраст (детский – юношеский – молодость). Именно поэтому достигались известное созвучие, убедительность и искренность образов читателю, его картине мира со всеми возрастными и иными особенностями: младшие школьники понимали трагедию «сына полка» Вани Солнцева, своего ровесника, а старшие школьники проникались чувствами к фадеевским героям «Молодой гвардии». В конечном счете большинству героев произведений о той войне Ю. Бондарева, В. Пикуля, Э. Казакевича, Б. Васильева было всего около двадцати лет.

Таким образом, «выпадение» ряда советских литературных произведений из списка изучения в школьном курсе литературы или их забвение и вытеснение новыми, более актуальными, сформировало ситуацию разрыва

преимущества образов в сознании молодых. Сейчас надо приложить немалые усилия, чтобы объяснить студентам феномен «Молодой гвардии» и подвиг героев-краснодонцев и не попасть под встречные вопросы о современной роли молодежного крыла «Единой России». Существующее культурное пространство для современных школьников, читающих, может быть, и не меньше в общем объеме, но, скорее всего, иного, не книжного текста (блоги, социальные сети, мессенджеры и т.д.), зачастую просто недоступно. Если даже в рамках школьной программы не сформирована установка чтения, самостоятельного освоения сложной по тематике композиции, представленным сюжетам и образам художественной литературы, то вряд ли она будет обеспечена в дальнейшем в процессе социализации.

Здесь мы видим серьезную проблему, проявление которой не только то самое «клиповое мышление» [6], и не только в новой, отличающейся от предшествующих поколений структуре памяти и внимания, не в наличии разнообразных средств коммуникации, гаджетов. Как свидетельствуют педагоги, нынешние подростки «живут по модели коллективного интеллекта, 74% из них о самых важных и интересных для себя вещах узнают через Интернет. Причем важной и интересной информация становится для них только тогда, когда прошла через своеобразный «фильтр»: через любимые группы в соцсетях, комменты в блогах, через мнение друзей и родителей. Классические СМИ новому поколению не интересны: телевизор в свободное время смотрит меньше четверти подростков. А учебники в рейтинге источников интересной информации для них остаются на одной из самых низких позиций»⁶.

Кино как «терапия чтения»

Сложившийся в настоящее время уклад социализации молодежи оставляет немного возможностей для существенных изменений в потреблении информации, представленной в виде привычных литературных текстов: все большее распространение получает практика прослушивания аудиокниг на персональных мобильных устройствах. Кроме того, значительную популярность приобретает просмотр кинофильмов и сериалов, серфинг в Интернете, который среди иных занятий сильно превосходит чтение. В этой связи следует отметить, что в нашей стране возрастает серьезная угроза развития массовой функциональной неграмотности. Последнюю часто определяют как ограниченную способность человека уверенно самостоятельно оперировать смыслами, почерпнутыми из прочитанного текста, улавливать особенности авторского стиля и понимать его замысел. К этому также стоит, на наш взгляд, добавить способности реконструировать контекст описываемых

⁶ Колесникова К. Гаджеты.net. Родители вторые после Интернета // Российская газета. 3 октября 2017. № 222 (7388).

событий и явлений и формировать целостное восприятие соответствующего художественного сюжета и представленных в тексте образов. По мнению Ж.Т. Тощенко, «функциональная неграмотность – свидетельство и следствие кризиса образования, точнее, его неспособности реализовать одну из своих важнейших функций – научить человека активному взаимодействию со средой» [7].

В условиях падения престижа чтения у детей и подростков (на 4–5-м месте после серфинга в Интернете, просмотра видеороликов, общения в социальных сетях) по результатам опросов родителей – свыше 33% детей не любят читать. То есть буквально на глазах формируется общество «вторично неграмотных». Это определение («вторично неграмотные», они же «функционально неграмотные») широко применяется при характеристике тех, кто умеют читать и писать, но при этом настолько утратили навыки делать это регулярно и правильно, чтобы эффективно функционировать в усложняющемся обществе.

При этом такие люди не отторгнуты в обществе в экономическом и профессиональном качестве. Но при этом почти все они ограничены в культурном развитии, оторваны от социального и интеллектуального общения. Одним из итогов использования ЕГЭ в школе преподаватели называют неспособность выпускников школ вспомнить сходу несколько книг о войне. В таких условиях приходится учитывать, что приоритетное влияние на сознание молодых россиян оказывает виртуальное пространство, встроенность в которое становится нормой для большинства из них. Можно было бы предположить, что, предпочитая чтению просмотр кинофильмов, школьники существенно компенсируют недостаток знаний о событиях и людях того времени. Отчасти это действительно так. По данным социологов, изучавших на протяжении пятнадцати лет особенности социализации молодых россиян, происходит заметное расширение круга кинофильмов, названных респондентами: если в 2005 г. он включал около 70 наименований, то в 2010 г. – уже более 150 наименований. В 2015 г. он включал 113 наименований, названных более чем пятью респондентами, и еще около 70 наименований были упомянуты пятью и менее респондентами [8].

Такую динамику сами социологи объясняют следующим образом. Во-первых, освоение произведений литературы и киноискусства стало менее публичным и институционализированным, но возможности для него благодаря интернет-технологиям значительно расширились. Во-вторых, и это главное, сама тема войны, художественная интерпретация событий военного времени оказываются более созвучными эмоциональному настроению молодых россиян, далеко не всегда нацеленных на научное, рациональное изучение событий исторического прошлого. Именно этим можно объяснить зафиксированное попадание Штирлица и Теркина в разряд реальных героев войны в рамках открытых вопросов респондентам.

Характерно, что роль телевидения в общем потоке художественных произведений, оказывающих влияние на современных студентов, не снижается, а, как показывают результаты третьего этапа мониторинга, только возрастает.

Кино как особый жанр искусства может в определенной степени компенсировать недостатки, связанные с освоением литературы в школьном курсе. По крайней мере в советское время это отчасти срабатывало: даже двоечники, пропустившие изучение «Молодой гвардии» А. Фадеева, «Живых и мертвых» К. Симонова или «Судьбу человека» нобелевского лауреата М. Шолохова, могли (и как правило это делали!) посмотреть отличный фильм, экранизацию романа. Как правило, такие картины снимали признанные мастера, а многие из снимавшихся в них актеров были участниками войны, имели солидный боевой опыт и награды.

В последнее десятилетие XX века и в начале нового кино стало не только сферой искусства и культуры, но и полем сражений новых информационных войн. Сначала тема Великой Отечественной была отвергнута и прочно забыта кинематографистами, но при этом она иногда «всплывала» в виде оскорбительных и карикатурных поделок. Появились образы, свидетельствующие об «иной войне», войне, имевшей другое социальное звучание, другой масштаб личного участия, другое видение потерь и победы. В кинофильмах стали появляться образы штрафников и «благородных зеков», сражавшихся героически даже без оружия. Им противостояли комиссары и заградотряды, которые, конечно, только и делали, что стреляли в спины и отсиживались в тылу.

«Иную войну» как направление в художественном осмыслении Великой Отечественной можно охарактеризовать следующими чертами. Во-первых, это обращение к ранее неизвестным массовому читателю и зрителю темам (коллорабационизм, подразделения штрафников, частная жизнь на войне...). Такой подход лишь отчасти наследует традицию «лейтенантской прозы» или «окопных» романов советских писателей, поскольку зачастую делает героями не воинов, честно сражавшихся и погибавших за Родину, а тех, кто по тем или иным причинам «оступился». Во-вторых, зачастую авторы таких кинопроизведений ориентированы на вполне коммерчески успешную стратегию – шок, ударное воздействие на чувства, возбуждение эмоций. При этом вопросы соответствия фактуре, точное попадание в контекст даже не возникают: благодаря такой «шоковой терапии» шанс прославиться, получить известность и даже признание гораздо выше. Например, экранизация книги «Сволочи» (роман В. Кунина, фильм А. Атанесяна, 2006), вызвала скандал на вручении премии MTV, где известный режиссер В. Меньшов вынужден был сделать заявление по поводу данной картины уже в процессе самой церемонии.

Отметим, что в российском культурном пространстве заметную роль сыграли фильмы об уголовниках в период Великой Отечественной войны («Гу-Га», «Штрафбат» и др.) или о бывших заключенных в качестве главных положительных героев («Последний бронепоезд», «Последняя пуля», «Ци-

тадель» и др.). Такое представление событий войны, конечно, серьезно искажает восприятие: подневольные заключенные воюют в тяжелых условиях, будучи преданными и страной, и партией, демонстрируются бессмысленные жертвы режима и т.д. По-видимому, в этом ракурсе было показано своеобразие исторической эпохи создания таких лент: «бандитская романтика» тех самых «лихих 1990-х», у некоторых считающихся «святыми». Кстати, и в театре такая стратегия – шокировать зрителя и представить «неожиданную версию» военного опыта – также срабатывала на обеспечение известности и признания (наиболее яркий пример здесь – «Голая пионерка», гротеск-роман М. Кононова, 2001; спектакль К. Серебренникова, 2005, театр «Современник»).

Конечно, такая кинопродукция не приносит пользы с позиции «терапии чтения», но при этом существенно размывает сознание зрителя, искажает исторический контекст и просто грубо фальсифицирует факты. И если старшие поколения россиян имеют определенный иммунитет к подобным культурным артефактам и могут разобраться в попытках манипуляции сознанием (в том числе и потому, что много читали в школьный период и продолжают читать сегодня), то молодежи гораздо сложнее.

Определенный поворот к проблематике исторической памяти в целом произошел в 2010-х гг., что способствовало помимо прочего изменениям в кинопроизводстве.

Стали появляться достойные фильмы о Великой Отечественной войне. В качестве примеров отметим некоторые из них (в скобках указаны режиссеры и бюджеты на съемки):

- «Сталинград» (2013, Ф. Бондарчук, 30 млн долл.),
- «Брестская крепость» (2010, А. Котт, 225 млн руб.);
- «Белый тигр» (2012, К. Шахназаров, 11 млн долл.);
- «В августе 44-го...» (2002, М. Пташук, 5 млн долл.).

Отличительными чертами таких картин являются следующие. Во-первых, как правило, они наряду с литературным источником (редко) основаны на обращении к воспоминаниям, архивам, профессиональных консультациях с историками, специалистами по военной технике и вооружению (часто). Во-вторых, такие фильмы ориентированы на современный уровень качества картинки, света, звука, что позволяет в прокате конкурировать с голливудской продукцией и является серьезным побудительным мотивом для молодых идти в кино. В-третьих, такие фильмы продолжают лучшие традиции советской актерской школы и демонстрируют яркие, запоминающиеся образы, в том числе сыгранные молодыми актерами.

Заключение

Итак, подведем некоторые итоги. Констатация недостатков в практической работе по социализации российских школьников на уровне образовательных программ уже стала общей тенденцией. Но этого пока недостаточно для изменения ситуации в лучшую сторону. Для того чтобы сдвинуть ее с

места, необходима серьезная коррекция документов, определяющих содержание курса литературы в основной средней школе. Возможно, стоит обратить внимание на имеющийся опыт сдачи ЕГЭ, что позволит оценить результаты школьников уже на длинной дистанции и предложить решения по совершенствованию подготовки детей.

Отдельной важной задачей видится формирование установки на чтение как элемент общей культуры, развитие традиций семейного чтения, литературных дискуссий, обсуждений новинок кино и театра. Это во многом могло бы подтянуть общий культурный уровень наших детей, создать условия для заинтересованного общения «отцов и детей» по самым важным и сложным вопросам национальной истории. Наконец, наверное, надо вернуться к обсуждению варианта принятия «школьного канона» литературы второй половины XX века (по аналогии с преемственностью в течение десятилетий канона русской классики!) с фиксацией наиболее важных произведений о Великой Отечественной войне.

Библиографический список

- [1] *Кастельс М.* Власть коммуникации. М.: Изд-во ВШЭ, 2017. С. 173.
- [2] *Богатуров А. Д., Виноградов А.В.* Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории // Восток – Запад – Россия: сборник статей. К 70-летию академика Н.А. Симонии. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 109–128.
- [3] *Bennett S.E.* Time to Look Again at Young People and Politics // *Indiana Journal of Political Science.* 2007. Winter. P. 2.
- [4] *Шестопал Е.Б.* Развитие российской политической психологии в постсоветский период // *Политическая наука в России: проблемы направления, школы (1990–2007)*, отв. ред. О.Ю. Малинова. М.: РОССПЭН, 2008. С. 175.
- [5] *Самсонова Т.Н.* О гражданском воспитании в условиях институциональных изменений в современной России // *Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология.* 2012 № 2. С. 46.
- [6] *Гиренок Ф.И.* Клиповое сознание: клипы в науке, клипы в философии, клипы в политике, клипы в искусстве, клипы в образовании. Москва: Проспект, 2016.
- [7] *Тощенко Ж.Т.* Парадоксальный человек. Москва: Гардарики, 2001. С. 320.
- [8] *Вишневский Ю.Р., Нархов Д.Ю.* Динамика патриотических установок студенческой молодежи: по материалам мониторинга «российское студенчество // *Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне: материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» / под общ. ред. Ю.Р. Вишневского. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 198.*

References

- [1] *Castells M.* Power of Communication. M., 2017. (In Russ.).
- [2] *Bogaturov A.D., Vinogradov A.V.* Enclave and conglomerate type of development. Experience of trans-system theories. East – West – Russia. Collected papers to the 70th anniversary of academician N.A. Simony. M., 2002. (In Russ.).
- [3] *Bennett S.E.* Time to Look Again at Young People and Politics. *Indiana Journal of Political Science.* 2007.

- [4] Shestopal E.B. Development of Russian political psychology in post-soviet era. In: Malinova O.Y, editor. *Political Science in Russia: problems, directions, schools*. M., 2008. (In Russ.).
- [5] Samsonova T.N. On civil education in conditions of constitutional changes in modern Russia. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2012. № 2: 46. (In Russ.).
- [6] Girenok F.I. *Clip mind: clips in science, philosophy, politics, art, education*. M., 2016. (In Russ.).
- [7] Toschenko J.T. *Paradoxical man*. M., 2001. (In Russ.).
- [8] Vishnevskii Y.R., Narhov D.Y. Dynamics of patriotic sets across students: materials of «Russian students» research. *The War Was Yesterday... Russian students are talking about Great Patriotic War: materials of «Russian students are talking about Great Patriotic War» research*. Ekaterinburg, 2015. (In Russ.).

Информация об авторе:

Кузнецов Игорь Иванович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, исполнительный директор Российского общества политологов (ORCID ID: 0000-0003-0274-8728) (e-mail: politbum@yandex.ru).

Information about the author:

Igor I. Kuznetsov – Doctor of Political Science, Professor of the Department of History and Theory of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University CEO of the Russian Society of Political Scientists (ORCID ID: 0000-0003-0274-8728) (e-mail: politbum@yandex.ru).

БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ COUNTER-TERRORISM

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-262-275

Научная статья / Research article

Политические проблемы сотрудничества России и ЕС в борьбе с международным терроризмом на уровне полиции и спецслужб

Ю.И. Надточей¹, М. Малфет²

¹Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Российская Федерация, 111395, Москва, Проспект Вернадского, 76

²DLA Piper UK LLP, Брюссельская коллегия адвокатов
Бельгия, 1050, Брюссель, Авеню Луиза, 106

¹ynadtochey@yandex.ru; ²milkamalfait@gmail.com

Political Issues of Cooperation on Global Terrorism between the EU and Russia's Police and Special Agencies

Yu.I. Nadtochey¹, M. Malfait²

¹Moscow State Institute of International Relations (University) MGIMO University
76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation

²DLA Piper UK LLP, The Brussels Bar
106 Avenue Louise, Brussels, 1050, Belgium

¹ynadtochey@yandex.ru; ²milkamalfait@gmail.com

Аннотация. В статье разъясняются институциональные основы сотрудничества Россия–ЕС, в частности, в сфере борьбы с терроризмом. Под эгидой Постоянного совета партнерства был установлен политический диалог, в рамках которого были заключены четыре дорожные карты. Благодаря «дорожной карте» по общему пространству свободы, безопасности и справедливости Россия имеет возможность не только устанавливать двусторонние отноше-

© Надточей Ю.И., Малфет М., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ния с государствами – членами ЕС, но и с ЕС как организацией. В данной статье обсуждаются практические пути сотрудничества России с ЕС и его государствами-членами в вопросах борьбы с терроризмом. Автор подчеркивает отличительные черты между простым обменом информацией и реальными объединенными оперативными силами. Отмечается, что сотрудничество Россия–ЕС сможет улучшиться только в том случае, если обе стороны будут рассматривать одни террористические организации с согласованных позиций.

Ключевые слова: Россия, ЕС, Европол, Евроюст, *acquis communautaire*, борьба с терроризмом, совместные следственные группы, политический диалог

История статьи: Поступила в редакцию 09.02.2020. Принята к публикации 14.02.2020.

Для цитирования: *Надточей Ю.И., Малфет М.* Политические проблемы сотрудничества России и ЕС в борьбе с международным терроризмом на уровне полиции и спецслужб // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 2. С. 262–275. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-262-275

Abstract. This article explains the institutional framework for EU-Russia cooperation, in particular in the field of combating terrorism. Under auspices of the Permanent Partnership Council, a political dialogue has been established, with four road maps concluded on its sidelines. Due to the Road map on the Common Space of Freedom, Security and Justice, Russia has the possibility not only to establish bilateral relations with EU member states, but also with the EU as an organization. This article discusses practical ways for Russia to cooperate with the EU and its Member States in the fight against terrorism. The authors emphasize the distinctive features between the simple exchange of information and real joint operational forces. This article highlights that Russia-EU cooperation will improve only if both sides consider the same terrorist organizations from common angle.

Keywords: Russia, EU, Europol, Eurojust, *acquis communautaire*, fight against terrorism, joint investigation groups, political dialogue

Article history: Submitted on 09.02.2020. Accepted 14.02.2020.

For citation: Nadtochey Yu.I., Malfait M. Political Issues of Cooperation on Global Terrorism between the EU and Russia’s Police and Special Agencies. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 2 (2): 262–275. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-262-275

Введение

Увеличивающиеся с каждым годом масштабы террористической деятельности, ее трансграничный характер и нарастающая частота диктуют потребность в консолидации международных усилий по борьбе с этой угрозой безопасности. Однако на практике антитеррористическое сотрудничество (на уровне спецслужб и правоохранительных органов) остается затрудненным, о чем наглядно свидетельствует пример взаимодействия России и Европейского союза в антитеррористической сфере. Обе стороны зачастую обладают разным видением проблем безопасности (особенно ее внутренних аспектов), разными списками террористических организаций, ощущают на себе различия культур и традиций правоприменения и правосознания.

Запоздалые усилия ЕС по реагированию на террористическую угрозу, помноженные на позднее начало коммунитаризации сферы внутренней безопасности Союза в рамках его интеграционных политик, обусловили и неразвитость отношений Брюсселя с внешними партнерами, в том числе Москвой. Отношения с ней по проблематике безопасности у ЕС не были равными, никогда не отличались особой широтой и глубиной, были отягощены взаимным недоверием партнеров друг к другу, высоким уровнем политизации обсуждаемых вопросов, а также несовместимостью концептуальных подходов и законодательных норм в правоохранительной сфере.

Сотрудничество России с отдельными странами ЕС в сфере противодействия терроризму складывается несколько лучше. Москва может взаимодействовать с ними двумя способами: путем обмена данными и посредством реального оперативного сотрудничества с правоохранительными органами и службами безопасности. Цель настоящей статьи, таким образом, состоит в том, чтобы выявить политические и организационные причины, препятствующие сотрудничеству правоохранительных органов России и ЕС (как на уровне сообщества в целом, так и на уровне отдельных стран) и обозначить пути их преодоления.

Россия и ЕС: истоки сотрудничества в правоохранительной сфере

Несмотря на накопленный за полтора десятилетия совместный опыт противодействия терроризму, уровень сотрудничества РФ и ЕС на этом треке, в целом остается невысоким, что обусловлено целым рядом причин как сугубо правового, так и политического порядка.

Подтверждением этому служит и недостаток специализированных исследований по данной проблематике в российской и европейской экспертно-научной среде. Объемы исследований на эту тему, подготовленные специалистами, значительно уступают по степени освещенности другим более обсуждаемым вопросам развития сотрудничества России и ЕС в правоохранительной области – вопросам визового режима (Л. Биссон [1–3], О. Корнеев [4], О. Потемкина [5–8], В. Войников [9–11]), гармонизации законодательства России и ЕС (С. Голунов [12; 13], Р. Эрнандес и Сагрера [14–17], В. Кононенко [18], С. Лавенекс [19]) и правовой аппроксимации России к нормам ЕС (М. Энтин и В. Войников [20], П. Калиниченко [21–23]).

Впервые сотрудничество в правоохранительной области было обозначено в качестве сферы совместных интересов России и ЕС в VIII разделе Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, заключенного сторонами в 1994 году. Однако текст этого документа, тем не менее, не содержал каких-либо ссылок на возможность сотрудничества в области борьбы с терроризмом. Не упоминалось об этом и в тексте Коллективной стратегии ЕС в отношении России, принятой Союзом в 1999 году, так как содержание контактов Моск-

вы и Брюсселя на тот момент сводилось преимущественно к вопросам экономики и торговли, а проблемы безопасности Россия и европейские страны предпочитали обсуждать в других форматах и на площадках других организаций (ОБСЕ, НАТО) или на двустороннем уровне. Помимо этого российские власти, зная о практике использования Евросоюзом принципа «обусловленности» (conditionality) в отношениях с третьими странами, опасались его апробации и на почве российско-европейских контактов. Структуры ЕС вполне могли связать перспективы углубления сотрудничества в области внутренней безопасности с напрямую не связанными с ней вопросами – состоянием свободы, демократии, защитой прав меньшинств. И поскольку у России и ЕС по этим темам сохранялись заметные разногласия, попытки неявного «экспорта» евросоюзских законодательных норм и стандартов в российское правовое поле, могли рассматриваться как посягательство на суверенитет РФ. В этой связи примечательно, что Россия в своей «ответной» Стратегии в отношении ЕС на среднесрочную перспективу (2000–2010) сделала акцент на защиту своих суверенных национальных интересов, а не на общие нормы и ценности, к которым Брюссель апеллировал при выстраивании отношений с Москвой [24].

Учитывая то обстоятельство, что Россия изначально исходила из необходимости равенства в отношениях с ЕС и не желала становиться объектом его «нормативной экспансии», становление общих институциональных рамок сотрудничества в правоохранительной сфере между сторонами происходило с трудом и сопровождалось многочисленными сложностями. Они не скрывали своих разногласий и разночтений в трактовках террористической деятельности, не создавали единых списков террористических организаций, что обеспечивало им большую свободу рук в выборе политико-дипломатических средств при выстраивании отношений с теми или иными политическими группировками и организациями. Ситуация усугублялась еще и тем, что на уровне ЕС, в отличие от России, не существовало и по-прежнему не существует единого общепринятого перечня террористических организаций.

В Европе сложилась своего рода трехуровневая система подобных списков: ориентиры, на которые равняются органы внутренних дел и спецслужбы стран ЕС в своей антитеррористической деятельности, задаются списками ООН, самого Союза и, наконец, отдельных стран-членов [25]. При этом каждая из них, несомненно, обладает своим «видением и подходами» к проблемам терроризма и системой критериев отнесения тех или иных лиц или организаций к числу террористических. Не сложилось в странах ЕС и единообразного нормативного закрепления понятия террористического акта, который имеет так называемую бланкетную основу, отсылающую к положениям различных международных нормативно-правовых актов [26].

Все это приводило к тому, что единых подходов к противодействию террору у России и ЕС не было, а перечень террористических организаций,

которым они пользовались значительно различался. Например, власти отдельных стран Евросоюза охотно принимали на своей территории чеченских эмиссаров А. Масхадова, всячески критикуя российские контртеррористические усилия, предпринимаемые Москвой на Северном Кавказе в ходе первой и второй чеченских войн. Россия же, в свою очередь, открыто демонстрировала готовность к диалогу с палестинской группировкой ХАМАС, причисленной Советом ЕС к числу террористических организаций.

Как следствие, интенсификация сотрудничества по антитеррористической проблематике более-менее четко обозначилась только в начале 2000-х годов, что было вызвано потребностью более тесной координации международных усилий на фоне целой серии террористических актов, потрясших страны Запада (США, Испанию, Великобританию) в указанный период. В отношениях России и Евросоюза впервые правоохрнительная проблематика была обособлена от прочих сфер сотрудничества в рамках так называемого Совместного плана действий Европейского союза и России по борьбе с организованной преступностью, подписанного сторонами в марте 2000 года. В ноябре 2003 года конкретизация этого плана вылилась в подписание между Европейской полицейской организацией (Европол) и Российской Федерацией Соглашения о сотрудничестве, которое позволило установить формат взаимодействия между правоохрнительными структурами России и ЕС [27]. Стороны также обозначили рамки межведомственного диалога, назначив ответственных лиц и организации: со стороны ЕС – Европол, Евроюст и Фронтекс, а со стороны России – МВД (ведущее агентство), ФСБ, Федеральная таможенная служба и Федеральная служба финансового мониторинга. Контакты также были установлены через советников Евросоюза в Москве, отвечающих за вопросы юстиции и внутренних дел, и координатора ЕС по борьбе с терроризмом, поддерживающего регулярные контакты с российскими властями для обмена передовым опытом и извлеченными уроками [17].

Свое дальнейшее развитие диалог по борьбе с терроризмом получил в рамках «дорожной карты» по общему пространству свободы, безопасности и правосудия, подписанной в 2005 году и впервые выведшей сотрудничество России и ЕС в области антитеррора на одно из первых мест в списке общих целей как для Москвы, так и для Брюсселя. А в 2006 году к сотрудничеству между Россией и ЕС подключилась и третья сторона – Соединенные Штаты Америки. Установился трехсторонний диалог между ЕС, Россией и США в области юстиции и внутренних дел, результатом которого стала Венская декларация 2006 года, направленная на укрепление правоохрнительных связей между тремя участниками декларации [28].

Обмен информацией, оперативное сотрудничество и проблемы политизации сотрудничества

Особое внимание в рамках интенсифицировавшегося между РФ и ЕС диалога уделялось обмену информацией на уровне правоохрнительных ор-

ганов. В частности, в составе МВД России был создан национальный контактный пункт – специальное подразделение, отвечающее за обмен информацией и координацию совместной деятельности с Европоллом. В обязанность пункта входило осуществление проверочных мероприятий в отношении российских организованных преступных групп, специализирующихся на совершении преступлений трансграничного характера, действующих на территории стран ЕС. Со стороны МВД России был также налажен процесс рассылки поступавших от Европола информационно-аналитических материалов о выявленных зарубежными правоохранительными органами фактах пересылки взрывных устройств, сведений об их технических характеристиках и изготовлении, а также предназначенных для применения в террористических целях радиоактивных веществ. Одновременно с этим проводился и комплекс мероприятий по подключению российских антитеррористических подразделений к специализированной информационной платформе Европола [29].

В то же время, несмотря на некоторые успехи, установившееся межведомственное взаимодействие российских правоохранительных структур с Европоллом все же носило маргинальный характер. Сам характер соглашения между органами внутренних дел России и ЕС не предполагал проведения совместных операций или расследований, ограничивая сотрудничество сторон лишь обменом стратегической и технической информацией, а также передовым опытом. Обмен же оперативными данными, в том числе персональными, согласно типу соглашения (так называемое стратегическое соглашение), предусмотрен не был. Трансфер таких данных мог осуществляться только на основе соглашения другого типа (операционного соглашения), которое Россия и ЕС так и не заключили, что, однако, не исключило возможности сотрудничества сторон по линии судебных органов как на уровне отдельных стран-членов ЕС, так и через Евроюст.

Отказ властей ЕС от подписания операционного соглашения не в последнюю очередь объяснялся специалистами различной правовой культурой сотрудничающих сторон. Скрупулезность, с которой Союз подходит к защите персональных данных, переносится в том числе и на правоохранительную сферу, где нормы и стандарты достаточно высоки, а их выполнение не всегда под силу внешним партнерам. Неготовность последних (в данном случае России) перенимать эти стандарты, по некоторым оценкам, и стала препятствием на пути углубления сотрудничества с Европоллом, хотя без специального операционного соглашения совместная борьба сторон с международным терроризмом могла носить лишь ограниченный характер [30]. Вместе с тем ЕС, не исходящий из критической значимости России применительно к правоохранительной области, не был склонен и к равноправию в отношениях с ней, руководствуясь собственным коммунитарным правом (*acquis communautaire*) в международных отношениях (что в целом ряде случаев было неприемлемо для Москвы) и, таким образом, «разрабатывал контртеррористические программы в отношении России (больше, чем с Россией)» [28].

Свой негативный отпечаток на состояние сотрудничества России и ЕС накладывает и общеполитическая политическая ситуация в Европе и мире. Те или иные сюжеты большой политики используются сторонами (прежде всего ЕС) как предлог для сокращения масштабов или же полной приостановки сотрудничества, наглядным примером чему начиная с 2014 года стала кризисная ситуация вокруг Украины. С началом кризиса положительная динамика контактов правоохранительных органов ЕС и России была прервана, а практическое сотрудничество между Москвой и Брюсселем по вопросам безопасности приостановлено. Не способствовала развитию диалога и избранная руководством ЕС и его отдельными странами санкционная политика в отношении России. Не имеющая прямого отношения к борьбе с терроризмом, она только способствовала большей отчужденности бывших партнеров. Последняя общая инициатива ЕС и России в антитеррористической области датирована Совместным заявлением о борьбе с терроризмом в январе 2014 года, после саммита Россия–ЕС. Вскоре после этого политический диалог между сторонами был заморожен.

Даже серия терактов, прогремевших в европейских столицах в 2015 и 2016 годах (Париже и Брюсселе) и совпавших по времени со взрывом российского гражданского авиалайнера над Синаем, не послужили стимулом для интенсификации антитеррористического сотрудничества в той мере, как это некогда случилось после терактов 11 сентября 2011 года в США. Настороженно и весьма скептически отнеслись страны Европейского союза и к российской инициативе создания широкой международной коалиции, способной противостоять международному терроризму как на Ближнем Востоке, так и за его пределами, которая была озвучена президентом России В.В. Путиным на юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2015 года.

Европол: проблема полномочий

В свете обозначенных проблем, препятствующих сотрудничеству России с ЕС как с единым сообществом, действенной альтернативой для нее может стать углубление двусторонних контактов с отдельными членами Союза, тем более что и само коммунитарное законодательство ЕС подталкивает Москву к выбору именно такого решения. Россия не может сотрудничать с ЕС на оперативном уровне просто потому, что у последнего нет оперативных компетенций в области внутренней безопасности и правоприменения. Таковыми обладают именно государства-члены, а не Союз в целом. Его специализированные агентства (Европол и Евроюст) не обладают оперативными полномочиями по аресту преступников, этой прерогативой по-прежнему наделены лишь национальные полицейские силы. Сотрудники Европола не могут носить оружие, проводить обыски, заниматься прослушкой разговоров, допрашивать, арестовывать или задерживать подозреваемых [31]. Статья 4 Договора о функционировании Европейского союза (ДФЕС) устанавливает, что свобода, справедливость и внутренняя безопасность являются «общими

компетенциями»¹, а в соответствии со ст. 5, пар. 3, Договора о Европейском союзе (ДЕС)² все в сфере внутренней безопасности, например, терроризм (если нет его транснациональной составляющей) является компетенцией более близкой нациям [32]. Именно государства-члены в лице уполномоченных органов, а не Европол как организация компетентны арестовывать преступников и террористов. Более того, даже самостоятельность этой структуры после вступления в силу Лиссабонского договора о реформе ЕС в значительной мере сократилась. Так называемый «новый» Европол – это уже не просто международная организация, учрежденная на основе теперь уже утратившей силу международной конвенции, а специальное учреждение ЕС. Оно подчиняется нормам коммунитарного законодательства и получает финансирование напрямую из бюджета Союза, что также в определенной мере сокращает его возможности в выборе форматов сотрудничества с внешними партнерами.

Сотрудничество же с ЕС при таком раскладе может ограничиваться скорее обменом информацией (передовым опытом, обменом данными, консультациями, семинарами, предоставлением рекомендаций и т.д.), но не более того. Единственным исключением из этого списка может стать разве что сотрудничество на уровне совместных следственных групп (joint investigative teams) (далее – ССГ). Этот инструмент международного сотрудничества, основанный на соглашении между компетентными органами, как судебными (судьи, прокуроры, следственные судьи), так и правоохранительными, двух или более государств. Подобные группы создаются на ограниченный срок и для конкретной цели, а именно для проведения уголовных расследований в одном или нескольких участвующих государствах. Помимо прочего они могут использоваться в качестве специальных бригад, созданных для выявления террористических ячеек. Подобные группы являются действенным инструментом сотрудничества, облегчающим координацию расследований и судебных преследований, проводимых параллельно в нескольких государствах³. Участие в ССГ наделяет офицеров Европола де-факто оперативными полномочиями [31].

Правовая основа ЕС для создания ССГ между государствами-членами представлена в статье 13 Конвенции о взаимной помощи в области уголовного правосудия между государствами – членами Европейского союза 2000 года (Конвенции о ВПП)⁴, а также в Рамочном решении Совета 2002/465/ИНА о

¹ Treaty on the Functioning of the European Union (TFEU) // Eur-lex. 26 октября, 2012. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A12012E%2FTXT> (accessed: 11.04.2019).

² Treaty on the European Union (TEU) // Eur-lex. 26 октября, 2012. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012M%2FTXT> (accessed: 11.04.2019).

³ JITs. Eurojust. URL: <http://www.eurojust.europa.eu/Practitioners/JITs/Pages/JITs-sitemap.aspx> (accessed: 14.06.2019).

⁴ MLA Convention. Eurojust. URL: <http://www.eurojust.europa.eu/doclibrary/JITs/JITs%20framework/2000%20EU%20Mutual%20Legal%20Assistance%20Convention/CAonMLA-2000-05-29-EN.pdf> (accessed: 04.06.2019).

совместных следственных группах⁵, которое было принято с учетом медленного прогресса в деле ратификации. Само Рамочное решение утратит силу после вступления в силу Конвенции о ВПП во всех государствах-членах. На сегодняшний день все государства-члены внедрили одну или обе из этих правовых основ⁶. Следуя ст. 1 (12) Рамочного решения Совета 2002/465/ЈНА⁷ об ССГ, а также Конвенции о взаимной правовой помощи от 2000 года, Евроюст и Европол могут участвовать в создании ССГ. При этом в компетенцию Евроюста входят: оценка пригодности дела для создания ССГ, помощь в разработке соглашения о создании ССГ, юридическая и практическая поддержка деятельности ССГ, включая поддержку совместных операций (координационных центров), согласование следственных и прокурорских стратегий, урегулирование юрисдикции и финансовая поддержка⁸. Что касается Европола, то его деятельность в области ССГ регулируется ст. 5 Регламента Европола [33]. Сотрудники Европола могут участвовать в деятельности тех групп, в задачу которых входит расследование преступлений, подпадающих под сферу деятельности этой организации.

Хотя ССГ – это соглашения, подписанные между государствами – членами ЕС (двумя или более), в них могут участвовать и третьи государства, находящиеся за пределами ЕС, при условии, что между участвующими государствами существует правовая основа для создания подобных групп. Эта основа может облекаться в форму международно-правового документа, например, двустороннего или многостороннего соглашения или национального законодательства (например, статьи в уголовно-процессуальных кодексах)⁹. Пока такого специального соглашения с Россией не заключено, а Россия не внедрила специальные статьи в своем уголовном кодексе. Между Россией и ЕС состоялись дискуссии с целью установления сотрудничества по созданию ССГ, которые, однако, ни к чему не привели, в том числе из-за отсутствия финансовой поддержки со стороны Евроюста¹⁰.

Заключение

Значение обмена информацией между полицией и подразделениями по борьбе с терроризмом растет с каждым днем, и поэтому российские право-

⁵ Council Framework Decision 2002/465/JHA // Eur-lex. 26 февраля, 2002. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32002F0465&from=EN> (accessed: 16.06.2019).

⁶ Legal Framework. Eurojust. URL: <http://www.eurojust.europa.eu/Practitioners/CCGs/Pages/legal-framework.aspx> (accessed: 02.04.2019).

⁷ Role of Eurojust and Europol. Eurojust. URL: <http://www.eurojust.europa.eu/Practitioners/CCGs/Pages/roles-Eurojust-Europol.aspx> (accessed: 05.04.2019).

⁸ Europol Regulation // Eur-lex. 24 мая, 2016. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1479897160399&uri=CELEX:32016R0794> (accessed: 02.04.2019).

⁹ Legal Framework. Eurojust. URL: <http://www.eurojust.europa.eu/Practitioners/CCGs/Pages/legal-framework.aspx> (accessed: 02.04.2019).

¹⁰ Интервью Евроюст, 26 февраля 2019 года, Гаага.

охранительные органы заинтересованы в обмене информацией на уровне ЕС, а также в доступе к интегрированным базам данных. Это возможно только при успешных переговорах по обмену информацией на уровне ЕС и при улучшении политического климата [33]. Обмен данными, относящимися к любым видам террористической деятельности, должен иметь первостепенное значение как для России, так и для Союза и его отдельных стран-членов. Вне всякого сомнения, обеим сторонам было бы выгодно подписать операционное соглашение, чтобы обмениваться персональными данными о лицах, подозреваемых в причастности к терактам или в планировании их подготовки.

Основания для заключения такого соглашения, несмотря на все сложности в отношениях Москвы и Брюсселя, все же имеются. С чисто правовой точки зрения у ЕС становится все меньше аргументов в пользу отказа от договоренностей подобного рода, поскольку Россия подписала Конвенцию о защите физических лиц в отношении автоматической обработки персональных данных (СДСЕ № 108), а это является обязательным условием для заключения соглашений о сотрудничестве с ЕС, позволяющих обмениваться персональными данными. Все барьеры, лежащие на пути к соглашению, следует рассматривать в сугубо политическом ракурсе. В случае улучшения климата отношений между сторонами, что рано или поздно произойдет, эти препятствия могут быть устранены в разумные сроки [34].

Пока же этого не случилось, российским правоохранителям и их коллегам Европы остается ограничиться двусторонним партнерством на уровне ведомств отдельных стран ЕС, тем более что такое сотрудничество даже в условиях «заморозки» отношений России с ЕС по вопросам безопасности никогда не прерывалось и в ряде случаев развивается довольно успешно. На практике это не означает, что Москве следует отказаться от взаимодействия с ответственными за безопасность коммунитарными структурами ЕС. В конечном итоге российские власти рассматривают антитеррористическое сотрудничество с ЕС на разных уровнях (национальном и наднациональном). Оперативные контакты между правоохранительными и разведывательными органами России и с государствами-членами никогда не прерывались, но совместная деятельность осложняется из-за отсутствия политического диалога¹¹.

В этом смысле важно, чтобы Россия и страны – члены ЕС синхронизировали подходы к подготовке списков террористических организаций и лиц, причастных к террористической деятельности, масштабировали позитивный опыт взаимодействия на все большее количество проблемных тем для совместной работы. В конечном итоге необходимо признать, что ключ к улучшению взаимопонимания российских и европейских силовиков на сего-

¹¹ Convention 108 // Council of Europe. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/108> (дата обращения: 20.06.2019).

дняшний день лежит в плоскости теории «малых дел». Общие успехи зависят не столько от документов, заявлений и деклараций, сколько от практической работы в области решения общих задач на антитеррористическом фронте. Выполнение именно этого условия способно в конечном итоге принести обеим сторонам гораздо больше отдачи, чем любые политические договоренности на высоком уровне, которые не наполняются практическим содержанием и оставляют широкое пространство для политических маневров и игр.

Библиографический список

- [1] *Биссон Л.* Сотрудничество России и ЕС в сфере миграции // *Мировая экономика и международные отношения*. 2014. № 4. С. 72–80.
- [2] *Bisson L.* Cooperation between Russia and the EU in the sphere of migration // *Russian Politics and Law*. 2014. Vol. 52. № 6. P. 76–93. DOI: 10.2753/RUP1061-1940520605
- [3] *Биссон Л., Потемкина О.* Свобода передвижения граждан в Европейском союзе – достижение или проблема? // *Актуальные проблемы Европы*. 2014. № 4. С. 12–29.
- [4] *Korneev O.* Deeper and Wider than a Common Space: European Union-Russia Cooperation on Migration Management // *European Foreign Affairs Review*. 2012. P. 605–624.
- [5] *Potemkina O.* EU–Russia cooperation on the common space of freedom, security and justice – a challenge or an opportunity // *European Security*. 2010. Vol. 19. № 4. P. 551–568.
- [6] *Потемкина О.* Усиление угрозы терроризма в Европе и ответ Европейского союза // Аналитическая записка. ИЕ РАН. 2016. № 39. 20 апреля, 2016. Режим доступа: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/an39.pdf> Accessed: 05.02.2020
- [7] *Potemkina O.* EU-Russia cooperation in Justice and Home Affairs // *The EU-Russia Review*. 2006. № 2.
- [8] *Potemkina O.* Some Ramifications of Enlargement on the EU-Russia Relations and the Schengen Regime // *European Journal of Migration and Law*. 2003. № 5.
- [9] *Korneev O., Voinikov V.* Problems and prospects of EU – Russia dialogue on visa-free travel // *Baltic Region*. 2013. № 3.
- [10] *Корнеев О., Войников В.* Проблемы и перспективы безвизового диалога России и ЕС // *Балтийский Регион*. 2013. № 3.
- [11] *Voinikov V.* The facilitation of freedom of movement between Russia and the European Union: prospects and legal issues // *Baltic Region*. 2011. № 3.
- [12] *Golunov S.* EU-Russian Border Crossing: The Dialogical Perspective // *Geopolitics*. 2013. Vol. 18. № 4. P. 933–953. DOI: 10.1080/14650045.2013.789867
- [13] *Golunov S.* Organizing against Border Barriers: The Case of EU-Russian Border // *Alternatives*. 2017. Vol. 41. № 3. P. 154–171.
- [14] *Hernández i Sagrera R.* The development of cooperation between the European Union and Russia on migration issues: from “the Common spaces” to the actual implementation // *Baltic Region*. 2011. № 3.
- [15] *Hernández i Sagrera R.* The EU–Russia readmission–visa facilitation nexus: an exportable migration model for Eastern Europe // *European Security*. 2010. Vol. 19. № 4. P. 569–584. DOI: 10.1080/09662839.2010.526934
- [16] *Hernández i Sagrera R.* The EU, Russia and Migration Cooperation in the Eastern Partnership countries: the cases of readmission, border management and visas // *Bachmann K. Stadtmüller E., editors. The European Union’s Neighborhood Challenge. Transborder cooperation, migration and Europeanization*. Wrocław: Wrocław University Press, 2010. P. 215–228.
- [17] *Hernandez i Sagrera R., Potemkina O.* Russia and the Common Space on Freedom, Security and Justice. European Parliament, 2012.
- [18] *Kononenko V.* What’s new about today’s EU-Russia border? The Finish Institute of International Affairs (FIIA), 2004.

- [19] *Lavenex S.* Justice and Home Affairs and the EU's New Neighbours: Governance Beyond Membership? // Henderson K., editor. *The Area of Freedom, Security and Justice in the Enlarged Europe. One Europe or Several?* London: Palgrave Macmillan, 2005.
- [20] *Войников В., Энтин М.* К 20-летию пространства свободы, безопасности и правосудия ЕС // *Современная Европа*. 2019. № 4. С. 5–15.
- [21] *Kalinichenko P.* Post-crimean twister: Russia, the EU and the law of sanctions // *Russian Law Journal*. 2017. Vol. 5. № 3. P. 9–28. DOI: <https://doi.org/10.17589/2309-8678-2017-5-3-9-28>
- [22] *Kalinichenko P.* The Development of Legal Framework for Russia-EU Relations: 2010 Results (2011) // *Baltic Region*. 2011. Vol. 3. № 9. P. 27–33.
- [23] *Romanova T.* Studying EU-Russian relations: an overview in search for an epistemic community // *Journal of Contemporary European Studies*. 2019. Vol. 27. № 2. P. 135–146. DOI: 10.1080/14782804.2018.1515729
- [24] *Averre D., Zaslavskaya N.* EU-Russia political and security cooperation: major research trends // *Journal of Contemporary European Studies*. 2019. Vol. 27. № 2. P. 147–158. DOI: 10.1080/14782804.2018.1534726
- [25] *Соколов И.* Террористические организации на территории Европейского Союза: попытка институционального анализа // *Россия и современный мир*. 2019. № 3.
- [26] *Панасик Н.* Деятельность правоохранительных органов стран Европейского союза по противодействию экстремизму и терроризму // *Деятельность правоохранительных органов по противодействию экстремизму и терроризму: материалы Всероссийского круглого стола 30 ноября 2017 г. Казань, 2017.*
- [27] *Road Map on the Common Space of Freedom, Security and Justice* // Президент России. Официальный сайт. 2005. 10 мая. Режим доступа: <http://en.kremlin.ru/supplement/3588>. Дата обращения: 02.04.2019.
- [28] *Renard T.* Confidential partnerships? The EU, its strategic partners and international terrorism // *ESPO*. 2014. № 4.
- [29] *Сечкин С., Нукитина И.* Международно-правовые формы взаимодействия МВД России с европейской полицейской организацией и перспективы развития дальнейшего сотрудничества // *Научный портал МВД России*. 2015. № 2. С. 119–127.
- [30] *Mounier G.* Europol: A new player in the EU external policy field? // *Perspectives on European politics and society*. 2009. Vol. 10. № 4. P. 582–602.
- [31] *Busuioc M., Curtin D., Groenleer M.* Agency growth between the autonomy and accountability: the European Police Office as a 'living institution' // *Journal of European Public Policy*. 2011. Vol. 18. № 6. P. 848–867.
- [32] *Малфэт М.* Россия-ЕС: различие взглядов на национальную безопасность и борьбу с терроризмом // *Право и управление. XXI век*. 2019. Т. 15. № 1. С. 69–75. DOI: <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2019-1-50-69-75>
- [33] *Potemkina O.* Russia and the EU facing common soft security threats: how to deal with "the strategic challenge?" // *Scientific and analytical bulletin of the IE RAS*. 2018. № 1.
- [34] *Potemkina O.* The EU Russia cooperation in fighting terrorism // *Russian Academy of Sciences, Institute of Europe*. 2015. № 1.

References

- [1] Bisson L. EU-Russia Cooperation on Migration: Migration Dialogue. *World Economy and International Relations*. 2014. № 4: 72–80. (In Russ.).
- [2] Bisson L. Cooperation between Russia and the EU in the sphere of migration. *Russian Politics and Law*. 2014. Vol. 52. № 6: 76–93. DOI: 10.2753/RUP1061-1940520605
- [3] Bisson L., Potemkina O. Freedom of movement of citizens in the European Union- an achievement or a problem? *Urgent Problems of Europe*. 2014. № 4: 12–29. (In Russ.).
- [4] Korneev O. Deeper and Wider than a Common Space: European Union-Russia Cooperation on Migration Management. *European Foreign Affairs Review*. 2012: 605–624.

- [5] Potemkina O. EU–Russia cooperation on the common space of freedom, security and justice – a challenge or an opportunity. *European Security*. 2010. Vol. 19. № 4: 551–568.
- [6] Potemkina O. Increasing threat of terrorism in Europe and the European Union’s response. *Analytical note of the Institute of Europe RAS*. 2016. № 39. 2016. 20 April. URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/an39.pdf>. Accessed 05.02.2020. (In Russ.).
- [7] Potemkina O. EU-Russia cooperation in Justice and Home Affairs. *The EU-Russia Review*. 2006. № 2.
- [8] Potemkina O. Some Ramifications of Enlargement on the EU-Russia Relations and the Schengen Regime. *European Journal of Migration and Law*. 2003. № 5.
- [9] Korneev O., Voinikov V. Problems and prospects of EU – Russia dialogue on visa-free travel. *Baltic Region*. 2013. № 3.
- [10] Korneev O., Voinikov V. Problems and prospects of EU – Russia dialogue on visa-free travel. *Baltic Region*. 2013. № 3. (In Russ.).
- [11] Voinikov V. The facilitation of freedom of movement between Russia and the European Union: prospects and legal issues. *Baltic Region*. 2011. № 3.
- [12] Golunov S. EU-Russian Border Crossing: The Dialogical Perspective. *Geopolitics*. 2013. Vol. 18. № 4: 933–953. DOI: 10.1080/14650045.2013.789867
- [13] Golunov S. Organizing against Border Barriers: The Case of EU-Russian Border. *Alternatives*. 2017. Vol. 41. № 3: 154–171.
- [14] Hernández i Sagrera R. The development of cooperation between the European Union and Russia on migration issues: from “the Common spaces” to the actual implementation. *Baltic Region*. 2011. № 3.
- [15] Hernández i Sagrera R. The EU–Russia readmission–visa facilitation nexus: an exportable migration model for Eastern Europe. *European Security*. 2010. Vol. 19. № 4: 569–584. DOI: 10.1080/09662839.2010.526934
- [16] Hernández i Sagrera R. The EU, Russia and Migration Cooperation in the Eastern Partnership countries: the cases of readmission, border management and visas. In: Bachmann K. Stadtmüller E., editors. *The European Union’s Neighborhood Challenge. Transborder cooperation, migration and Europeanization*. Wrocław: Wrocław University Press, 2010: 215–228.
- [17] Hernandez i Sagrera R., Potemkina O. *Russia and the Common Space on Freedom, Security and Justice*. European Parliament, 2012.
- [18] Kononenko V. *What’s new about today’s EU-Russia border?* The Finnish Institute of International Affairs (FIIA), 2004.
- [19] Lavenex S. Justice and Home Affairs and the EU’s New Neighbours: Governance Beyond Membership? In: Henderson K., editor. *The Area of Freedom, Security and Justice in the Enlarged Europe. One Europe or Several?* London: Palgrave Macmillan, 2005.
- [20] Voinikov V., Entin M. 20 years of the EU’s Area of Freedom, Security and Justice. *Contemporary Europe*. 2019. № 4: 5–15. (In Russ.).
- [21] Kalinichenko P. Post-crimean twister: Russia, the EU and the law of sanctions. *Russian Law Journal*. 2017. Vol. 5. № 3: 9–28. DOI: <https://doi.org/10.17589/2309-8678-2017-5-3-9-28>
- [22] Kalinichenko P. The Development of Legal Framework for Russia-EU Relations: 2010 Results (2011). *Baltic Region*. 2011. Vol. 3. № 9: 27–33.
- [23] Romanova T. Studying EU-Russian relations: an overview in search for an epistemic community. *Journal of Contemporary European Studies*. 2019. Vol. 27. № 2: 135–146. DOI: 10.1080/14782804.2018.1515729
- [24] Averre D., Zaslavskaya N. EU-Russia political and security cooperation: major research trends. *Journal of Contemporary European Studies*. 2019. Vol. 27. № 2: 147–158. DOI: 10.1080/14782804.2018.1534726
- [25] Sokolov I. Terrorist organizations in the European Union: an attempt at institutional analysis. *Russia and the Contemporary World*. 2019. № 3. (In Russ.).
- [26] Panasik N. Activities of law enforcement agencies of the European Union countries in countering extremism and terrorism. In: *Activities of law enforcement agencies to counter ex-*

- tremism and terrorism*. Materials of the all Russian round table 30 November 2017. Kazan, 2017. (In Russ.).
- [27] Road Map on the Common Space of Freedom, Security and Justice // Президент России. Официальный сайт. 10 мая, 2005. URL: <http://en.kremlin.ru/supplement/3588>. Дата обращения: 02.04.2019.
- [28] Renard T. Confidential partnerships? The EU, its strategic partners and international terrorism. *ESPO*. 2014. № 4.
- [29] Sechkin S., Nikitina I. International legal forms of interaction between the Ministry of internal Affairs of Russia and the European Lyceum organization and prospects for further cooperation. *Scientific portal of the Ministry of internal Affairs of Russia*. 2015. № 2: 119–127. (In Russ.).
- [30] Mounier G. Europol: A new player in the EU external policy field? *Perspectives on European politics and society*. 2009. Vol. 10. № 4: 582–602.
- [31] Busuioc M., Curtin D., Groenleer M. Agency growth between the autonomy and accountability: the European Police Office as a ‘living institution’. *Journal of European Public Policy*. 2011. Vol. 18. № 6: 848–867.
- [32] Malfait M. The Russia-EU perspective: national security and counterterrorism from a different angle. *Journal of Law and Administration*, 2019. Т. 15. № 1: 69–75. DOI: <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2019-1-50-69-75> (In Russ.).
- [33] Potemkina O. Russia and the EU facing common soft security threats: how to deal with “the strategic challenge?” *Scientific and analytical bulletin of the IE RAS*. 2018. № 1.
- [34] Potemkina O. The EU Russia cooperation in fighting terrorism. *Russian Academy of Sciences, Institute of Europe*. 2015. № 1.

Информация об авторах:

Надточей Юрий Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России (ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8725-6495>) (ynadtochey@yandex.ru).

Малфет Милка – адвокат DLA Piper UK LLP, Брюссельская коллегия адвокатов (ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7438-4700>) (milkamalfait@gmail.com).

Information about the authors:

Yury I. Nadtochey – PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of World Politics, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA of Russia (MGIMO University) Moscow, Russia (ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8725-6495>) (ynadtochey@yandex.ru).

Milka Malfait – Attorney-at-law DLA Piper UK LLP, Brussels, Belgium (ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7438-4700>) (milkamalfait@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-276-289

Научная статья / Research article

Ирано-российское сотрудничество в сферах обороны и безопасности

Садеги Э. Мир Мохаммад

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
fereshtehmarvi@yahoo.com

Iran-Russia Defense and Security Cooperation

Sadegi E. Mir Mohammad

People's Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
fereshtehmarvi@yahoo.com

Аннотация. В статье анализируется российско-иранское сотрудничество в сферах обороны и безопасности. В качестве методологии используется теория школы анализа внешней политики, в частности последнее поколение этой теории в рамках метода дискурсивного анализа. Метод дискурсивного анализа, исследуя основные элементы и понятия в идеологии, анализ и определение их места внутри консолидированных рамок в качестве одного доминирующего дискурса в определенный период времени, помогает объяснить формирование таких понятий, как союзник, друг, коллега, конкурент и противник. В данной статье сделана попытка определить движущие силы и препятствия на пути ирано-российского сотрудничества в сферах обороны и безопасности в разные периоды времени. Показано, что отношения между Ираном и Россией в сферах обороны и безопасности переживают важные изменения с 2014 года. Обострение кризиса в Сирии привело к укреплению связей и военному и оборонному сотрудничеству между Ираном и Россией на региональном уровне. Делается вывод о том, что Иран и Россия расценивают расползание экстремизма в сопредельных с ними странах как основную угрозу своей национальной безопасности и развивают сотрудничество в этой сфере. По мнению автора, имеются определенные условия для развития ирано-российских связей до уровня стратегических союзников. Но для этого необходимо предотвратить влияние разрушительной роли третьих игроков на процесс оборонного сотрудничества между Тегераном и Москвой. Автор предполагает, что существующие препятствия для военного сотрудничества России с Ираном можно частично устранить снятием санкций Организации Объединенных Наций в 2020 году.

Ключевые слова: Россия, Иран, отношения в оборонительной сфере, региональная безопасность, терроризм, экстремизм

© Садеги Э. Мир Мохаммад, 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи: Поступила в редакцию 04.02.2020. Принята к публикации 14.02.2020.

Для цитирования: Садеги Э. Мир Мохаммад. Ирано-российское сотрудничество в сферах обороны и безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 2. С. 276–289. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-276-289

Abstract. This article analyzes Russian-Iranian cooperation in the fields of defense and security. Methodology used refers to the theory of the school of foreign policy analysis, particularly latest generation, in framework of method of discursive analysis. The method of discursive analysis, exploring the main elements and concepts in ideology, analyzing and determining their place within a consolidated framework as one dominant discourse in a certain period of time, helps explain the formation of such concepts as ally, friend, colleague, competitor, and opponent. This article attempts to identify driving forces and obstacles to Iranian-Russian cooperation in the fields of defense and security in different periods of time. It is shown that the relations between Iran and Russia in the fields of defense and security have been undergoing important changes since 2014. Aggravation of the Syrian crisis has led to strengthening ties and also military and defense cooperation between Iran and Russia at the regional level. It is concluded that Iran and Russia consider spread of extremism in neighboring countries as main threat to their own national security and will develop cooperation in this area. According to the author, there are certain conditions for development of Iranian-Russian relations to the level of strategic allies, but to achieve this it is necessary to prevent the impact of destructive role of third players on the process of defense cooperation between Tehran and Moscow. Author suggests that existing obstacles to Russia's military cooperation with Iran can be partially eliminated by lifting United Nations sanctions in 2020.

Keywords: Russia, Iran, defense relations, regional security, terrorism, extremism

Article history: Submitted on 04.02.2020. Accepted on 14.02.2020.

For citation: Sadegi E. Mir Mohammad. Iran-Russia Defense and Security Cooperation. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (2): 276–289. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-276-289

Введение

Связи с Россией имеют большое значение для Ирана, особенно после распада СССР. Россия осуществляла позитивный сбалансированный подход в отношениях с Исламской Республикой Иран в формировании новых механизмов в области политики, а также безопасности на окружающем ее пространстве и в мире в целом. Среди разных областей в ирано-российских отношениях имеют большое значение два аспекта. Важность этих аспектов подтверждается реакцией со стороны некоторых западных государств по отношению к двум вышеуказанным аспектам. Первый аспект в отношениях между двумя сторонами относится к их сотрудничеству в области энергетики, особенно в ядерной сфере. Это имеет отношение к договоренности двух стран относительно возобновления строительства и пуска в строй АЭС «Бушер». Второй аспект в ирано-российских отношениях, имеющий значительные отклики вне двух стран, относится к отношениям сторон в сферах обороны и безопасности. Разумеется, что такие отношения не означали отсутствие колебаний в процессе военного сотрудничества между двумя странами в последние годы.

Изучение процесса взаимодействия двух сторон свидетельствует о значительных взлетах и падениях в этой области. В данной статье рассматривается ирано-российское сотрудничество в сферах обороны и безопасности, а также сделана попытка определить движущие силы и препятствия на пути такого сотрудничества в разные периоды времени.

В настоящее время Россия является вторым экспортером вооружений в мире после США и стремится укрепить свои позиции на новых рынках вооружений. Автор убежден в том, что в ближайшие годы эта страна займет значительное место и позицию на рынке вооружений в свою пользу.

Теоретические основы

Внешняя политика является продуктом решений государственных деятелей, включая регулирование и обеспечение выполнения этих решений во внешней среде, и является руководством к действиям, которые правительство предпринимает за пределами своих границ для продвижения своих целей по отношению к государственным и негосударственным игрокам. Анализ внешней политики государств можно рассматривать с двух теоретических позиций. Первая находится в рамках основных теорий международных отношений, таких как реализм, институционализм и структурализм, а вторая – в рамках школы анализа внешней политики. В последнем поколении теории анализа внешней политики, которое является комбинацией постмодернистской теории, а также конструктивизма, метод дискурсивного анализа был выделен как один из важных инструментов для изучения и объяснения внешней политики разных стран [1].

Для того чтобы глубоко и эффективно понять поведение государства, нам необходимо изучить дискурсы и их потребности для внешней политики. С этой точки зрения, в каждую эпоху возникает особая форма дискурса, которая оказывает влияние на проведение внешней и внутренней политики. С точки зрения теоретиков дискурсивного анализа, нет социальной и международной реальности, и все, что есть, создано нашими языком и концепциями. Человеческий и социальный мир по своей сути бесформен и бессмыслен, и при помощи доминирующих дискурсов он приобретает определенные форму и значение в каждом периоде. Таким образом, не существует недискурсивной и предискурсивной реальности, и реальность понимается в терминах дискурсивных категорий, и именно дискурс придает смысл реальности. В определенный период времени могут существовать различные политические дискурсы относительно внешней политики, но один из них, являясь доминирующим дискурсом, формирует внешнюю политику.

Подход, основанный на анализе дискурса с интерпретацией мира и создания более широкого и более подробного понимания политического процесса, позволяет нам выйти за рамки материальных структур. Другими словами, общество и люди потенциально могут проявляться в различных формах, и доминирующий дискурс в любой период приводит к реализации и появлению

одной из этих форм. Поэтому политический дискурс, будучи одним из источников внешней политики, играет особую роль наряду с другими структурными ресурсами, такими как социально-экономическая структура [3].

Метод дискурсивного анализа, исследуя основные элементы и понятия в идеологии, анализ и определение их места внутри консолидированных рамок в качестве одного доминирующего дискурса в определенный период времени, помогает объяснить формирование таких понятий, как союзник, друг, коллега, конкурент и противник. И, таким образом, объяснить внешнюю политику страны от формирования концепций и идей до определения национальных интересов и объяснения конкретного поведения. Это вопрос, который очень важен для понимания и толкования диалога между Ираном и Россией по сотрудничеству в сферах обороны и безопасности и имеет эффективную интерпретативную и аналитическую силу [3]. Поэтому в этом исследовании мы используем теории школы анализа внешней политики и особенно последнее поколение этой теории в рамках метода дискурсивного анализа.

Перспектива ирано-российских связей: ирано-российское сотрудничество в области обороны и безопасности в 1990-е годы

С начала 1990-х годов тема сотрудничества и договоренностей в военной области между Россией и Ираном вызывала серьезное беспокойство и возражение у США. Именно по этой причине американцы предприняли большие усилия с тем, чтобы воспрепятствовать дальнейшему сотрудничеству двух стран в рассматриваемой области. На этом основании Альберт Гор, бывший вице-президент США, в ходе интенсивных переговоров с Виктором Черномырдиным, бывшим премьер-министром России, 30 июня 1995 года наконец смог заключить секретное соглашение, которое ограничивает российские военные продажи Ирану. Москва согласилась поставить Ирану только то вооружение, которое было определено советскими военными договорами с Ираном в 1989 году, и обязалась не продавать Ирану современное оружие. Некоторые источники сообщали о том, что с 1992 по 2000 год Россия продала Ирану вооружений на сумму четыре миллиарда долларов, что ставит Иран на третью строчку покупателей российских вооружений [4].

Ирано-российское военное сотрудничество в первом десятилетии 2000-х годов

С избранием Владимира Путина преемником Бориса Ельцина были созданы новые условия для развития ирано-российского военного сотрудничества. Доктрина российской внешней политики, принятой Путиным в июне 2000 года, открыла путь для развития сотрудничества с такими странами, как Иран. В этой доктрине сделан акцент на том, что Российская Федерация будет проводить независимую и конструктивную внешнюю политику. Значимым моментом в документе было то, что в нем был открыто назван Иран.

Документ делает акцент на том, что дальнейшее развитие связей с Ираном является важным для России¹. Согласно этой доктрине, в стремлении к многополярному миру Россия должна иметь международные связи, которые на деле являются отражением разнообразности нового мира, многообразия и обилия его интересов. В общем этот документ и фундаментальные подходы правительства В.В. Путина в международной политике создали подходящую атмосферу для развития ирано-российских связей, включая и оборонную сферу, Самое первое важное изменение в этой связи произошло в ноябре 2000 года, когда новое российское правительство приняло решение отменить договор «Гор – Черномырдин». В тот же год в декабре министр обороны России Игорь Сергеев в ходе своего трехдневного визита в Тегеран обсудил с иранскими официальными должностными лицами вопросы, относящиеся к развитию двустороннего сотрудничества в области обороны. Важным является то, что эта поездка считается первым визитом министра обороны России в Иран со времени победы Исламской революции в Иране [4].

В 2001 году продолжились военные контакты между Россией и Ираном. В этом году мы стали свидетелями обмена делегациями между двумя сторонами, тогда же состоялся визит бывшего Президента Ирана господина Хатами в Россию. Было подписано двустороннее соглашение о военнотехническом сотрудничестве, которое позволяет предположить, что в будущем две стороны заключат многомиллиардные контракты. Однако в итоге было подписано определенное количество контрактов, к которым можно отнести контракт на закупку вертолетов на сумму 150 миллионов долларов и заказ трехсот видов оружия, который через несколько лет остался нереализованным [5]. В ходе этого визита иранские официальные лица посетили российский военный завод и договорились о закупке ракет класса «земля – воздух» «Оса» и «Тор М-1», имеющих оборонительное назначение². Военное сотрудничество двух стран более или менее продолжалось в последующие годы. В декабре 2005 года сообщалось о том, что две страны подписали контракт по противоздушным системам стоимостью от семисот до девяти-сот миллионов долларов [5]. В последующие годы усиление санкций против Исламской Республики Иран, особенно санкции Совета Безопасности против Ирана, создало определенные ограничения на пути ирано-российского оборонного сотрудничества. Так, Россия, основываясь на тех же резолюциях, отменила контракт на продажу зенитно-ракетной системы С-300, который она подписала в 2007 году [6].

¹ The Foreign Policy Concept of the Russian Federation // Federation of American Scientists. 28 июня, 2000. URL: <https://fas.org/nuke/guide/russia/doctrine/econcept.htm> (accessed: 22.11.2019).

² Russia Confirms Sale of S-300 Missile System to Iran // Defense News. 26 мая, 2015. URL: <https://www.defensenews.com/global/europe/2015/05/26/russia-confirms-sale-of-s-300-missile-systems-to-iran> (accessed: 17.01.2019).

Изменения в ирано-российских оборонных связях

Ирано-российские отношения в сферах обороны и безопасности, особенно в последние годы, претерпели важные изменения. По сравнению с прошлой ситуацией это привело к относительно благоприятному и поступательно развивающемуся оборонному сотрудничеству двух стран. На деле в 2014 году мы были свидетелями значительного укрепления связей между Тегераном и Москвой в рассматриваемой области. Изменения в 2015 году также оказали особое влияние на этот процесс. В общем новые изменения в ирано-российских связях, с одной стороны, говорят о прогрессе их отношений в рассматриваемой области, а с другой – подтверждают возникновение благоприятных предпосылок для дальнейшего развития этих связей.

Относительно договоренностей, достигнутых в военной области, можно отметить Соглашение об ирано-российском военном сотрудничестве, которое было подписано в ходе визита министра обороны России Сергея Шойгу в Тегеран в январе 2015 года. Этим Соглашением предусматриваются развитие двустороннего сотрудничества в борьбе с терроризмом, обмен военными кадрами для обучения, использование военно-морскими силами двух государств портов противоположной стороны³.

Еще одним свидетельством движения и изменения в ирано-российских оборонных связях является указание В.В. Путина отменить запрет на поставки Ирану оборонительной системы С-300. Сообщается, что две страны договорились о поставках Ирану этих систем еще в 2007 году во время второго президентского срока В.В. Путина. Однако в 2010 году, когда Д.А. Медведев был президентом России и когда Россия стремилась восстановить свои связи с США, российское правительство отказалось от выполнения этого договора [2]. Данное решение Д.А. Медведева также было принято под давлением со стороны Израиля, хотя он объясняет такой шаг несоответствием поставки системы С-300 Резолюциям Совета Безопасности ООН относительно Ирана. Такой шаг Д.А. Медведева привел к тому, что Иран обратился в международные суды с жалобой на Россию. В итоге после достижения договоренности Ирана с группой стран «5+1» по иранской ядерной программе В.В. Путин в апреле 2015 года распорядился снять запрет на поставки Ирану зенитно-ракетной системы С-300. В мае 2015 года Е.В. Лукьянов, заместитель секретаря Совета Безопасности России, сообщил о принятии решения о поставке Ирану этой системы, хотя точных сроков названо не было⁴. Вместе с тем Посол Ирана в России доктор Мехди Санаи в своем интервью в ноябре того же года сообщил о начале поставок Ирану системы С-300. Он также

³ Iran confirms plans to buy Russia's T-90 tanks // TASS. 16 декабря 2015. URL: <https://tass.com/defense/844466> (accessed: 21.11.2019).

⁴ Russia Confirms Sale of S-300 Missile System to Iran // Defense News. 26 мая, 2015. URL: <https://www.defensenews.com/global/europe/2015/05/26/russia-confirms-sale-of-s-300-missile-systems-to-iran> (accessed: 17.01.2019).

отметил, что Исламская Республика Иран получит самые современные образцы этой системы и поставки уже реализуются. Д.О. Рогозин, заместитель Председателя Правительства Российской Федерации, в интервью российскому телеканалу «Россия-24» 30 декабря 2015 г. заявил о начале поставок ракетной системы С-300 Ирану. Всеобъемлющий совместный план действий (СВПД), принятый в июле 2015 года, отменил санкции против Ирана. СВПД был одобрен резолюцией 2231 Совета Безопасности от 20 июля 2015 года. В то же время этот международный документ не позволяет Ирану без предварительного разрешения Совета Безопасности ООН приобретать тяжелое оружие (танки, бронемашины, военные самолеты, вертолеты, артиллерию калибра 100 мм и больше и т. д.). Фактически резолюция налагает запрет на закупку тяжелого оружия до 18 октября 2020 года и ракет до 2023 года.

В настоящее время Иран, выполняя требования ООН и Резолюцию 2231, все еще работает над созданием условий для импорта оружия и военной техники после снятия санкций. Например, в 2016 году министр обороны Ирана Хоссейн Дехган посетил Москву и провел переговоры о возобновлении широкомасштабного военно-технического сотрудничества. Иран хотел купить российскую военную технику как минимум на 8 миллиардов долларов. В перечень потребностей Ирана входят истребители Су-30СМ, Су-35, Як-130, истребители-вертолеты Ми-8 и Ми-17, танки Т-90, противокорабельная система береговой охраны «Бастион», оснащенная сверхзвуковыми ракетами «Яхонт», корабли класса «фрегат», электрические дизельные подводные лодки и ряд других видов военной техники.

Летом 2018 года ситуация изменилась в связи с тем, что президент США Дональд Трамп объявил о выходе Вашингтона из СВПД. Это может привести не только к краху ядерной сделки (что более вероятно), но в любом случае сделает обязательным составление правил, относящихся к соглашению между его участниками. Таким образом, политика Тегерана также изменится (также существует возможность его выхода из СВПД), приоритеты Ирана изменятся, и Иран будет искать новые источники для закупки оружия и военной техники. В таких условиях Россия является едва ли не единственным партнером, способным развивать военно-оборонное сотрудничество с Ираном. Вместе с тем будущее российско-иранского военного сотрудничества будет зависеть от ситуации в мире, регионе и, прежде всего, от политики Тегерана внутри страны и за рубежом. В этом отношении важна позиция России по многим вопросам современного мира, а также роли и места России в нем.

В интервью иранскому информационному агентству новостей ИРНА командующий военно-морскими силами армии Ирана контр-адмирал Хуссейн Ханзади во время визита в Россию 29 июля 2019 г. сказал: «Мы достигли соглашения о проведении учений между военно-морскими силами двух стран в акватории Индийского океана, и мы надеемся, что учения пройдут до конца текущего года». Говоря о достижениях в ходе своей поездки в Россию, контр-адмирал Ханзади заявил: «От имени Вооруженных сил Ирана было подписано соглашение между Генеральным штабом Воору-

женных сил Ирана и Министерством обороны России». Комментируя соглашение, он сказал: «Пункты этого соглашения имеют гриф секретности, но, в общем, целью его подписания является развитие военного сотрудничества между двумя странами, и безусловно, его значительную часть составляют военно-морские силы двух стран, можно сказать, что в первый раз, когда между двумя странами была достигнута такая договоренность, которая считается поворотным моментом в военном сотрудничестве между Тегераном и Москвой».

Командующий Военно-морскими силами Армии Исламской Республики Иран также отметил интенсивные переговоры о развитии оборонного взаимодействия и военного сотрудничества в Каспийском регионе и сказал: «Эти переговоры проходят в рамках заседаний командующих военно-морскими силами прикаспийских государств и Соглашение, которое ранее нами было подписано, находится на стадии завершения». «Другая часть наших переговоров с российской стороной – это краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные перспективы, направленные на расширение сотрудничества между Ираном и Россией в области обороны во всех частях вооруженных сил двух стран», – сказал он. Говоря о проведении Армейских международных игр в России, участии некоторых наиболее элитных военно-морских сил Ирана в Москве, а также о проведении ряда соревнований в Иране, он заявил: «Другая часть переговоров касалась Армейских международных игр, которые проводятся по инициативе Вооруженных сил России». Он продолжил: «Иран проводит некоторые конкурсы, включая конкурс “Глубина”, который в ближайшее время пройдет на острове Киш, Заместитель командующего Военно-морским флотом России отправится в Иран для участия в церемонии открытия указанного конкурса». Планируется проведение других совместных учений в Индийском океане [7].

Учитывая общие взгляды Ирана и России на региональную безопасность и их общий антиамериканский подход, Тегеран стремится расширить свои оборонные связи с Москвой и достичь долгосрочных целей. К ним относятся нахождение места России в конкурентной борьбе Москвы с Вашингтоном, продвижение «оборонительно-наступательной стратегии» и сотрудничество в области региональной безопасности. Важнее всего – это то, что помимо выгоды от указанных выше моментов Иран также использует российские военно-технические знания. Персидский залив подобен театральной сцене, на которой Россия может демонстрировать свою силу против такой сверхдержавы, как США, которая находится в этом регионе на протяжении многих лет. Таким образом, совместные ирано-российские военные учения могут в конечном итоге стать еще одной выигрышной картой в политическом торге России с Вашингтоном. Из-за ограничений на торговлю оружием, введенных США и европейскими странами в отношении Ирана после Исламской революции 1979 года, Россия стала крупнейшим поставщиком основного вооружения для Исламской Республики. Одной из наиболее заметных сделок между двумя сторонами – Ираном и Россией – стала российская зе-

нитно-ракетная система С-300, поставленная в Иран в 2016 году. Учитывая текущее внешнее давление на Иран, осталась только Москва, на которую Тегеран может рассчитывать в части обеспечения вооружений и военного партнерства. Хотя на предотвращение такого сотрудничества и нацелена резолюция 2231 Совета Безопасности ООН, две страны предпринимают усилия, чтобы избежать существующих ограничений. Возможно, препятствия для военного сотрудничества России с Ираном можно устранить снятием санкций Организации Объединенных Наций в 2020 году в соответствии с резолюцией Совета Безопасности № 223 от 20 июля 2015 года, одобряющей ядерное соглашение.

Директор Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству Д.Е. Шугаев отметил, что военные отношения между Ираном и Россией могут вырасти после 2020 года, а также сообщил о заинтересованности России сотрудничать с Ираном в области развертывания оборонительного щита на побережье Персидского залива. Расширение военного сотрудничества после 2020 года – это нормальное расширение отношений на основе положений СВПД. С другой стороны, именно в рамках СВПД Россия наконец поставила в Иран оборонительные зенитно-ракетные системы С-300, которые Иран ожидал на протяжении длительного времени. По этому соглашению Иран предоставил возможность разместить российские самолеты на авиабазе «Нузех» в Западном Иране, чтобы российские истребители, бомбардировщики и ракеты могли использовать иранское воздушное пространство для операций в Сирии. Таким образом, чтобы противостоять давлению со стороны США с большей силой, Иран стремится укрепить свои военные связи с Россией после отмены в 2020 году эмбарго на поставки вооружений. В этом случае, заказав большее количество обычного вооружения, Иран может использовать такие виды вооружений, как истребители Су-30 и Су-35, легкие истребители Як-130, вертолеты Ми-8 и Ми-17, а также танки Т-90. Однако помимо импорта оружия Иран хочет развивать военные отношения с Россией, которые включают долгосрочное сотрудничество в русле региональных и геополитических стратегий Исламской Республики. Тем не менее следует отметить, что обе стороны с осторожностью занимаются потенциальным расширением оборонных отношений: Иран не намерен превращаться в российский инструмент торга против Вашингтона, так же как и Москва ни в коем случае не заинтересована в выходе на неизвестный уровень арены войны Ирана против США и их региональных союзников [7].

Сотрудничество на региональном уровне

Самым важным примером изменений в ирано-российских связях является военное, оборонное и разведывательное сотрудничество двух сторон в кризисном регионе Ближнего Востока, то есть в Сирии и Ираке. Относительно Сирии можно сказать, что Россия, будучи эффективным и активным игроком, участвовавшим в принятии международных решений по Сирии, уже присутствовала в этой стране с начала формирования кризиса в Сирии.

Вместе с тем решение Москвы о вхождении в военное уравнение в Сирии путем проведения воздушных атак на позиции террористических группировок, размещенных в этой стране, в значительной степени повысило роль и место России в ситуации в Сирии. Эффективное присутствие России в изменениях в Сирии еще больше сблизило эту страну с Исламской Республикой Иран, так как Москва поддерживает правительство Башара Асада и выступает против изменения политического режима в этой стране. Принципиально вхождение России в этот кризис произошло путем проведения на высоком уровне координации и консультаций с Исламской Республикой Иран, хотя официальные должностные лица и российские источники опровергают такие новостные сообщения. Однако некоторые источники в структурах региональной и международной безопасности считают визит иранского генерала Касема Солеймани в августе 2015 года крайне эффективным шагом для вхождения России в войну в Сирии.

В общем усиление кризиса в Сирии привело к укреплению связей и военному и оборонному сотрудничеству между Ираном и Россией на региональном уровне. Две стороны с самого начала гражданской войны в Сирии организовывали политико-дипломатическую поддержку правительству Башара Асада. Каждая из сторон, предоставляя помощь, поддерживала это правительство. Однако проблемы правительства Башара Асада в войне с террористами в 2015 году привели Иран и Россию к необходимости прямого сотрудничества между ними с тем, чтобы сохранить позиции Асада в Сирии. Этот вопрос стал причиной того, что политики двух государств в Сирии стали опираться друг на друга. На этом основании две страны осуществляют друг с другом военное сотрудничество в борьбе с террористами в Сирии. К примерам такого сотрудничества можно отнести действия иранских истребителей по сопровождению российских бомбардировщиков для противодействия террористам. Кроме того, еще одним свидетельством такого сотрудничества считается то, что Иран разрешил России использовать свое воздушное пространство для пролета ракет, запускаемых с акватории Каспийского моря на позиции террористов в Сирии. Ирано-российское военное сотрудничество в борьбе с террористами не ограничилось территорией Сирии. Согласно некоторым отчетам, Иран и Россия, сотрудничая с Сирией и Ираком, создали в Багдаде Центр по обмену разведывательной информацией против ИГИЛ, который будет управляться сотрудниками четырех стран. Они будут обмениваться друг с другом разведывательной информацией, будут ее анализировать и информировать соответствующие силы об этой информации [8].

Противодействие угрозам, произрастающим из экстремизма

Иран и Россия расценивают расползание экстремизма в сопредельных с ними странах как основную угрозу своим интересам и национальной безопасности. Обе страны информированы относительно той ситуации, что появление и подготовка террористических группировок в Ближневосточном

регионе после холодной войны связаны с геополитическими интересами их региональных и внерегиональных конкурентов. В 1990-е годы появление и рост группировки Талибан в Афганистане, а также возможность проникновения этой группировки в Центрально-Азиатский регион были расценены обоими государствами в качестве действующей угрозы, этот вопрос вызвал увеличение контактов и связей в области безопасности между Москвой и Тегераном. Таким же образом в недавние годы рост салафитских группировок и особенно террористической группировки ИГИЛ в Ближневосточном регионе вызвал серьезную обеспокоенность у двух стран. Присутствие ИГИЛ и других террористических группировок, например Джабхат Аль Нусра, в таких странах, как Сирия и Ирак, помимо того, что это считается жизненной угрозой для региональных союзников Тегерана, также в долгосрочной перспективе может в значительной степени угрожать территории и границам Ирана. Ведь эти группировки открыто и ясно выражают свою враждебность по отношению к Исламской Республике Иран и шиитам. Поддержка Ираном правительства Ирака и Сирии в борьбе с такфиристскими террористами объясняется такой угрозой. Россия также относится к числу стран, которые испытывают серьезную обеспокоенность в связи с ростом такфиристских группировок на Ближнем Востоке. Данная обеспокоенность вызвана несколькими причинами.

Первая – это то, что некоторые регионы, расположенные на юге России, включая Чечню и Дагестан, являются регионами, в которых салафиты надеются распространить свое влияние. Некоторые российские экстремисты существуют в этих и других регионах России. Действия ИГИЛ по расширению территорий своего влияния в Сирии и Ираке побудили экстремистские силы в России поступать аналогичным образом в различных частях на территории России [9].

Вторая – это то, что, согласно отчетам, некоторые российские граждане в этих регионах, особенно в Чечне, присоединились к террористическим группировкам, включая ИГИЛ, в Сирии и Ираке и оказывают помощь террористам в этих странах. Они издавна испытывают вражду к Москве и стремятся к отделению от центральной власти России. Российские политики очень сильно озабочены ростом террористической идеологии в своих южных регионах и считают возможным возвращение террористов из Сирии и Ирака в Россию, а также планирование проведения террористических атак. Именно по этой причине российское правительство в самом последнем своем документе о национальной стратегической безопасности («Стратегия национальной безопасности»), который был подписан Путиным в последние дни 2015 года, классифицировало террористические и экстремистские организации в качестве угрозы для страны⁵. С учетом этих реалий и принимая во

⁵ Russia's National Security Strategy for 2016 in 9 Key Points // RT. 31 декабря, 2015. URL: <https://www.rt.com/news/327608-russia-national-security-strategy> (accessed: 18.11.2019).

внимание общее понимание Ираном и Россией тех опасностей, которые исходят от экстремизма и деятельности террористических группировок, можно ожидать повышения уровня сотрудничества двух стран в области разведки, безопасности и обороны с целью противодействия общим угрозам.

Консолидация правящей элиты в России

Один из основных мотивов, который позволяет с оптимизмом ожидать укрепления оборонных и военных связей между Москвой и Тегераном, относится к консолидации существующей правящей элиты в России. Особенно это относится к укреплению политического статуса В.В. Путина и его участию в принятии решений на самом высшем уровне в качестве президента в течение следующих годов. С учетом того что президентский срок в России стал шестилетним, многие оценки однозначно говорят о том, что Владимир Путин будет находиться на этом посту до 2024 года [10].

С учетом опыта работы В.В. Путина складывается впечатление, что его деятельность в качестве президента может привести к укреплению основ ирано-российских связей в последующие годы. В случае, если изменения в России будут происходить в русле, предусматривающем приход лидеров с отличными взглядами от нынешней правящей в России элиты, то указанный выше прогноз о состоянии отношений между двумя странами будет невозможным. Хотя во время президентского срока Д.А. Медведева было меньше вызовов со стороны Запада, двусторонним отношениям был нанесен определенный урон, самым важным в этом отношении была отмена контракта по продаже Ирану ракетной системы С-300. Это имело место, несмотря на то, что многие конструктивные договоренности в ирано-российских оборонных связях были достигнуты, когда президентом России был В.В. Путин. Принимая во внимание взгляды и подходы действующего президента России по отношению к региональным и международным вопросам, можно ожидать, что продолжение его нахождения в структуре российской власти может в будущие годы стать облегчающим фактором в оборонных связях между Москвой и Тегераном. Хотя это и не будет означать игнорирование имеющихся препятствий в отношениях между двумя странами в рассматриваемой области.

Выводы

Ирано-российские отношения в сферах обороны и безопасности приобрели значительное развитие начиная с 2014 года. Важным достижением является расширение оборонных связей двух стран с двустороннего уровня до регионального уровня. Вместе с тем существуют различные движущие мотивы, которые укрепляют возможность продолжения процесса роста в оборонных связях двух стран в последующие годы. Это такие факторы, как новый подход России на Ближнем Востоке, противодействие угрозам, произрастающим из экстремизма, а также консолидация положения правя-

щей элиты в России. В общем отмеченные выше факторы могут создать основу для развития ирано-российских связей до уровня, обеспечивающего баланс в отношениях двух стратегических союзников.

Также нет сомнений в том, что развитие военного сотрудничества между двумя странами по-прежнему будет сопряжено с препятствиями и факторами, рождающими важные вызовы, мастерство и управление которыми необходимы для гарантирования продолжения этого процесса. К числу предположений можно отнести и то, что с повышением уровня оборонных связей двух стран будут усиливаться по сравнению с прошлым разрушительные попытки со стороны третьих игроков с тем, чтобы нарушить процесс оборонного сотрудничества между нашими странами. Самым важным противником развития ирано-российских оборонных связей выступает Израиль, который задействует все свои возможности для создания препятствий на пути этих отношений. В прошлом Израиль сыграл очень эффективную и выдающуюся роль в решении России отменить свой контракт на продажу С-300. За отмену этого контракта Израиль договорился предоставить в распоряжение России различные виды тактических беспилотных летательных аппаратов. Естественно, в таких условиях продолжение процесса роста военных связей между Ираном и Россией в будущем требует принятия должных мер, особенно с российской стороны, с тем чтобы предотвратить влияние разрушительной роли третьих игроков на процесс оборонного сотрудничества между Тегераном и Москвой.

Библиографический список

- [1] *Loisel S.* Discourse Analysis and Foreign Policy Analysis: Introducing Speech Act Theory in European Foreign and Security Policy // ECPR Joint Sessions of Workshops–Grenada. Paris: 2005. URL: https://kipdf.com/discourse-analysis-and-foreign-policy-analysis-introducing-speech-act-theory-in-_5ae34f1d7f8b9ac4028b4597.html. Accessed: 23.11.2019.
- [2] *Larsen H.* Foreign policy and discourse analysis: France, Britain and Europe (Vol. 10). London: Routledge, 2005.
- [3] *Chernysh K.* Russian Foreign Policy Discourse during and after the Georgian War: representations of NATO. 2010. P. 82. URL: <http://liu.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2%3A310393&dsid=3446>. Accessed: 13.11.2019.
- [4] *Cohen A.* Countering Russian-Iranian Military Cooperation. 2001. URL: www.heritage.org/europe/report/countering-russian-iranian-military-cooperation. Accessed: 14.11.2019.
- [5] *Kassianova A.* Russian Weapons Sales to Iran. Tomsk State University // PONARS Policy Memo. 2006. No. 427. P. 1–5.
- [6] *Trenin D., Malashenko A.* Iran; A View from Moscow. 2010. P. 23. URL: <https://carnegie.ru/2010/10/25/iran-view-from-moscow-pub-41794>. Accessed: 01.12.2019.
- [7] *Сажин В.* Военное и военно-техническое сотрудничество России и Ирана: вчера, сегодня и завтра // Международная жизнь 2019. URL: www.interaffairs.ru/news/show/22161. Accessed: 15.11.2019.
- [8] *Stuster J.D.* Russia, Iran, Iraq and Syria to Share Intelligence on Islamic State // Foreign Policy. 2015. URL: <https://foreignpolicy.com/2015/09/28/russia-iran-iraq-and-syria-to-share-intelligence-on-islamic-state>. Accessed: 01.12.2019.

- [9] Grebenkina S. How Russia Can Deal with ISIS Extremism Within its Own Border // *Russia Direct*. 2015. URL: <https://russia-direct.org/analysis/how-russia-can-deal-isis-extremism-within-its-own-borders>. Accessed: 14.11.2019.
- [10] Wood A. After Putin. *The American Interest*. 26.02.2015. URL: <https://www.the-american-interest.com/2015/02/26/after-putin/>. Accessed: 20.11.2019.

References

- [1] Loisel S. Discourse Analysis and Foreign Policy Analysis: Introducing Speech Act Theory in European Foreign and Security Policy. *ECPR Joint Sessions of Workshops–Grenada*. Paris: 2005. URL: https://kipdf.com/discourse-analysis-and-foreign-policy-analysis-introducing-speech-act-theory-in-_5ae34f1d7f8b9ac4028b4597.html. Accessed: 23.11.2019.
- [2] Larsen H. *Foreign policy and discourse analysis: France, Britain and Europe*. Vol. 10. London: Routledge, 2005.
- [3] Chernysh K. *Russian Foreign Policy Discourse during and after the Georgian War: representations of NATO*. 2010: 82. URL: <http://liu.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2%3A310393&dswid=3446>. Accessed: 13.11.2019.
- [4] Cohen A. *Countering Russian-Iranian Military Cooperation*. 2001. URL: www.heritage.org/europe/report/countering-russian-iranian-military-cooperation. Accessed: 14.11.2019.
- [5] Kassianova A. Russian Weapons Sales to Iran. Tomsk State University. *PONARS Policy Memo*. 2006. No. 427: 1–5.
- [6] Trenin D., Malashenko A. *Iran; A View from Moscow*. 2010: 23. URL: <https://carnegie.ru/2010/10/25/iran-view-from-moscow-pub-41794>. Accessed: 01.12.2019.
- [7] Sazhin V. Military and military-technical cooperation between Russia and Iran: yesterday, today and tomorrow. *InterAffairs*. 2019. Apr. 09. URL: <http://www.interaffairs.ru/news/show/22161>. Accessed: 15.11.2019 (In Russ.).
- [8] Stuster J.D. Russia, Iran, Iraq and Syria to Share Intelligence on Islamic State. *Foreign Policy*. 2015. URL: <https://foreignpolicy.com/2015/09/28/russia-iran-iraq-and-syria-to-share-intelligence-on-islamic-state>. Accessed: 01.12.2019.
- [9] Grebenkina S. How Russia Can Deal with ISIS Extremism Within its Own Border. *Russia Direct*. 2015. URL: <https://russia-direct.org/analysis/how-russia-can-deal-isis-extremism-within-its-own-borders>. Accessed: 14.11.2019.
- [10] Wood A. *After Putin. The American Interest*. 26.02.2015. URL: <https://www.the-american-interest.com/2015/02/26/after-putin/>. Accessed: 20.11.2019.

Информация об авторе:

Э. Мир Мохаммад Садеги – аспирантка кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (OCRID ID 1042185214, e-mail: fereshtehmarvi@yahoo.com).

Information about the author:

E. Mir Mohammad Sadegi – Postgraduate of the Department of Comparative Politics, RUDN University (OCRID ID 1042185214, e-mail: fereshtehmarvi@yahoo.com).

ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ EDUCATION POLICY

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-290-304

Научная статья / Research article

Ценности успешной личности: постмодерн образования в постиндустриальном обществе

Е.А. Антюхова

Московский государственный институт международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Российская Федерация, 111395, Москва, Проспект Вернадского, 76
e.antyukhova@gmail.com

Values of a Successful Person: a Postmodern Education in a Post-Industrial Society

E.A. Antyukhova

Moscow State Institute of International Relations (University), MFA of Russia
76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation
e.antyukhova@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена роли образования в формировании успешной траектории развития личности через систему ценностей. Показано, что современная эпоха может быть описана категориями двух концепций, близких по сути и противоречивых в отдельных проявлениях: постмодерн и постиндустриализм. Выдвинута гипотеза, что для преодоления цифрового разрушительного влияния информационных и цифровых приоритетов постиндустриализма на образование необходима система ценностей постмодерна. Показано, что при всеобщей оцифровке знаний возникает настоятельная потребность в формировании трех первичных компетенций личности, которые может дать только образование: ценностей, коммуникации и знания, не подлежащего цифровому тиражированию. Утверждается, что нарастающая тенденция превращения университетов в цифровые корпорации содержит угрозы для будущего развития формируемой личности и ее системы ценностей. Сделан вывод о возможности преодоления выявленных угроз при реализации глобальной образовательной политики на национальных и мировом уровнях, что потребует критичного осмысления зарождающихся тенденций цифрового мира.

© Антюхова Е.А., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Ключевые слова: образование, глобальная политика, национальные политики, ценностный подход, постмодерн, постиндустриализм, цифровое общество, альтернативность образования

История статьи: Поступила в редакцию 02.02.2020. Принята к публикации 10.02.2020.

Для цитирования: *Антюхова Е.А.* Ценности успешной личности: постмодерн образования в постиндустриальном обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 2. С. 290–304. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-290-304

Abstract. This article is devoted to the role of education in forming a successful personal development trajectory through a value system. Study shows that modern era can be described by categories of two concepts that are similar in essence and contradictory in certain manifestations: postmodernism and postindustrialism. Article hypothesizes that a postmodern value system is necessary to overcome digital destructive influence on education that is imposed by the information and digital priorities of postindustrialism. It shows that, with the universal digitization of knowledge, there is an urgent need to form three primary competencies of individual that can be provided only by education: values, communications, and knowledge, that are not subject to digital replication. It argues that growing trend of turning universities into digital corporations contains threats to the future development of the emerging personality and its value system. Article concludes that it is possible to overcome the identified threats in implementation of global educational policy, at national and global levels, which will require a critical understanding of emerging trends in digital world.

Keywords: education, global politics, national policies, value approach, postmodernism, postindustrialism, digital society, alternative education

Article history: Submitted on 02.02.2020. Accepted 10.02.2020.

For citation: Antyukhova E.A. Values of a Successful Person: a Postmodern Education in a Post-Industrial Society. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (2): 290–304. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-290-304

Введение

Успех человека в любом общественном устройстве в большой мере определяется набором сформированных ценностей и соответствием этого набора общественным идеалам текущего этапа развития. Активными составляющими глобального дискурса успеха становятся присущие современной эпохе такие составляющие, как индивидуализация, локальные и региональные различия, мобильность студентов и коммерциализация высшего образования, определяющие будущие перспективы молодых людей. Установление «взаимозависимости между глобальными акторами, участвующими в определении ценности образования» [1] является важнейшей частью глобальной образовательной политики, учитывающей не только социально-пространственное понимание, но и успешность как отдельных личностей, так и целых государств в получении и трансляции знаний в современной эпохе трансформации общественных отношений.

Постмодерн и/или Постиндустриализм

Для идентификации современной эпохи чаще всего используется два описания: термин постмодерн [2], сменивший многовековой период главенства модерна¹, и термин постиндустриализм [3–5], сменивший индустриальное развитие.

Не акцентируя внимание на некоей неопределенности самих терминов, содержащих временное указание «после»², уточним, что такой подход во многом снимает вопрос о названии эпохи до ее окончательного становления или завершения. Важность этого наблюдения подтверждается еще и тем, что концепция постмодерна, как и постиндустриализма, претерпела изменения за период с момента декларирования возможности трансформации общественных отношений, идентификации новой эпохи до становления преимущественной парадигмы многогранного описания человеческого существования и развития.

Обе парадигмы обладают предсказательными свойствами, предупреждая общество о тех радикальных преобразованиях, которые еще могут наступить, и эти перемены могут происходить как во взаимоотношения членов будущего общества, так и в наборе ценностей, и в системе, формирующей эти ценности, – образовании. Обе парадигмы выдвигают на первый план систему образования, несмотря на то что она возникла в эпоху модернизации и получила свой расцвет в эпоху индустриального общества. Образование оказалось связующим звеном в текущей и предстоящей эпохах между концепцией постмодернистских взглядов и постиндустриальным способом производства необходимых благ для жизни отдельного человека и общества в целом. При этом, учитывая мнение П.И. Касаткина, что «антропологическое измерение аксиологии образования, когда категория ценности утраивается: ценностью является само образование, ценностью является содержание образования и ценностью является реципиент – человек» [4], логично сказать, что роль образования в предстоящей эпохе все еще остается недооцененной.

Личность же, по пессимистической оценке Д.Г. Доброродного, как «личность эпохи постмодерна, освобожденная от господства институциональной системы знания, оказывается в ситуации эпистемологической неопределенности: она самостоятельно решает вопрос об истинности любой информации, но она не может ни на что полагаться в своих решениях» [7]. Такой вывод сделан на основании философии Интернета Л. Ропольи, указывающего, что оцифровка, доступность и тиражирование знания «производят реформуацию» знания [8], что, на наш взгляд, является необоснованным суж-

¹ См., напр.: Модерн // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/philosophy/text/2221721> (дата обращения: 01.02.2020).

² См., напр.: Lyotard J.-F. *La Condition Postmoderne*. Les Editions de Minuit, 1979; Луотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии, 1998 // Центр гуманитарных технологий. URL.: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3097> (дата обращения: 01.02.2020).

дением, основанным как раз на отсутствии должного внимания исследователей ценностным ориентирам.

Феномен постмодерна характеризуется огромным количеством публикаций, каждая из которых описывает отдельные аспекты этого, все еще «нового» явления (нового с 1960-х годов прошлого столетия) [9–17]. Парадигма постиндустриального общества все чаще заменяется синонимами – «информационный» или «цифровой» уклад, уточняющих саму сущность происходящих процессов.

Наследственная особенность единства восприятия модерна и индустриализма приводит к соответственным параллелям и в эпоху трансформации – наступление эпохи постмодерна и постиндустриализма доказывается все более нарастающими проявлениями цифрового мира. Несмотря на внешнюю схожесть, следует обратить внимание, что установление знака равенства между постмодерном и постиндустриализмом ведет к непониманию сущности возникающих противоречий в такой сфере деятельности, как образование, и неопределенности в целевом формировании основной функции – человеческих ценностей.

Смена поколений в период второго модерна

Постмодерн сумел стать главенствующим описанием радикальных преобразований по информатизации и цифровизации общества, при этом многие исследователи не отдают себе отчета в том, что формируемое общество начинает противоречить идеальной модели постмодерна. Тем не менее в ближайшей исторической перспективе (до становления второго модерна) именно идеология постмодерна остается доминирующей при формировании ценностей глобального цифрового мира, характеризующихся в согласии с теорией Р. Инглхарта [18] смещением по оси материализма в сторону нематериальных ценностей. Повторимся, что точное название эпоха постмодерна получит уже после ее завершения перед началом новых преобразований, которые мы в согласии с рядом исследователей называем вторым модерном [19]. Аналогичные изменения происходят и со вторым представлением современной эпохи как постиндустриальной, уже более отчетливо проявляются в сервисизации, обеспеченной информационной поддержкой и управляемой искусственным интеллектом.

Замена продуктовой ориентированности сервисной функциональностью ведет к тому, что новая индустриализация (как термин, наиболее точно отражающий происходящие процессы) завершится тем, что для новых поколений востребованными окажутся более услуги, чем продукты, – и это потребует изменения системы ценностей новых поколений, что уже отмечается в социологических исследованиях поколения Z с достаточно точным соответствием теории Р. Инглхарта [20].

Поколение Z, или *phygital*-поколение, чья жизнь, ценности и модели поведения не формируют отличий между реальным и виртуальным (табл. 1),

для которых «цифровое пространство проникает в физическое и интегрируется с человеком» [21] и для которых обратная связь (которая в традиционном обществе служит источником и критерием ценностного измерения) очень часто реализуется «геймифицированными системами в условиях рабочей среды» [21].

Таблица 1 / Table 1

Характеристики поколений / The characteristics of the generations

Характеристики / Specifications	Поколение X / Generation X	Поколение Y / Generation Y	Поколение Z / Generation Z
Год рождения / Year of birth	1960–1979	1980–1994	1995–2010
Идея / Idea	Поколение одиночек / Loner's generation	Сетевое поколение / Network generation	Цифровое поколение / Digital generation
Исторические условия, повлиявшие на формирование поколения / Circumstances	Политическая трансформация, капитализм / Political transformation, capitalism	Глобализация, экономическая стабильность, зарождение Интернета / Globalization, economic stability, and the birth of the Internet	Мобильность, многозадачность, развитие социальных сетей / Mobility, multitasking, development social network
Образование / Education	Фундаментальное, классическое, традиционное образование / The fundamental, classic, traditional education	Быстрое освоение знаний в разных областях, внедрение элементов дистанционного образования / Rapid development in various fields, elements of distance learning	Внедрение элементов smart-образования / Elements of smart-education
Ценности и карьера / Values and career	Целенаправленное построение карьеры с университета / Focused on building a career since University	Стремление к самореализации / Focused on self realization	Ориентация на разные профессии и решение профессиональных задач / Focused on professional diversity

Источник: составлено автором на основе: Francis T., Hoefel F. "True Gen": Generation Z and its implications for companies. McKinsey&Company, November 2018. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/consumer-packaged-goods/our-insights/true-gen-generation-z-and-its-implications-for-companies/> (accessed: 01.02.2020); Глухов В.В., Васецкая Н.О. Смарт-образование как инструмент повышения качества профессиональной подготовки // Вопросы методики преподавания в вузе, 2017. Т. 6. № 21. С. 8–17 / Source: Made by the author on the basis of: Francis T., Hoefel F. "True Gen": Generation Z and its implications for companies. McKinsey&Company, November 2018. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/consumer-packaged-goods/our-insights/true-gen-generation-z-and-its-implications-for-companies/> (accessed: 01.02.2020); Glukhov V.V., Vasetskaya N.O. Smart education as a tool for improving the quality of professional training. Questions of teaching methods in higher education. 2017; 6(21): 8–17 (In Russ.).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что постиндустриальные преобразования являются вызовом исторически сложившейся модели образования, и этот вызов носит не только национальный, но и наднациональный характер, все более и более обретая черты глобалистического. Указанная проблема, по нашему мнению, может быть решена только последствием более быстрого радикального изменения системы образования. Ожидаемые изменения носят противоречивый характер, и системы образования могут быть как «неоиндустриализованы», так и «постмодернизированы».

Образование как сфера глобальной коммерциализации

Все большая и большая коммерциализация образования (в том числе и становление новой отрасли мирового хозяйства (Global Education Industry [22])³, увеличение числа способов извлечения дохода от образовательной деятельности, все большая доля оцифрованного контента и в итоге, на основе искусственного интеллекта, превращение образования и его ведущих лидеров в цифровую корпорацию. Современность диктует образовательным организациям не просто оказание образовательных услуг, а участие в широком спектре обмена и потребления этих услуг на коммерческой основе и в рамках наднационального взаимодействия, включающего электронное обучение, образовательный маркетинг, подготовку тестов проверки знаний, онлайн-платформы образовательных программ, частное репетиторство и услуги дополнительного образования, в том числе подготовку и повышение квалификации преподавателей.

Необходимо обратить внимание на следующий факт, что если ранее образование преимущественно включало в себя в качестве производителей знаний университеты и другие образовательные учреждения разного уровня образования, то сейчас используется термин *edu-businesses*⁴, новых представителей (агентов) в отрасли образования, которые мотивированы исключительно на получение прибыли. Новые агенты начинают формировать конкурентные отношения как между собой, так и между университетами, прежде всего государственными, а также активно прибегают к возможностям привлечения финансового капитала для расширения своей деятельности, а также осуществляя слияния и поглощения (например, покупая стартапы Edutech, занимающиеся разработкой программного обеспечения для образовательных организаций).

Развитие цифровизации в образовании особенно активизировалось в 2008 году после запуска многопользовательских онлайн-курсов Massive Open Online Courses (МООС), которые задали основу для формирования новой сферы в образовательном контексте – дистанционное или электронное образование, обеспечивающее возможность оперативного взаимодействия обучающихся и преподавателей, что является основой для обеспечения высокого уровня удовлетворенности обучением. Следует отметить, что сами

³ См. напр.: *Selinger J.* The Third Education Revolution // *The Atlantic*. 22 марта, 2018. URL: <https://www.theatlantic.com/education/archive/2018/03/the-third-education-revolution/556091/> (accessed: 01.02.2020); *Hogan A., Thompson G.* Commercialization in Education // *Oxford Research Encyclopedias*. Декабрь 2017. URL: <http://education.oxfordre.com/view/10.1093/acrefore/9780190264093.001.0001/acrefore-9780190264093-e-180?print=pdf> (accessed: 01.02.2020).

⁴ См. напр.: *Verger A.* The rise of the global education industry: Some concepts, facts and figures // *Worlds of Education*. 14 марта, 2016. URL: https://www.worldsofeducation.org/en/woe_homepage/woe_detail/4850/the-rise-of-the-global-education-industry-some-concepts-facts-and-figures (accessed: 01.02.2020).

университеты не смогли сделать этого самостоятельно – так, один из самых известных и успешных проектов – лидер онлайн-образования: платформа Coursera – разрабатывалась специалистами Стенфордского университета при поддержке компании Google.

Так, в рамках развития новых форматов передачи знаний российские университеты планируют к 2025 году создать не менее 4 тыс. онлайн-курсов, что подтверждает встроенность в глобальные образовательные тренды как онлайн-образование на базе образовательных интернет-платформ: например, Высшая школа экономики размещает свои курсы на Coursera, Университет ИТМО – на платформе edX, также используется и российский ресурс – Национальная платформа открытого образования. При этом одной лишь цифровой стратегии (применение цифровых технологий в образовательном процессе) современному университету недостаточно – чтобы быть эффективным, конкурентоспособным и устойчивым в эпоху всеобщей цифровизации, необходимо стратегически решать задачи повышения эффективности, включая все аспекты деятельности (цифровизация управления, цифровая организация учебного процесса и развитие цифровых компетенций студентов и преподавателей и т.п.).

В настоящее время с учетом накопленного опыта ведущих университетов мира, прежде всего Массачусетского технологического института MIT, который одним из первых осуществил проект OpenCourseWare (MIT OCW), связанный с размещением в свободном доступе образовательных материалов (лекций, учебных планов и программ, контрольных заданий и др.) по всем образовательным курсам, следует выделить два фактически значимых аспекта: как обеспечить финансирование цифрового развития университета и как организовать бесплатное распространение контента при условии, что возможность удаленного ознакомления с образовательными материалами позволила абитуриентам сделать выбор в пользу конкретного университета. Так, опыт MIT свидетельствует о том, что изначально привлекались спонсорские средства (прежде всего фонда Hewlett Foundation), а затем OpenCourseWare перерос рамки одного университета и стал фактически интегрированным – был создан OpenCourseWare Consortium, объединяющий образовательные ресурсы институтов и университетов США и зарубежных стран. Следует отметить основную проблему проекта OpenCourseWare@MIT – поскольку проект не ориентирован на получение прибыли (доходы в основном идут от размещения ссылок для покупки учебников на Amazon.com), то актуальны вопросы его финансирования, которое может быть организовано и в рамках развития глобальной образовательной политики, включая удовлетворение потребностей в обучении со стороны развивающихся стран, тем более учитывая возможности обучения инженерным профессиям, которые важны для укрепления потенциала социально-экономического роста.

Коммерциализация образования – сложившийся тренд, актуальный в контексте рассмотрения образования как отрасли мирового хозяйства

(Global Education Industry), для которой действуют законы рынка и развитие которой требует использования инструментов маркетинга, и эксплуатирующий представления об успехе денежной оценки образовательных услуг, подменяющей систему ценностей потребителя. Альтернативной заменой обучения может стать формирование некоей среды (часто называемой исследователями Web-средой), где происходят различные события с разной степенью виртуализации и вероятности, приводящие к формированию новых компетенций будущего члена общества, но при этом «наука, искусство, политика и философия в условиях сетевой коммуникации “открепляются” от авторитетного экспертного источника (субъекта знания и творчества)» [2], и ожиданиям, что новая среда сама сформирует новые ценности (web-ценности). Различные оценки будущих систем автоматического воспитания личности в настоящее время относим к футуристическим оценкам будущих событий, которые с определенной долей вероятности могут и не наступить, так как человек становится личностью именно в обществе, обладая ценностным мышлением с преобладающей потребностью в общении с себе подобными.

Образовательная политика для поколения Z: тренды постмодерна VS тренды постиндустриализма

Опираясь на тезис, что именно образование является одним из столпов формирования ценностей человеческой личности, следует задать правомерные вопросы:

– Сформирует ли цифровая образовательная корпорация систему ценностей, которая необходима для успеха новому поколению, идущему за поколением Z?

– Возможно ли цифровое воспитание?

– Возможна ли замена ценностей человеческого общения, в том числе «учитель-ученик», «наставник-ученик» цифровой моделью?

– Возможна ли эквивалентная замена эмоций и сопереживаний в цифровом мире?

Одним из оптимистичных ответов на поставленные вопросы является следующий: образовательная политика должна опираться не на тренды постиндустриализма, несмотря на стремление соответствовать потребности, а на тренды постмодерна. Такое видение дает иное представление о развитии системы образования, в свою очередь, обеспечивающего развитие личности, а не только воспроизводство и тиражирование знаний. Единственное, что такой подход требует четкого разделения и критической оценки тех подходов, когда эпоха модерна и становления второго модерна описывается через постиндустриальные дефиниции и систему критериальной цифровой оценки. Кроме того, отчетливо наблюдаемый за прошедшие десятилетия ярко выраженный динамизм черт и особенностей, присущих постмодернистскому описанию, требует постоянного наблюдения за происходящими изме-

нениями с целью понимания того, как меняется образовательная политика⁵ и как образование должно формировать систему ценностей человека будущего.

Перечислим, что дал постмодерн уже в произошедшем влиянии на образование, что уже закреплено в обучении без ссылок на инновации и постмодерн.

Образование получает черты процесса, а не набора предметов, процессное представление обеспечивает указание пути, по которому должен двигаться обучающийся при получении образования, при этом во многом корректировка пути происходит во взаимодействии с обучающимся. Постмодернизм привел к развитию контекстуальности реализации содержания образования в условиях конкретного обучения и усилению роли диалога в процессе обучения. Постмодернизм усилил роль исследователя как в обучении, так и в познании, обеспечивая возможность многодискурсивной интерпретации. Этот перечень можно продолжать, но многие черты современного образования уже восприняли университеты в своей практике.

Для дальнейшего рассмотрения выделим три базисные черты, которые будем обязаны учитывать далее, при исследовании возможности трансформации образования и модели ценностей из постмодернистских позиций для общества, осуществляющего постиндустриальную трансформацию.

Во-первых, это глобальное проявление концепций постмодерна, и при любом исследовании необходимо учитывать существование (наличие) глобального уровня, все более проникающего в тенденции развития национального образования.

Во-вторых, следует обратить внимание на то, что постмодернизм, несмотря на общее воздействие на систему, оказывает влияние и на отдельные параметры образовательных политик, и, следовательно, не менее тщательно следует изучать и отдельные, локальные проявления.

В-третьих, необходимо обосновать тот факт, что нарастающая оцифровка знаний делает доступным это знание для копирования и тиражирования, что, в свою очередь, приведет к его обесцениванию, несмотря на современные попытки формирования тренда удорожания нематериальных активов.

Наиболее востребовано будет знание, которое невозможно оцифровать (в трактовке К. Нордстрема и П. Шлингмана [23], «любое знание, которое можно ухватить, приручить и затем выразить», можно также оцифровать. Но все, что можно оцифровать, можно скопировать. Этот тип знания стремительно превращается в «оптовый товар». Ценность имеет «знание такого типа, которое невозможно записать или разбить на образующие его компоненты»). Формирование моделей образования, построенных не на оцифрованном знании, обеспечит существенное преимущество в цифровой среде. Следует сразу отметить, что с нашей точки зрения как минимум две группы компетенций,

⁵ См. напр.: *Selino J. The Third Education Revolution // The Atlantic. 22 марта, 2018. URL: <https://www.theatlantic.com/education/archive/2018/03/the-third-education-revolution/556091/> (accessed: 01.02.2020).*

уже сейчас можно отнести к неоцифруемым: навыки коммуникаций и сформированные ценности.

Усиление постмодерна послужило катализатором развития геополитики, обеспечивая не только стандартное понимание глобального мира, но и формируя стремление осознания и создания национального самосознания. Если первоначально постмодерн трактовался как «утрата национальной идеи, потеря памяти об историческом прошлом, отказ от веками выработанных норм морали и правил поведения» [24], то постепенно пришло понимание того, что «глобальное» невозможно без «национального» самосознания. Именно национальные черты обеспечивают существование более глобального (более высокого) уровня интеграции. По мнению Н.Г. Багдасарьян, ценность образования «обретается на пересечении двух векторов: глобального образовательного пространства и историко-культурного пласта традиций и образцов» [25].

Комплексный анализ современной глобальной политики в образовании позволяет сделать вывод, «что в некоторых случаях, ссылка на “наднациональный” была бы более точной, чем “глобальный”, так как многие из тенденций, которые мы наблюдаем в политике в области образования являются более интенсивными в региональном масштабе, чем в глобальном» [26]. Интернационализация образования не отражает новизну современного развития с точки зрения мобильности в высших учебных заведениях или транснациональных стратегий среди элиты, но уже отражает фундаментальный сдвиг в массовом предпочтении получения более разнообразных подходов к трансляции знаний и обеспечения возможности более разнообразного выбора. При этом следует отметить, что призывы к построению единой мировой системы (или угрозы со стороны оппонентов об опасности такой системы) не состоятельны, так как в этом случае мир получит однородную систему, не обладающую достаточным разнообразием для дальнейшего развития. Поэтому глобальная политика должна приводить к формированию ценностей, включающих сохранение национального самосознания при глобальном единстве реализуемых проектов и обеспечении социально-пространственной свободы образовательных процессов.

Результат глобальной образовательной политики: индивидуализм и/или социализация

Отличительной чертой постмодернизма остается индивидуализация, вступающая в противоречие с социализацией, более присущей цифровому миру (постиндустриальной концепции). Цифровая эпоха активно направлена на сокращение индивидуального, так как цифровизация позволяет более эффективно и быстро формировать новые общности, новые группы людей, и принадлежность к новой группе (успешной) для многих участников является неоспоримым преимуществом и свидетельством удачи собственной жизненной траектории, несмотря на потерю собственной индивидуальности. Это

явление будет усиливаться также традиционно, как это происходило и в индустриальном обществе, в котором такие социальные группы формировались первоначально больше по профессиональному признаку и принадлежность к которым служила признаком социального успеха. Если социализация будет происходить без формирования системы ценностей, то такое участие в группах может приводить к различным коллизиям вплоть до антиобщественных.

Понимание постмодерна как фрагментарной смены состояний часто приводит к выводам, что личность в этом случае характеризуется устойчивой сменой состояний, переходя от одних проектов к другим, от одних состояний к другим [13], что, в свою очередь, обуславливает негативные выводы о постмодерне как деструктивном явлении. Этот вывод Ж.-Ф.Лиотара опровергнут временем и сегодня даже в образовании хорошо заметны тенденции, когда обучающийся выбирает не одну, а несколько траекторий обучения, формируя свой багаж знаний в соответствии с востребованностью и личной удовлетворенностью, и критерием такого решения становится именно система ценностей, для которой постмодерн предоставляет возможность выбора. Кроме того, и Ж.-Ф. Лиотар [13] понимает важность полемического мышления (диссенсуса) как разнообразия смыслов, позиций и мнений.

Дуализм модерна и постмодерна

Исследуя частные траектории, следует обратить внимание, что одновременно в обществе в один исторический период протекают процессы, относимые как к модернизму, так и постмодернизму. Дуализм модерна и постмодерна обеспечивает достойное завершение эпохи модерна и понимание природы вещей постмодерна. Однако в настоящее время очевидно, что постмодерн не обеспечил собственный радикальный прорыв, и не случайно многие экономические и социологические концепции начинают рассуждать о неоиндустриализации, реиндустриализации, возрождении промышленного способа производства и т.д., вместо того чтобы говорить об эпохе второго модерна (и отнюдь не эпохе возрождения модерна). Конечно, для реального сектора экономики более прагматично появление изначально базиса в виде сервисизации (преобладание третичного сектора в экономике) в потреблении с уже дальнейшим осмыслением. Но без принятого всем обществом (всеми поколениями) целевого ориентира такое развитие практически невозможно. В связи с этим тезисом целесообразно отметить, что в настоящее время можно говорить о тройственной природе: зарождение второго модерна, постмодерна и рефлексии по модерну с его правилами общественного устройства, прозрачности (привычности) системы ценностей и успешности экономической модели на определенном интервале времени, а также главенствующей роли образования в успехе человека. Тем не менее, оставляя за рамками данной статьи предположения о формирующемся паттерне второго модерна, мы останавливаемся на постмодерне как на системе общественных

отношений информационного общества, в силу своего разнообразия обеспечивающего устойчивость современной эпохи, не забывая, что «мы живем в новом мире, но наше сознание пока еще находится под влиянием вчерашнего мировоззрения», и новые «правила игры задают нам цифровые технологии, глобализация и новое понимание успеха» [23].

Распространенной ошибкой аналитических рассуждений концепций постмодерна и цифрового общества является смешение категорий будущей неопределенности и предопределенности. Цифровое общество после своего становления обещает существенно сократить разнообразие мира в его проявлениях в силу невиданного до сих пор превосходства в предопределенности будущего с переходом от разнообразия методов управления таким обществом к единству методов в рамках выбранной модели. Замена возможности выбора детерминированной моделью, основанной на искусственном интеллекте, может привести к двум ситуациям в будущем: это поиск (и нахождение) для самовыражения личности принципиально новой сферы деятельности («дикой», не подлежащей оцифровке, о которой говорилось выше [23]). По мнению П.И. Касаткина, «технократическая перспектива, практически полностью лишаящая образование аксиологической перспективы, не может рассматриваться в качестве позитивного сценария» [4]. Указанное свойство самовыражения вкупе с навыками коммуникаций приводит к принципиальному выводу, что для такого общения должна быть создана специальная среда, обеспечивающая живое общение. Такая среда может возникать только при повышении плотности населения, что обеспечит необходимое разнообразие. Следовательно, университеты должны сохранять за собой функцию обеспечения общения, т.е. коммуникаций при организации процессов познания новых объектов, которые не подлежат оцифровке, например, как это осуществляется при проведении лабораторных работ в технических или медицинских вузах. Развитие образовательной мобильности должно стать базовой основой, основным противодействием моделям электронного обучения, не представляющим возможности живого общения. Среди определенных требований становится необходимым исследовательская составляющая любого образования. Именно при проведении исследований, ликвидации разрыва между наукой и образованием [4], освоении в будущем неоцифрованного знания обучающийся получает максимальное количество знаний, обладающих практической новизной и ценностью. В данном случае проектный подход, проектное мышление должны уступить пальму первенства, удерживаемую последние годы проектным мышлением, в пользу исследовательского подхода.

Выводы

В качестве заключения следует представить следующие выводы. Не подлежит сомнению, что образование для сохранения своего влияния должно пройти в ближайшее время быстрый путь от экономики товара (образова-

тельных программ и свидетельства об их прохождении) к экономике знаний, обеспечивая конкуренцию с накопленными оцифрованными системами знания. При этом образование должно расстаться со своим собственным консерватизмом (который часто восхваляется в университетах под эгидой того, что именно образовательный традиционализм становится инструментом устойчивости) и начать формировать ценности, присущие предстоящей эпохе. Тем не менее образование, желая сохранить свою роль в системе ценностей, должно развивать исследовательскую компоненту. Чем быстрее обновляемая система образования будет соориентирована на формирование ценностей в новой среде, тем эффективнее будет переход на новое развитие и успешнее карьера и жизненный успех личности. Навыки общения и построения коммуникаций, обеспеченные ценностями, сохраняют человеческий облик будущего общества даже при тотальной цифровизации. И именно парадигма постмодерна должна предоставить необходимый уровень творческой свободы личности, получившей сформированную систему ценностей обновленным образованием.

Библиографический список

- [1] *Forsberg S.* Setting a global agenda of education: Cooperation and tension within the global education policy field // *Geoforum*. 2019. № 100. P. 32–40.
- [2] *Дженкс Ч.* Язык архитектуры постмодернизма. М.: Стройиздат, 1985. 136 с.
- [3] *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 944 с.
- [4] *Касаткин П.И.* Ценностный компонент в образовании: нужен ли он сегодня? // *Вестник ВГУ. Серия: Философия*. 2017. № 2. С. 42–50.
- [5] *Иноземцев В.Л.* Постмодерн // *Новая философская энциклопедия*. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 296–297.
- [6] *Лебедева М.М.* Международно-политические процессы интеграции образования // *Интеграция образования*. 2017. Т. 21. № 3. С. 385–394.
- [7] *Добродородный Д.Г.* Интернет как технологическая основа культуры постмодерна: философия интернета Л. Ропольи // *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2019. № 2. С. 32–38.
- [8] *Ropolyi L.* Prolegomena to a Web-Life-Theory // *Acta Universitatis Sapientiae, Communicatio*. 2014. № 1. P. 9–19.
- [9] *Бауман З.* *Текущая современность*. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
- [10] *Бодрийяр Ж.* *В тени молчаливого большинства, или Конец социального*. Екатеринбург: Издательство уральского университета, 2000. 124 с.
- [11] *Волков В.Н.* Постмодерн и его основные характеристики // *Культурное наследие России*. 2014. № 5 (2). С. 3–8.
- [12] *Иноземцев В.* *Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы*. М.: Логос, 2000. 304 с.
- [13] *Лиотар Ж.-Ф.* *Состояние постмодерна*. М.; СПб: Алетейя, 1998. 160 с.
- [14] *Тойнби А.Дж.* *Исследование истории: в 3 т.* СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та: «Издательство Олега Абышко», 2006. 478 с.
- [15] *Хагуров Т.* Постмодернизм в поле массовой культуры // *Социологические исследования*. 2007. № 9. С. 125–130.
- [16] *Anderson P.* *Origins of Postmodernity*. London, New York, Verso, 1998. 150 p.

- [17] Jameson F. *Postmodernism, Or, the Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham: Duke Univ. Press, 1990. 461 p.
- [18] Inglehart R., Wayne E. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65. № 1. P. 19–51.
- [19] Beck U. The cosmopolitan perspective: sociology of the second age of modernity // *British Journal of Sociology*. 2000. Vol. 51, Issue 1. P. 79–105.
- [20] Inglehart R., Welzel C. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge University Press, 2005. 464 p.
- [21] Мамина П.И., Толстикова И.И. Поколенческая проблематика в цифровую эпоху: философская проекция // *Дискурс*. 2019. № 5 (6). С. 29–41.
- [22] Verger A., Lubienski C., Steiner-Khamsi G. *The 2016 World Yearbook on Education: The Global Education Industry*. Routledge, 2016. 314 p.
- [23] Нордстрем К., Шлингман П. *Urban Express: 15 правил нового мира, в котором главные роли у городов и женщин*. М.: Альпина Паблишер, 2019. 220 с.
- [24] Тронеvская М.А. Трансформация социальной идентичности в условиях кризиса пост-модернистского общества и культуры // *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 13. С. 34–37.
- [25] Багдасарьян Н. Г. Ценность образования в модернизирующемся обществе, или Ценность знания в обществе незнания // *Педагогика*. 2008. № 5. С. 3–10.
- [26] Verger A., Novelli M., Altinyelken H.K. *Global Education Policy and International Development: A Revisited Introduction* // Verger A., Novelli M., Altinyelken H.K. (eds). *Global Education Policy and International Development: New Agendas, Issues and Policies (2nd edition)* London: Bloomsbury, 2018. P. 1–34.

References

- [1] Forsberg S. Setting a global agenda of education: Cooperation and tension within the global education policy field. *Geoforum*. 2019; 100: 32–40.
- [2] Jencks C. *Language of post-modern architecture*. Moscow: Stroizdat, 1985. 136 p. (In Russ.).
- [3] Bell D. *Coming post-industrial society. Experience in social forecasting*. Moscow: Academia, 2004. 94 p. (In Russ.).
- [4] Kasatkin P.I. Value component in education: is it needed today? *VSU Bulletin. Series: Philosophy*. 2017; 2: 42–50 (In Russ.).
- [5] Inozemtsev V.L. Postmodern. *New philosophical encyclopedia*. Vol. 3. Moscow: Myusl, 2010: 296–297 (In Russ.).
- [6] Lebedeva M. M. International-political processes of integration of education. *Integration of education*. 2017; 21 (3): 385–394 (In Russ.).
- [7] Dobrorodny D. G. Internet as a technological basis of postmodern culture: philosophy of the Internet L. Ropolyi. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology*. 2019; 2: 32–38 (In Russ.).
- [8] Ropolyi L. Prolegomena to a Web-Life-Theory. *Acta Universitatis Sapientiae, Communicatio*. 2014; 1: 9–19.
- [9] Bauman Z. *Fluid modernity*. Saint-Petersburg, Peter, 2008. 240 p. (In Russ.).
- [10] Baudrillard J. *In the shadow of the silent majority, or the end of the social*. Ekaterinburg: Ural University Press, 2000. 124 p. (In Russ.).
- [11] Volkov V.N. Postmodern and its main characteristics. *Cultural Heritage of Russia*. 2014; 5 (2): 3–8 (In Russ.).
- [12] Inozemtsev V. *Modern post-industrial society: nature, contradictions, prospects*. Moscow: Logos, 2000. 304 p. (In Russ.).
- [13] Lyotard J.-F. *State of postmodernism*. Moscow; Saint-Petersburg: Aleteia, 1998. 160 p. (In Russ.).

- [14] Toynbee A. J. *History research*: In 3 vol. Saint-Petersburg: Publishing house of the St. Petersburg University: “Publishing house of Oleg Abyshko”, 2006. 478 p. (In Russ.).
- [15] Hagurov T. Postmodernism in the field of mass culture. *Sociological research*. 2007; 9: 125–130 (In Russ.).
- [16] Anderson P. *Origins of Postmodernity*. London, New York, Verso, 1998. 150 p.
- [17] Jameson F. *Postmodernism, Or, the Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham: Duke Univ. Press, 1990. 461 p.
- [18] Inglehart R., Wayne E. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values. *American Sociological Review*. 2000; 65 (1): 19–51.
- [19] Beck U. The cosmopolitan perspective: sociology of the second age of modernity. *British Journal of Sociology*. 2000; 51 (1): 79–105.
- [20] Inglehart R., Welzel C. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge University Press, 2005. 464 p.
- [21] Mamina R.I., Tolstikova I.I. Generational problems in the digital age: philosophical projection. *Discourse*. 2019; 5 (6): 29–41 (In Russ.).
- [22] Verger A., Lubienski C., Steiner-Khamsi G. *The 2016 World Yearbook on Education: The Global Education Industry*. Routledge, 2016. 314 p.
- [23] Nordstrom K., Schlingmann P. *Urban Express: 15 rules of the new world, in which the main roles of cities and women*. Moscow: Alpina Publisher, 2019. 220 p. (In Russ.).
- [24] Pronevskaya M.A. Transformation of social identity in the conditions of crisis of postmodern society and culture. *Theory and practice of social development*. 2015; 13: 34–37 (In Russ.).
- [25] Bagdasaryan N.G. Value of education in a modernizing society, or Value of knowledge in a society of ignorance. *Pedagogy*. 2008; 5: 3–10 (In Russ.).
- [26] Verger A., Novelli M., Altinyelken H.K. Global Education Policy and International Development: A Revisited Introduction. In Verger A., Novelli M., Altinyelken H.K. (eds). *Global Education Policy and International Development: New Agendas, Issues and Policies* (2nd edition) London: Bloomsbury, 2018: 1–34.

Информация об авторе:

Екатерина Андреевна Антюхова – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России, Москва, Россия (ORCID ID: 0000-0003-0860-4792) (e-mail: e.antyukhova@gmail.com).

Information about the author:

Ekaterina A. Antyukhova – PhD (Pol. Sci.), Senior Lecturer, Comparative Politics Department, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA of Russia (MGIMO University) Moscow, Russia (ORCID ID: 0000-0003-0860-4792) (e-mail: e.antyukhova@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-305-311

Интервью / Interview

Информационная статья / Information article

Международные образовательные программы как инструмент мягкой силы и выстраивания диалога между государствами

Интервью с Дарио Баттистелла,
директором по исследованиям института политических
исследований Сьянс По Университета Бордо (Франция)

Дарио Баттистелла

Институт политических исследований Университета Бордо
Франция, 33607, PESSAC, allée Ausone, 11, Domaine Universitaire
d.battistella@sciencespobordeaux.fr

International Educational Programs as an Instrument of Soft Power and Building Dialogue between States

Interview with Dario Battistella, Director for Research
of Sciences Po Bordeaux (France)

Dario Battistella

Sciences Po Bordeaux
11 Allée Ausone, Pessac, 33607, France
d.battistella@sciencespobordeaux.fr

Аннотация. Дарио Баттистелла является классиком французской и европейской политической науки и теории международных отношений, автором фундаментального труда «Теория международных отношений», который переиздавался шесть раз с момента его первой публикации в 1981 году. Д. Баттистелла является также автором книг «Возвращение из состояния войны» (2006 г.), «Одномерный мир» (2011 г.), «Мир и война в 21-м веке» (2011 г.). Профессор Баттистелла имеет опыт работы в ведущих университетах мира: Science Po Paris, Высшая школа социальных наук в Париже (EHESS), Университет Шербрука (Квебек), Университет Колорадо (США), Университет Лавала (Квебек). С 2017 года Дарио Баттистелла является директором по исследованиям в Институте политических исследований в Бордо, пре-

© Баттистелла Д., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

подает курсы по политологии и теории международных отношений. В 2020 году по рейтингу QS Top Universities французская школа политических исследований Sciences Po вышла на третье место в мире в предметном рейтинге «политика и международные отношения». В интервью Дарио Баттистелла рассказывает о роли международных образовательных программ в выстраивании политического диалога между государствами, российско-французских отношениях, важности интернационализации образования для решения глобальных проблем, а также делится опытом реализации совместной магистерской программы по европейским политическим исследованиям с Российским университетом дружбы народов.

Ключевые слова: международные образовательные программы, мягкая сила, интернационализация образования, иностранные студенты, экспорт образования, магистерская программа, Сьянс По Бордо, РУДН

История статьи: Поступила в редакцию 15.01.2020. Принята к публикации 02.02.2020.

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке проекта РУДН 5-100. Интервью и перевод подготовил Ягодка Николай Николаевич.

Для цитирования: *Баттистелла Д.* Международные образовательные программы как инструмент мягкой силы и выстраивания диалога между государствами. Интервью с Дарио Баттистелла, директором по исследованиям института политических исследований Сьянс По Университета Бордо (Франция) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2020. Т. 22. № 2. С. 305–311. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-305-311

Abstract. Dario Battistella is a classic of French and European political science and the theory of international relations, the author of fundamental «Theory of International Relations», which has been reprinted six times since its first publication in 1981. D. Battistella is also the author of «Return from the State of War» (2006), «One-Dimensional Peace» (2011), «War and Peace in the 21st Century» (2011). Professor Battistella has worked in the leading universities: Science Po Paris, Graduate School of Social Sciences in Paris (EHESS), University of Sherbrooke (Quebec), University of Colorado (USA), University of Laval (Quebec). Since 2017, Dario Battistella is the Director of Research at the Institute for Political Studies in Bordeaux, he teaches political science and theory of international relations. In 2020 QS Top Universities Ratings named Sciences Po third best political science higher school in the World. In this interview, Dario Battistella talks about the role of international educational programs in establishing of political dialogue between states, French-Russian relations, the importance of internationalizing education to solve global problems, and also shares experience in implementing a joint master's program in European political studies with RUDN University.

Keywords: international educational programs, soft power, internationalization of education, foreign students, export of education, master's program, Sciences Po Bordeaux, RUDN University

Article history: Submitted on 15.01.2020. Accepted on 02.02.2020.

Acknowledgments: The publication has been prepared with the support of the «RUDN University Program 5-100». The interview and translation are presented by Nikolay Yagodka.

For citation: Battistella D. International Educational Programs as an Instrument of Soft Power and Building Dialogue between States. Interview with Dario Battistella, Director for Research of Sciences Po Bordeaux (France). *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (2): 305–311. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-305-311

– *Уважаемый профессор, уже много лет Российский университет дружбы народов и Университет Сьянс По Бордо (Франция) реализуют совместную магистерскую программу «Политические проблемы европейской интеграции». Как вы можете оценить опыт сотрудничества двух университетов в образовательной сфере?*

– Наша совместная магистерская программа сочетает в себе все лучшие достижения и преимущества двух национальных образовательных систем, предлагая студентам широкий выбор возможностей для построения собственной карьерной траектории. Обучаясь по программе, студенты приобретают набор навыков и компетенций, позволяющих им отчетливо ориентироваться в международной политике, международных отношениях и политических процессах в условиях перманентной неопределенности и турбулентности международной среды. Востребованность подобного образования растет ежегодно, что выражается в улучшении позиций наших университетов в международных предметных рейтингах, а также росте количества желающих поступить на программу. Отбор студентов на программу происходит на конкурсной основе, что обеспечивает очень высокий профессиональный уровень обучающихся. Безусловным преимуществом программы является прохождение студентами производственной практики в профильных государственных учреждениях и ведомствах, международных и дипломатических структурах, ведущих государственных и коммерческих компаниях, политических институтах, консалтинговых агентствах и во многих других организациях.

– *Большое количество европейских и российских высших учебных заведений готовят сегодня специалистов в сфере международных отношений и политологии. Востребованы ли выпускники совместной программы на международном рынке труда и за счет чего они могут конкурировать с выпускниками других университетов?*

– Перспективы трудоустройства выпускников нашей совместной программы очень разнообразны. Наши выпускники работают в структурах Европейского союза, государственных и коммерческих организациях России, Франции, стран СНГ, дипломатических структурах, общественных и некоммерческих организациях. Большой популярностью пользуется и работа в сфере науки и образования, что также способствует развитию гуманитарного и академического диалога между разными странами. Выпускники нашей программы обладают навыками работы в многонациональной и мультикультурной среде, что позволяет им с легкостью трудоустроиваться в любой интересной для них стране. А отличное знание минимум двух языков (французского и русского) делает наших специалистов привлекательными для работодателей из многих стран мира.

– *Обучение на иностранных языках представляет сложность для студентов?*

– Я преклоняюсь перед той огромной работой, которую студенты проделывают на пути к получению диплома магистра. Учеба на иностранном языке

ке: для французов – на русском, для россиян – на французском, а также на английском, так как некоторые преподаватели Университета Сьянс По преподают на английском – задача, справиться с которой может далеко не каждый. Я являюсь прямым доказательством этого: около 35 лет назад я пытался начать изучать русский язык, но после 3–4 уроков сдался, обескураженный отсутствием видимого прогресса.

Почему мне хотелось выучить русский язык? Потому что с тех пор, как я начал интересоваться политикой, историей, литературой, искусством, Россией, я бы сказал Великой Россией, она всегда очаровывала меня. Свою первую поездку за границу я совершил в 1977 году со своим школьным классом именно в СССР. Мы посетили Москву, Ленинград, ныне Санкт-Петербург. Это ли не является доказательством очарования вашей страны?

Большой интерес французов к России, ее культуре, традициям и истории компенсирует все сложности, связанные с изучением русского языка.

– Какую роль, на ваш взгляд, играет образование в выстраивании политического диалога между государствами? Можно ли сказать, что реализация совместных образовательных программ способствует снижению недоверия между гражданами различных стран: в нашем случае между Россией и Францией?

– Согласно результатам опроса общественного мнения в 33 странах мира, проведенным исследовательским центром Pew Research Center, в 16 странах из 33, в которых проводился опрос, отношение к России скорее негативное, чем позитивное. В странах Западной Европы только 31% опрошенных относится к России позитивно, во Франции данный показатель составляет 33%¹. В условиях снижения уровня доверия к России как важнейшему актору мировой политики со стороны граждан различных стран мира образование способно выступить тем необходимым мостом, который сблизит Россию с другими участниками мировых политических процессов.

Получив уникальное образование во Франции и в России, выпускники нашей магистерской программы получают два диплома государственного образца – российский и французский, а также глубокие знания и международные компетенции, знание минимум двух языков (русского и французского), опыт работы и взаимодействия в поликультурной среде. Многие французские выпускники предпочитают выбирать работу, связанную с взаимодействием с Россией и практикой русского языка. Таким образом французские студенты являются проводниками российско-французской мягкой силы, способствуя сближению двух стран, снижению уровня взаимной неопределенности и страхов, а также транслированию позитивного образа России в мире.

¹ Russia and Putin receive low ratings globally. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/02/07/russia-and-putin-receive-low-ratings-globally/> (accessed: 15.02.2020).

– *Россия и Франция имеют богатую историю взаимоотношений: периоды дружбы и диалога сменялись периодами конфронтации и открытого противостояния. Насколько важно сохранить историческую память взаимоотношений наших стран? Влияет ли это на политику, проводимую сегодня Россией и Францией в отношении друг друга?*

– В XVIII веке Вольтер говорил о христианской Европе как о «Великой республике, разделенной на несколько государств», и он описывает границы этой «Великой республики»: «до Московии», которую характеризует как «все еще варварское государство» [1]. Это, однако, не мешает ему идти ко двору Екатерины II в полном убеждении, что «новый свет», которым для него является философия, «проникнув на Север... будет светить там всегда». Неоднозначное отношение продолжается и в XIX веке, когда Токвиль пишет, что «сегодня на земле существует два великих народа, которые, двигаясь с разных концов, похоже, стремятся к одной и той же цели: это русские и англо-американцы. <...> Их отправная точка отличается, их пути разнообразны; тем не менее похоже, что тайный план Провидения призвал их однажды взять в свои руки судьбы половины мира». Тем не менее, он не может воздержаться от уточнения, что средства, используемые для этого американцами и русскими, являются полными противоположностями друг другу: «один выбирает основным средством свободу, другой – рабство» [2].

В XX веке, примерно за 10 лет до того, как Холодная война подтвердила это пророчество Токвиля, Андре Жид воздал должное «этому героическому и замечательному русскому народу, который так (сильно) заслуживает нашей любви», прежде чем выразить озабоченность по поводу некоторых «решений, которые, по-видимому, указывают на изменение ориентации» СССР в 1930-х годов [3].

Абсолютно очевидно, по крайней мере для профессора по политическим наукам, – профессиональная деформация обязывает видеть политику повсюду – подобное неоднозначное восприятие французами России нельзя отделить от исторического франко-русского соперничества на международной политической арене:

- Россия и Франция были союзниками во время Второй мировой войны и врагами во времена вторжения Наполеона в Россию и сокрушительного поражения на Березине, после которого казаки дошли до берегов Сены, где – согласно причудливой этимологии – они дали имя типично французскому заведению – бистро – от русского слова «быстро», которое они произносили, чтобы поторопить обслуживающих официантов.

- Франция и СССР были партнерами во времена Холодной войны, когда генерал Шарль де Голль нуждался в помощи Москвы, чтобы оказывать сопротивление США, одновременно не допустив усиления влияния Коммунистической Партии Франции (КПФ), в то время как СССР использовал КПФ как инструмент влияния на французскую политику, особенно это касалось вопросов противостояния де Голля с Вашингтоном.

• Россия и Франция являлись историческими соперниками на Ближнем Востоке со времен правления Наполеона III и Николая I. Речь шла о стремлении контролировать святые места христианского мира. Следствием подобного стремления явилась Крымская война 1853–1856 гг., в которой первоначально Россия воевала против Османской империи, а впоследствии и против Франции с Великобританией.

В настоящее время мы также наблюдаем соперничество между странами, сначала между В. Путиным и Ф. Олландом, потом Э. Макроном, одновременно в Сирии и в Крыму...

– Можно ли говорить о совместной магистерской программе РУДН и Сьян-По Бордо как инструменте «мягкой силы» России во Франции и Франции в России? Влияет ли сотрудничество в сфере образования на политику наших государств?

– На самом деле, согласно Астольфу де Кюстину, если, несмотря на свои «грандиозные размеры» и «политическое значение», во Франции боятся Россию, то это только потому, что «крайне мало знают о ней» [4]. И именно здесь выпускникам нашей совместной программы предстоит сыграть свою роль. Французы, отучившиеся в России, и россияне, прошедшие учебу во Франции, преодолели страх перед друг другом. Дружба народов – это прекрасное имя, которое носит ваш университет, это не просто слова. За время учебы наши студенты получают возможность прочувствовать и увидеть настоящую дружбу между народами: изо дня в день, общаясь со студентами, преподавателями, обычными гражданами, как во Франции, так и в России. Благодаря этому опыту я уверен, рождается взаимная эмпатия или, по крайней мере, желание идти навстречу другому без каких-либо предубеждений, принимать друг друга такими как есть, а не такими, как хотелось бы. Готовность и способность относиться к другому как к равному, как к партнеру.

Благодаря нашим выпускникам отношения на уровне двух гражданских обществ будут пропитаны взаимным уважением, почетом, доверием. Такой дружеский подход постепенно будет влиять на политику и экономику, которые, безусловно, будут продолжать развиваться в соответствии со своими собственными правилами и подчиняться им, но не смогут быть нечувствительными к той фундаментальной работе, которая будет проделана гражданами мира, которыми, безусловно, являются наши выпускники.

– В 2003 году Россия присоединилась к Болонскому процессу и продемонстрировала готовность национальной системы высшего образования к внедрению лучших зарубежных практик. Политика российского государства сегодня направлена на экспорт российского образования, развитие международных образовательных программ, увеличение количества иностранных студентов в российские высшие учебные заведения. Интернационализация образования сегодня также востребована в Европе и мире, как и двадцать лет назад?

– Интернационализация образования сегодня способна приблизить общество разных стран к решению наиболее острых политических, экономических, экологических и иных проблем мировой повестки дня. В условиях роста международной напряженности и политической неопределенности именно образовательная политика, направленная на интернационализацию, способна принести взаимную выгоду заинтересованным странам. Действительно, опираясь лишь на систему национального образования, нельзя четко и однозначно формулировать стратегии решения глобальных проблем.

Болонский процесс направлен на гармонизацию систем высшего образования стран Европы. Процесс подразумевает активный обмен опытом между странами-партнерами за счет повышения мобильности студентов, профессорско-преподавательского состава, управленческого персонала, подписания договоров о сотрудничестве между ВУЗами, разработки и реализации совместных образовательных программ. Данные задачи достигаются за счет внедрения понятных и универсальных образовательных стандартов, системы образовательных кредитов (зачетных единиц), модульной системы обучения, приложений к дипломам европейского образца, взаимном признании документов об образовании стран – участниц Болонского процесса и др.² Ежегодно увеличивается интерес иностранных граждан к обучению в российских и французских высших учебных заведениях, количество зарубежных студентов стабильно растет.

Интервью и перевод подготовил Ягодка Николай Николаевич.

References

- [1] Voltaire. *An Essay on Universal History, the Manners, and Spirit of Nations: From the Reign of Charlemaign to the Age of Lewis XIV.* 1759. (In French).
- [2] Tocqueville A. *Democracy in America.* 1835. (In French).
- [3] Gide A. *Return from the USSR.* Gallimardmemo. 1950. 224 p. ISBN 2070227839 (In French).
- [4] Custine A. *Russia in 1839, 1843.* (In French).

Информация об авторе:

Баттистелла Дарио – доктор политических наук, профессор, директор по исследованиям Института политических исследований в Бордо (e-mail: d.battistella@sciencespobordeaux.fr).

Information about the author:

Dario Battistella – Director of Research, Professor of the Universities, Sciences Po Bordeaux (France), Doctor of Political Sciences (e-mail: d.battistella@sciencespobordeaux.fr).

² The Bologna Process and the European Higher Education Area. URL: https://ec.europa.eu/education/policies/higher-education/bologna-process-and-european-higher-education-area_en (accessed: 15.02.2020).

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-312-319

Research article / Научная статья

Promotion of Political Values through International Programs of Academic Mobility

De Martino Mario

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
de-martino-m@rudn.ru

Продвижение политических ценностей посредством международных программ академической мобильности

Де Мартино Марио

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
de-martino-m@rudn.ru

Abstract. Nation-states and international organizations widely use educational programs to foster students' mobility abroad. The majority of scientific literature agrees in considering exchange programs as soft power instruments used by countries to promote their values in geopolitically and economically crucial regions. However, a more in-depth analysis of the reasons motivating nation-states to adopt such initiatives is needed to understand their political goals better. The current study consists of analysing the main formulations proposed by scholars, who delved into the topic of international academic mobility as a tool to promote values. The rationales of nation-states and international organizations to develop such programs of academic mobility can be very diverse (geopolitical, economic, and civic). The author described the main principles of each rationale (or logic), providing examples of existing educational programs adopted by countries or international organizations and how political values are promoted according to each logic. The boundaries between the four rationales described in the paper are not distinct and rigid. An educational program can respond at the same time to different logics, and the nation-states decide how to allocate resources to achieve specific results ascribable to a particular rationale. Although different rationales push nation-states and international organizations in promoting international programs of academic mobility, in all cases, such programs are instruments to promote political values.

Keywords: Political values, Educational policy, international educational programs, Nation-state, Fulbright program, Erasmus program, European Union

© De Martino M., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Article history: Submitted on 29.02.2020. Accepted on 10.03.2020.

For citation: *De Martino M. Promotion of Political Values through International Programs of Academic Mobility. RUDN Journal of Political Science. 2020; 22 (2): 312–319. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-312-319*

Аннотация. Национальные государства и международные организации широко используют образовательные программы для развития мобильности студентов за рубежом. В научной литературе большинство авторов сходятся во мнении, что такие обменные программы являются инструментами мягкой силы, используемыми странами для продвижения своих ценностей в геополитически и экономически важных регионах. Однако более глубокий анализ причин, побуждающих национальные государства использовать подобные инициативы, требует лучшего понимания их политических целей. Настоящее исследование состоит из анализа основных понятий, предложенных учеными, которые подробно изучили тему международной академической мобильности как инструмента продвижения ценностей. Национальные государства и международные организации используют различные обоснования для разработки таких программ академической мобильности (геополитические, экономические, гражданские и модель лидера мнений). Автор описывает основные принципы каждого из подходов, приведя примеры существующих образовательных программ, принятых странами или международными организациями, а также ответил на вопрос, каким образом политические ценности продвигаются, согласно каждому подходу. Границы между четырьмя обоснованиями, описанными в статье, не жестко фиксированы. Образовательная программа может одновременно отвечать различным логическим схемам, а национальные государства решают, как распределить ресурсы для достижения конкретных результатов, в рамках конкретного обоснования. Хотя различные обоснования стимулируют национальные государства и международные организации на продвижение международных программ академической мобильности, во всех случаях такие программы выступают в качестве инструментов продвижения политических ценностей.

Ключевые слова: Политические ценности, образовательная политика, международные образовательные программы, национальное государство, программа Фулбрайт, программа Erasmus, Европейский Союз

История статьи: Поступила в редакцию 29.02.2020. Принята к публикации 10.03.2020.

Для цитирования: *De Martino M. Promotion of Political Values Through International Programs of Academic Mobility // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 2. С. 312–319. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-312-319*

Introduction

Education is a sharp instrument that nations can use to promote political values such as human dignity and human rights, freedom, democracy, equality, and the rule of law. For instance, during the cold war, the United States and the Soviet Union used scholarship schemes to attract students of other countries to educate them in several fields and, at the same time, transmit them their culture and values. This practice is not new, and it is possible to find other examples in the past before the Cold War. It is the case of the colonial period, when European powers organized the entire educational systems in colonized countries, imposing their values, culture, and language to them [1]. Nation-states can transmit values

through a public diplomacy strategy, so peacefully, or adopting a more coercive approach as during the colonial period.

What are the reasons pushing states to allocate their financial and human resources to develop international programs addressed to citizens of other nations?

From the scientific literature, which has widely studied such phenomenon, it is possible to identify four main rationales explaining it:

1. Geopolitical rationale;
2. Economic rationale;
3. Civic rationale.

Geopolitical rationale

Education can be an instrument to maintain or extend the influence of a country in other regions of the world. The USA and USSR followed this logic during the Cold War when they widely used education to consolidate their control to affiliated or neutral areas of the globe to promote their ideologies. A typical example from the side of the USA is the Fulbright program, which enabled the hundred of thousands of technical trainees and students from many regions of the world to carry out part of their education in the United States. Several authors underlined how such a program promoted the spread of democratic ideals and American values abroad [2]. Also, the Soviet Union adopted similar instruments, and Peoples' Friendship University Patrice Lumumba, a university opened in 1960 to educate people from affiliated countries of the USSR, is considered one of the primary examples of Soviet cultural policy during the Cold War [3].

The geopolitical or national security rationale is not a widespread practice only of the past. Nowadays, for instance, several countries such as Russia or Turkey and international organizations such as the European Union use educational programs to strengthen links with certain countries through education. Some examples are the CIS University network, used by Russia to strengthen the ties with former Soviet countries [4], and the Turkish cultural diplomacy oriented to enhance the collaboration with neighbour countries in the Balkans and the Middle East to reinforce its position in the region [5]. The technical assistance program in the field of higher education TEMPUS launched by the European Communities in 1990 was a response to the fall of the Berlin wall. It supported a smooth transition to the market economy and democracy in Central and Eastern European countries with the perspective of their future joining in the EU [6].

A sub-category of the geopolitical rationale is the opinion leader model, which combines political and psychological considerations in assessing the impact of academic exchanges abroad. According to this perspective, in case of success, the experience of study abroad can contribute not only to the personal development of the beneficiary of the scholarship, but also a further leadership potential and further encouragement of ambition. This school of thought supports the idea that international programs of academic mobility can even shape international relations because the beneficiaries of the scholarships after the completion of their

studies can achieve critical positions of leadership in their countries. During their stay abroad, international students familiarize themselves with the host country and often adopt a positive attitude towards it. After the mobility period, when the graduates grow up professionally, they cultivate friendly relations towards the host country, sponsoring and mobilizing others to the same end.

In the 1940s, American communications researchers formulated the concept of ‘opinion leader’ based on the idea that recognized knowledge obtained from direct experience could work as catalyzers and transmitters of information within a given community. The United States used academic exchanges intending to reeducate German society towards democratic principles in post-war Germany. The studies of these mobility programs demonstrated that the ‘opinion leader’ model reached the expected results since the participants in exchange programs acted freely as respected and legitimate sources of judgment and opinion on the US [7].

With the technological revolution in the last few years, where news circulates faster, and it is easier to access, exchange programs have lost part of their vigour in functioning as broadcasters of information to wider communities. However, the human factor persists a crucial factor in the academic exchanges abroad, and we should not underestimate how vital are personal contacts and the ongoing influence of direct experience [8].

In the geopolitical perspective, depending on the goal desired and the resources available, nation-states and international organizations can adopt diverse approaches in promoting political values through educational programs to targeted regions. They can use a top-down approach, involving in the educational programs more talented students with the aim that after the studies, once the beneficiary will take a leadership role in the home country, he or she will promote such values to the rest of the population. We can associate this case to the opinion leader model abovementioned. In this regard, the American political scientist Joseph Nye gives an excellent example in his work “Soft Power The Means to Success in World Politics”. In his book, Nye reports that the Soviet politician Aleksandr Yakovlev studied in the 50s in the United States. Such experience influenced him to the point that thirty years later, when he became a Politburo member, he had a considerable influence in promoting liberal reforms during Mikhail Gorbachev’s presidency [9]. Alternatively, nation-states and international organizations can use a bottom-up approach. In such a case, educational programs embrace a broader target group, including organizations such as universities, NGOs, civil society, etc. In the bottom-up approach, the target group benefits directly from international educational programs taking part in them. After educational activities, the direct beneficiaries of such programs may act as a catalyzer of political values to the rest of society, reaching decision-makers and influencing them in their policies.

Economic rationale

According to this logic, nations rely on international educational programs to obtain some profits. The economic benefits can be of different types. Some coun-

tries and universities generate a considerable portion of their incomes, thanks to the tuition fees of international students. A certain number of nation-states, like the United States, Great Britain, Canada, and Australia, with a commercialised full-fee approach and are leading exporters of education services in the world, generating for them a considerable portion of their GDP [10]. According to the data published by Universities U.K., the advocacy organisation for universities in the United Kingdom, international students coming to the U.K. provides a significant boost to local businesses and regional jobs. Besides, they injected more than £25 billion a year into the British economy [11]. Also, the organization Universities Australia underlined that international students generated \$32 billion for the Australian economy, boosting wages and jobs in the financial year 2018 [12].

At the same time, in other cases, foreign graduates become inbound high-qualified workers when they decide to remain in the host country after the completion of their studies [13]. Such a phenomenon, commonly defined as ‘brain drain’, is widely debated by scholars. If, on the one hand, it can create some economic benefits from the host country, on the other hand, it creates a loss of human capital for the home country, which can only be compensated by the remittances from the high-skilled migrants [14]. According to the international nonprofit association NAFSA (Association of International Educators), during the 2018–2019 academic year, international students studying in the US brought almost \$ 41 billion, and they supported 458,290 jobs in the United States [15]. These data confirm that international students represent a valuable source of income for the host country.

Vassiliki Papatsiba, senior lecturer of the School of Education at the University of Sheffield, underlines that the educational program Erasmus in Europe has not only an impact on European higher education but also at economic level in the achievement of the European Single Market [16]. The European integration process started as a project of European nations focused on commercial matters, and gradually, it embraced other sectors, including education. The achievement of a European Single Market, which implied the free circulation of people, goods, capital, and services, could not ignore issues related to education. In other words, a European worker moving from an EU country to another, should not face restrictions associated with the recognition of diploma obtained in another European country. Also, the free circulation of students in Europe thanks to the Erasmus program, enable them to enhance their competences and skills, which have a positive effect on the national and whole European economy.

In the economic rationale, the promotion of political values through international education programs is indirect. The first objective is to obtain some profits, then popularize specific values as freedom, democracy, equality, and the rule of law, and economic pragmatism. For instance, in the case mentioned above of the European Union, the economic benefits can be for all the actors involved. Nation-states will obtain benefits in having more skilled workers and upgrade of some sectors of their economy, workers will become higher qualified and better-remunerated, and the EU will have a more technologically advanced and integrated Single Market. The economic success can have a spillover effect and facilitate among the society the appreciation of values like the freedom to con-

duct business, which encourages innovation, entrepreneurship, economic, and social development.

Civic rationale

International programs of academic mobility are a vital tool to improve life in society at large and relations among citizens. Educational programs, according to the civic rationale, can help in “creating a better world community” through “investing in people” [17]. In other words, international programs of academic mobility can help individuals to understand better societies of other nations, promoting peaceful collaboration between countries.

Within such a rationale, it is possible to identify some sub-categories. A part of the scientific literature stresses the benefits that international educational programs can generate on their participants for their personal development. Some of the primary skills and competencies, which several authors stress are: enhanced language skills, more self-confidence, changes in attitudes and career goals, more solidarity, increased knowledge concerning international affairs [17, 18].

Another part of the scientific literature, narrowing the analysis on personal development with a focus on the European integration process, stresses that the international programs of academic mobility, and in particular the Erasmus program, is a tool to develop a European identity [16, 19, 20]. According to such perspective, the cultural and social aspects of students’ mobility are crucial elements contributing to creating European citizens. In this logic, the concepts of a “Europe of knowledge” and “People’s Europe” are closely interconnected. Since the beginning of the Erasmus program in 1989, the European Commission stressed that the creation of a European dimension of education is a crucial element to strengthen the European citizenship and identity. The scholar Isabel Petit affirms that the European Commission hoped to promote an EU identity through its education policy, which the founding fathers considered necessary to achieve “an ever closer union” [19].

In the civic rationale logic, the promotion of political values through international educational programs may have a positive impact on society at large. For instance, in the case of the European Union, there is a part of academia that embraces the idea that the Erasmus program contributes to promoting values such as tolerance, democracy, freedom, and at a further stage, a sense of European identity [21, 22]. From the civic rationale perspective, the international programs of academic mobility play a crucial role in spreading political values building a society more inclined in principles considered fundamentals for the community in its entirety.

Conclusive remarks

The reasons pushing states to promote international programs of academic mobility, as we have seen, are very diverse. However, the boundaries between each rationale described in the previous paragraphs are not distinct and rigid. In other words, we can associate an educational program with different grounds at

the same time. For instance, the Erasmus program embodies at the same time an economic logic (contribute to achieving a European Single Market) and a civic rationale (creation of a European demos and identity). Also, the Fulbright program responds to multiple grounds. On the one hand, it contributes to consolidating the sphere of influence of the United States globally (geopolitical rationale); on the other hand, it attracts talented students deciding in some instances to continue their academic or professional career in the US (economic logic). Also, the Fulbright program supports the education and training of future leaders of other nations so that we can associate with it the opinion leader model as well.

In designing such programs, decision-makers decide how to allocate resources to achieve specific results ascribable to a particular rationale. For instance, when the European Union elaborates educational programs before the beginning of each financial period, it decides how many resources allocate to intra-European mobility and how many to extra-European mobility. This difference is essential because while mobility between European countries contributes to strengthening the links between EU member states (economic rationale and civic rationale), mobility between European and third countries reinforces the role of the EU as a regional and global actor (geopolitical logic).

Although different rationales push nation-states and international organizations in promoting international programs of academic mobility, in all cases, such programs are instruments to promote political values. Both countries and international organizations decide which rationale fits better in their political agenda and design academic programs addressed to citizens of other countries to maximize the expected benefits.

References

- [1] Scott P. Globalisation and higher education: Challenges for the 21st century. *Journal of Studies in International Education*, 2000, 4.1: 3–10: 5.
- [2] Spilimbergo A. Democracy and foreign education. *American economic review*, 2009, 99.1: 528–43; Fonte R. Higher education in service to democracy. *Community College Journal*, 2009, 79.5: 44.
- [3] Katsakioris C. The Lumumba University in Moscow: higher education for a Soviet–Third World alliance, 1960–91. *Journal of Global History*, 2019, 14.2: 281–300; Lebovic S. From War Junk to Educational Exchange: The World War II Origins of the Fulbright Program and the Foundations of American Cultural Globalism, 1945–1950. *Diplomatic History*, 2013, 37.2: 280–312.
- [4] Jokisipilä M. East or West—or both at the same time?: Higher education as a battleground for the Russian soul. *The Baltic Sea region*, 2014, 12: 375–399.
- [5] Donelli F. Persuading through Culture, Values, and Ideas. *Insight Turkey*, 2019, 21.3: 113–134.
- [6] McCabe R., Ruffio P., Heinämäki P. *Tempus@ 20: A Retrospective of the Tempus Programme Over the Past Twenty Years (1990–2010)*. EUR-OP, 2011.
- [7] Scott-Smith G. Exchange programs and public diplomacy. *Routledge handbook of public diplomacy*. Routledge, 2020: 38–49.
- [8] Scott-Smith G. Mapping the undefinable: Some thoughts on the relevance of exchange programs within international relations theory. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2008, 616.1: 173–195.

- [9] NYE, Joseph. *Soft Power: Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004. 191 p.
- [10] Altbach P.G., Knight J. The internationalization of higher education: Motivations and realities. *Journal of studies in international education*, 2007, 11.3–4: 290–305.
- [11] Universities U.K., International students now worth £25 billion to U.K. economy – new research, URL: <https://www.universitiesuk.ac.uk/news/Pages/International-students-now-worth-25-billion-to-UK-economy---new-research.aspx>. Accessed: 05.03.2020.
- [12] Universities Australia, International students inject \$32 billion a year into Australia’s economy – boosting Aussie jobs and wages. URL: <https://www.universitiesaustralia.edu.au/media-item/international-students-inject-32-billion-a-year-into-australias-economy-boosting-aussie-jobs-and-wages/>. Accessed: 05.03.2020.
- [13] Finn M.G. Stay rates of foreign doctorate recipients from US universities, 2007. Oak Ridge Inst. for Science and Education (ORISE), Oak Ridge, TN (United States), 2010.
- [14] Boeri T., et al. *Brain drain and brain gain the global competition to attract high-skilled migrants*. 2012.
- [15] NAFSA, The United States of America: Benefits from International Students <https://www.nafsa.org/sites/default/files/media/document/isev-2019.pdf> (webpage consulted on 05/03/2020).
- [16] Papatsiba V. Political and Individual Rationales of Student Mobility: a case-study of ERASMUS and a French regional scheme for studies abroad. *European journal of education*, 2005, 40.2: 173–188.
- [17] Sowa P.A. How valuable are student exchange programs? *New Directions for Higher Education*, 2002: 63–70.
- [18] Marciniak D., Winnicki M. International student exchange–motives, benefits and barriers of participation. *Zeszyty Naukowe. Organizacja i Zarządzanie/Politechnika Śląska*, 2019, 133 *Management in Industry and Services*: 93–105.
- [19] Petit I. Mimicking history: The European Commission and its education policy. *World Political Science*, 2007, 3.1.
- [20] Mitchell K. Rethinking the “Erasmus Effect” on European Identity. *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 2015, 53.2: 330–348.
- [21] KING, Russell; RUIZ-GELICES, Enric. International student migration and the European ‘year abroad’: effects on European identity and subsequent migration behaviour. *International Journal of Population Geography*, 2003, 9.3: 229–252.
- [22] VAN MOL, Christof. The influence of European student mobility on European identity and subsequent migration behaviour. In: *Analysing the consequences of academic mobility and migration/Dervin, Fred [edit.]*. 2011: 29–50.

Информация об авторе:

Де Мартино Марио – кандидат политических наук, Заместитель начальника отдела взаимодействия с международными организациями Департамента по международному научно-образовательному сотрудничеству Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0002-3903-6532) (e-mail: de-martino-m@rudn.ru).

Information about the author:

Mario De Martino – PhD in Political Sciences, Deputy Head of the Department for Interaction with International Organizations of the Department for International Scientific and Educational Cooperation, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-3903-6532) (e-mail: de-martino-m@rudn.ru).

ДЛЯ ЗАМЕТОК
